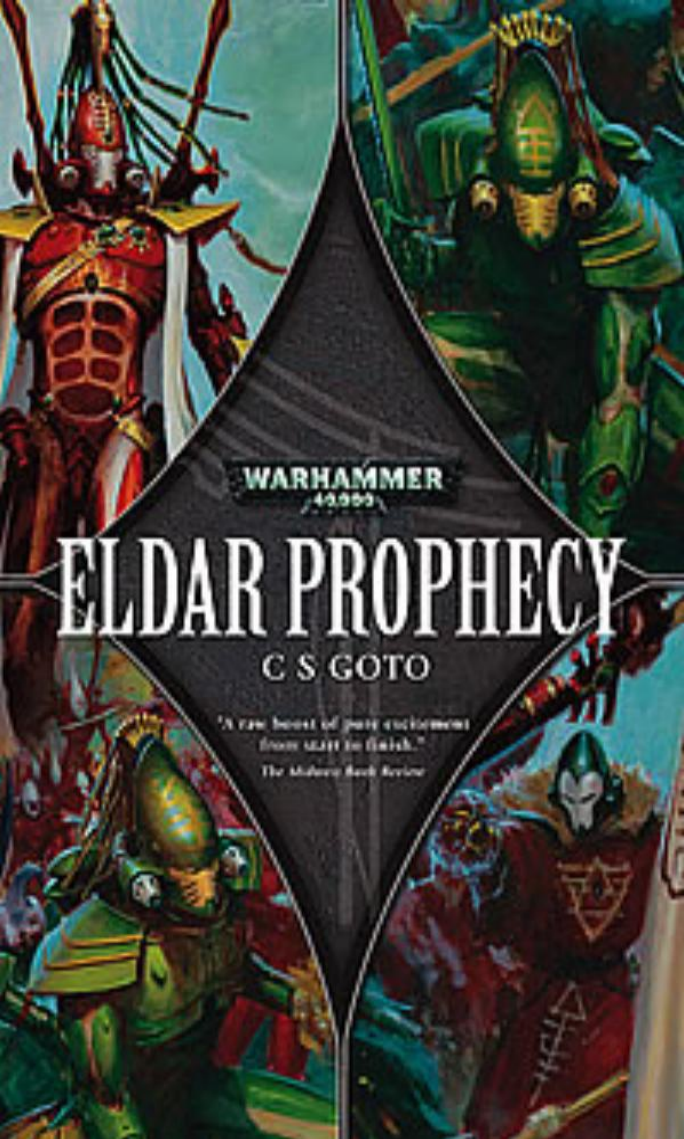
WARHAMMER
40,000
ELDAR PROPHECY
C S GOTO
"A raw burst of pure excitement
from start to finish."
The Modern Book Review

Annotation

Древние и непостижимые для человеческого понимания, эльдары являются загадочной расой, которая гордо шествовала среди звёзд, когда прародители человечества ещё только выползли из изначальных морей Терры. Их величественная империя охватывала всю галактику: их прихоти определяли судьбы миров, и их ярость гасила ярчайшие звёзды. Но много веков назад, эти дети Азуриана пали жертвой гордости, упадка и морального разложения -- это было Падение эльдар. Из их поразительного могущества и извращённых грёз родился отвратительный и порочный бог -- Великий Враг. Психический взрыв его крика при рождении вырвал сердце империи эльдар, оставив на его месте пульсирующую, кровоточащую рану-- Око Ужаса.

И теперь, во времена Империума человечества, эльдары всецело угасающая раса -- последний осколок разрушенной цивилизации, погруженный в постоянную

войну, так как они ищут убежища от посягательства вечно жаждущего Великого Врага, борются, чтобы сдержать роковой свет своих пламенных чувств, чтобы Враг не отыскал их вновь. Тем, кому удалось бежать до разрушительного Падения, укрылись на огромных живых кораблях, которые называются искусственными мирами; именно на этих мирах-кораблях последние остатки цивилизации эльдар дрейфуют среди звёзд как рассеянный и кочевой народ.

Только несколько мудрейших ясновидцев эльдар знают, сколько искусственных миров спаслось после Падения. Один из таких миров, который скрылся в самом тёмном уголке галактики, таящийся от Великого Врага в строгом уединении в неизведанном пространстве, где его невозможно отыскать, был Каэлор -- Сияющий Глаз. Он дрейфовал вдали от соприкосновения с цивилизацией, чтобы не выдать себя, и не обращал внимания на собственные ментальные отклонения до тех пор, пока их сила мало-помалу не привела к

значительному духовному резонансу, который привлёк внимание именно тех глаз, от взгляда которых он желал скрыться. Это -- история Каэлора.

- Кассем Себастьян Гото
  - Пролог: Мерзость
  - Часть I: Смутные воспоминания
    - Глава первая. Айони
      -
    - Глава вторая. Силти
      -
    - Глава третья. Кервин
      -
    - Глава четвертая. Бедвир
      -
    - Глава пятая. Йзульт
      -
  - Часть II: Метастаз.
    - Глава шестая. Найс
      -
    - Глава седьмая. Хукулин
      -
    - Глава восьмая. Эйнгил
      -

- Часть III: Неутолимый
  - Глава девятая. Вызов
    -
  - Глава десятая. Революция
    -
  - Глава одиннадцатая. Очищение
    -
- Эпилог: Пророчество
  -
- Приложение
  - Представление искусственного мира Каэлор и глоссарий связанных терминов
    -
  - Глоссарий: имена, места и названия Каэлора
    -

Кассем Себастьян Гото
Эльдарское пророчество

Монстру, который
следует по саду путём Айнио.

Пролог: Мерзость

ОНА МОРГНУЛА, и собравшиеся невольно вздрогнули.

Сапфирная вспышка её сияющих глаз сверкнула сквозь темноту, прикоснувшись к душе каждой из сестёр Ютран, которые стояли в церемониальной сосредоточенности вокруг Кольца Ластрины. Длинные красные мантии провидцев покачивались в воздухе подобно покровам потерянной невинности, пойманным в воронку вихря фаэрула – эфирного ветра душ, который исходил из самого сердца Каэлора.

Маленькая мерзость сидела в самом центре вибраций призрачного круга. Её голова была недавно побрита, что придавало ей мирный вид, гладкие и ровные черты излучали слабый свет цвета белого жемчуга. Лицо её было элегантной овальной формы, а юные щёки переходили в твёрдую линию подбородка. Всем присутствующим она казалась подобной статуе совершенного мастерства,

достойной Ваалута Серебряного – только поразительные голубые глаза словно бы излучали жизнь из самой глубины её сущности, подобно свету самой Иши. Маленькая Эла моргнула снова.

Глядя со своего места в круге в тёмном Святилище Аластрины древнего Дома Провидиц Ютран, Синния затаила дыхание и наклонилась вперёд, словно боясь, что даже лёгкого дуновения было бы достаточно, чтобы погасить древний сапфирный свет в глазах ребёнка-слир. В этот момент взгляд младенца представлялся провидице одинокой свечой в бесконечном мраке.

Красные одежды Синнии чуть дрогнули в такт её прерванному движению, выдавая её беспокойство всем, кто мог бы это увидеть. Но все глаза были направлены на вох – терзость, как Синния назвала зловещую юную провидицу, находящуюся под её попечением.

Веки младенца на миг сомкнулись, и затем снова открылись, словно вспыхнула голубая звезда в клубящейся туманности красных одежд, окружавших её. Несмотря

на их презрение к малышке, провидицы Ютран затаили дыхание, пронзённые взглядом маленькой женщины, которая с такой очаровательной безмятежностью сидела перед ними. Каждая из них испытывала тревожную смесь чувств, нечто среднее между благоговением, отвращением и страхом.

Маленькая Эла приводила их в смятение.

Это совершенное и прекрасное лицо медленно повернулось, словно бы независимо от своего аккуратно сидящего тела. Его сапфирные глаза мерцали как сходящиеся звёзды, пристальный взгляд которых осматривал тёмно-красный круг, бегло скользя по лицам, которые уже стали так знакомы за последние несколько лет. Эла смотрела сквозь них, как если бы Ютран были призраками небытия.

Синния наблюдала, как сверкающий взгляд Элы осматривал круг, чуть касаясь каждой из сестёр своим сиянием. Не в первый раз молодая провидица Ютран чувствовала, что она лишь наблюдатель, стоящий у истоков этой отвратительной

жизни, и имеет значение только когда отражается в этих блестящих сапфировых глазах.

На мгновение Синния вспомнила первый раз, когда она увидела крошечного ребёнка-слир, завёрнутого в роскошные одеяния Владычицы Айони, которого матриарх Ютран принесла ей в святилище большого дома провидцев. В некотором смысле, в тот день началась собственная жизнь Синнии. По крайней мере, она изменилась навсегда. Айони вручила ей малышку с широко раскрытыми глазами, словно вверяла ей самое большое сокровище Каэлора. С того самого момента Синния, несмотря на собственный юный возраст, посвятила себя воспитанию девочки, заняв своё место в тени крошечной терзости. Айони так никогда и не сказала, где она нашла эту малышку, но происхождение Элы казалось ясным всем.

Воспоминания зажгли в дамашир – душе Синнии чувство глубокого противоречия, вызывавшего дрожь вдоль всего её тела. Не в первый раз она

заставила себя подавить глубокое беспокойство, которое Эла вызывала в её мыслях. Малышка находилась под её опёкой.

Непосредственно перед тем, как взгляд Элы достиг её, она невольно, словно внезапно смутившись, опустила глаза, уставившись в безукоризненно отполированный пол из призрачной кости, который в течение нескольких поколений очерчивал это священное пространство. Подсознательно она искала убежища в древней, неизменной структуре материала своего дома, надеясь, что её жест будет выглядеть как проявление уважения к другим. От этого взгляда невозможно было укрыться. Это был не просто мост, который соединял материальное пространство между глазами Элы и склонённой головой Синнии, скорее он разрывал само бытие, проникая сквозь невидимые измерения в параллельном мире непосредственно в разум провидицы. В тот момент ментального контакта, в течение которого Синния усилила защиту от

пристального взгляда, который, казалось, проник к самым глубинам её существа, быстро закрыв свои мысли, чтобы маленькая терзость не смогла увидеть слишком много, образ Элы возник в её разуме. Она была старше, но по-прежнему легко узнаваемой. Её волосы были неожиданно длинными и белыми, как грива из психоактивного шёлка Мируна, но её сапфирные глаза потухли. На месте её блестящих глаз были два провала тьмы, расположенных на безупречной коже, и из этих впадин ручьём стекала кровь, словно река ужасных слёз. Всё ещё, даже в таком виде, Синния могла чувствовать прикосновение взгляда ребёнка-слир к своему разуму, словно бы потеря глаз не повлияла на её способность видеть: то было призрачным зрением. Действительно ли Эла была эвилин? Это было причиной, почему Айони спасла её?

В тот же момент, как только Синния собрала воедино свои разрозненные мысли, юная терзость в центре круга провидиц издала крик боли, словно бы она разделила с Синнией ужасное видение

своего будущего.

Подняв глаза от мерцающей глубины пола из призрачной кости, Синния увидела вспыхнувшие и засиявшие, блестящие, но лишённые сосредоточенности глаза Элы, как будто бы дитя увидело нечто поразительное в бесконечном пространстве перед нею. Она сидела, вытянувшись в струну, с дикими глазами, пристально глядя прямо на Синнию, но её взгляд не был, ни сфокусирован на провидице, ни направлен сквозь неё. Угол её зрения было просто невозможно определить, словно бы маленькая Эла смотрела на совершенно другой мир, чем тот, который её окружал.

Никто из сестёр Ютран не пошевелился, чтобы оказать помощь или поддержку внезапно расплакавшейся малышке в центре их круга. Они стояли, изо всех сил сохраняя спокойствие, тогда как дуновение фаэрула продолжало покачивать их мягко колеблющиеся одежды. Прикованные к месту они с отвращением заинтригованно наблюдали за необычным действом, которое

разворачивалось перед ними. Ритуал Аластрины ещё никогда не совершался столь юной провидицей и никогда не проводился до тех пор, пока Совет Провидцев не объявлял новенькую подготовленной, посвящая её посредством Ритуала Тюйриан.

Невысказанное понимание пронеслось по кругу провидиц, как болезненная смесь сострадания и отвращения. Они не были невосприимчивы к страданию малышки, но что-то было в самой её сущности такое, что они находили отвратительным. Она была опасна. Она была неуравновешенна и ненормальна, и многие из сестёр Ютран соглашались, что для всех было бы гораздо лучше, если бы Владычица Айони позволила её казнить вместе с отцом в конце Династических Войн.

Однако Владычица никогда ничего не делала без серьёзного основания, и никто даже теперь не осмелится подвергнуть сомнению её предвидение. Ещё один страдальческий крик перешёл в пронзительный визг, и пол из призрачной кости начал пульсировать и трещать от

энергии. Глаза Элы внезапно расширились, вокруг неё сверкали потоки ша'эйль, струились сквозь пол и вспыхивали крошечными звёздами света, когда они проходили сквозь психические связи, оставляя призрачные прожилки, мерцающие прямо под отполированной поверхностью.

Призрачные завитки уходили сквозь настил, сплетаясь и мерцая, когда достигали ног провидиц, которые стояли неподвижно по кругу преисполненные благоговейного страха и любопытства. Ни одна из сестёр Ютран не двигалась, прикованная к своему месту собственным волнением.

В доме провидцев ничего подобного не случалось уже тысячи лет.

Видения начали колебаться и течь сквозь пол, постепенно стекая с отражений провидиц, переплетаясь и смешиваясь с потоками ша'эйль. Сначала они были бесформенны, но подчиняясь непостижимому пути, властно притягивали взгляды провидиц вниз, вовнутрь себя, словно бы впитывались в их

разумы как густая жидкость.

Мерзость, энергия варпа и сам зал составляли опьяняющую и смертельную смесь. Всё ещё стоя на границе круга, Синния пристально всматривалась в окружающую картину с непониманием и недоверием, чувствуя, как атмосфера в помещении кружится и сгущается вокруг Элы. Словно бы круглое помещение стало котлом, внутри которого кипели чувства и внутренняя энергия провидиц. Круглый зал Кольца Аластрины был построен в Блестящий Век Гуори Основателя, и его архитектура была уникальна для всего Каэлора. Призрачные кузнецы и костопевы в этот день работали вместе с ясновидцем, чтобы создать совершенное пространство, проводящее духовную энергию вокруг легендарного кольца, которое ясновидец некогда подарил Аластрине. Хотя помещение должно было усиливать энергию тех, кто стоял вокруг его центра, оно также фокусировало эту энергию в самый центр, удерживая её там, как свет внутри отражающей сферы. Из-за такой удивительной и элегантной

конструкции ясновидцу удалось преподнести Дому Провидиц Ютран совершенный дар, одновременно не давая им возможность использовать какую бы то ни было энергию за пределами их собственных стен.

Синния увидела огонь прежде других. Вначале это было похоже на тлеющие в золе угольки, едва различимые в тёмноте под поверхностью пола. Затем тлеющие угли вспыхнули золотой искрой, и дыхание фаэрула там, казалось, стало тише, раздувая искру в пламя. Спустя несколько мгновений, не длиннее взмаха крыльев крошечного жука аэреб, огонь метнулся вниз, распространяясь внутрь пола с такой безудержной яростью, что Синния должна была подавить инстинктивное желание отдёрнуть свои ноги от несуществующего жара. Она заставила себя вспомнить, что это была иллюзия, лишь проекция видения Элы на совершенный проводник ментальной энергии, каким являлся материал пола.

Неясные очертания фигур извивались и корчились между огнями в агонии или экстазе, или в том и другом одновременно.

Они были тёмными, как силуэты или проекции призраков, быстро проносившиеся сквозь пламя, словно потерянные дамашир - души или демоны.

Внезапно на сестёр Ютран снизошло понимание. Как одна, они затаили дыхание, поражённые видениями, которые изливались из разума юной Элы. Маленькая терзость испускала наружу поток видений внутрь Кольца Аластрины, наполняя его сценами смерти и кровавой резни, демонеттами Великого Врага, танцующими на горящих улицах Каэлора. Видения обжигали их разумы, тогда как неистовое пламя безопасно и холодно облизывало ноги.

Синния отпрянула назад, слегка пошатнувшись под воздействием ментального заграждения. Раньше она никогда не видела картин такого насилия, разыгравшихся в этом священном помещении, и, конечно, никогда прежде ничего подобного не случалось во время Ритуала Аластрины.

Она чувствовала, что её мысли неуклонно раскаляются, до тех пор, пока

она не поняла, что больше не может удерживать их. Как если бы огонь на полу был одновременно и в её голове. Мысли пылали внутри её черепа, разогревая разум, словно закипающий суп. Они начали плавиться, сворачиваясь вместе до тех пор, пока она больше не смогла отличить одну от другой, приводили её разум в состояние кружащейся психической смеси.

На одно мгновение, и впервые с тех пор, как она прошла через Испытания Ментон много лет назад, Синния чувствовала, что её душу охватил неподдельный ужас. Словно бы это дитя в действительности сжигало её личность и наполняло разум пламенем и демонами.

В неожиданной вспышке Синния ещё раз увидела образ ребёнка-слир, неподвижно сидящего в безмятежном спокойствии в самом сердце бушующей ярости. Её глаза были глубокими провалами мрака, из которых вырывался весь этот огонь. Из них потоками лились реки крови, падая каскадом на её пузырящуюся и горящую кожу. Она была не одна. Позади неё с протянутыми руками, окутанный

демоническим огнём, как плащом, стоял брат Элы, Найс. Его ладони были полны крови, и глаза сияли невероятной, маниакальной тьмой.

Картина ужасных брата и сестры мелькнула на кратчайший миг, как подсознательный импульс, но невозможно сказать, была ли она реальна, видели её другие, или она всецело существовала лишь в собственном разуме Синнии. Её способность к пониманию на границах между этими измерениями потерпела почти полное фиаско.

Другой вопль страдания вырвался у сидевшей Элы, но в этот раз он сорвался на высокий, свистящий визг на грани слышимости. Этот крик, казалось, разорвал в клочья видения, наполнявшие зал, словно яркая полоса огня, прорезавшаяся сквозь стекло. Одновременно сонм картин и видений исчез из вида, вновь оставляя зал неожиданно холодным, спокойным и безмолвным, а истощённое и опустошённое отвратительное дитя в центре круга повалилось вперёд на пол.

Глаза её, наконец, закрылись.

Одна за другой сёстры Дома Ютран отвернулись от малышки и спокойно покинули помещение. Новенькая была обязана остаться, чтобы прийти в себя, используя свои собственные силы. Это было традицией ещё со времён самой Аластрины. Когда они вышли, провидицы старались производить впечатления, словно бы ничего не случилось, как если бы ритуал прошёл так, как они ожидали, словно бы вообще не произошло ничего исключительного, но ни одна из них не могла скрыть неуверенность своей походки.

Спустя небольшое время Кольцо Аластрины опустело за исключением двух безмолвных фигур. Маленькая Эла неподвижно лежала на призрачной кости. Тонкая струйка крови стекала из уголка её рта и собиралась лужицей возле жемчужно-белой щеки. Синния осталась стоять на своём церемониальном месте, почему-то не способная отвернуться и оставить терзость одну, и пока ещё не в силах заставить себя наклониться и оказать ей помощь. Один и тот же вопрос вращался в её голове снова и снова, пока от

него не затошнило.

Действительно ли это эвилин?

Часть I: Смутные воспоминания

Глава первая. Айони

ЗОЛОТЫЕ с зелёным флаги Дома Тейрту гордо развевались над головами воинов, когда они выходили из Сентриума и строились в боевой порядок перед вратами Ривалина, последним большим барьером между грубыми стикс-ман и утончёнными придворными эльдарами Нэвир. Десятки защитников Дома Тейрту были построены в идеальные, строгие шеренги, словно для проведения смотра. В сгущающейся темноте сумерек этого сектора их отполированная броня сверкала в отражённом свете, исходящем от Дворца Ясновидца позади них, делая видимыми их силуэты врагам посреди потока сияния, словно бы они находились в ауре самого ясновидца, в то время как символ Змея Айдена сверкал в густой тени, которая проходила поперёк их груди.

Йзульт не нужно было прокладывать себе путь сквозь шеренги. Они автоматически расступились, когда она прошествовала от ворот прямо к передним

линиям её войск. Когда перед ней открылся проход, мимо в прогал устремился луч света, вынося её длинную тень за пределы поля сражения. Голова гигантской, вытянутой тени почти достигала ног врагов у тёмно-красной линии фронта.

- Вам здесь не рады, пауки варпа, - пробормотала она, делая шаг вперёд из своей линии пока не осталась стоять в одиночестве. Ряды Стражей дома сомкнулись позади неё, стирая её тень пеленой темноты. - Вы повернёте назад.

В голосе не было глубины, от чего его интонация казалась обычной и безучастной, но её глаза сосредоточенно сверкали. Броня её была безупречна, словно для официальных церемоний. Она не носила шлема, и длинные чёрные волосы ниспадали поверх тёмно-зелёного плаща, который каскадом лился с плеч, словно мягкая грива, указывая на её ранг,. Длинная рукоять древнего, внушающего ужас, двуручного меча, выглядывала из-под складок ткани и была прочно прикреплена к поясу с помощью золотой пряжки в виде головы змеи.

Стоявшие в строю напротив неё Воины Аспекта не шелохнулись. От их командующего не последовало никакого ответа, и ни один эльдар не выступил вперёд из их рядов. Они стояли неподвижные и неумолимые перед лицом Стражей Дома Тейрту в потоке света, который лился из Сентриума через большие Врата Ривалина. В ярком сиянии их тёмно-красная броня светилась как предупреждающий маяк.

Йзульт слегка прищурила глаза, пристально глядя на них. Могло ли быть так, что они просто не услышали её? Она тщательно рассчитала беспристрастную громкость голоса, достаточную, чтобы не страдающие глухотой услышали обидные слова.

Она мысленно вздохнула, зная, что правила этикета для начала сражения различаются у разных Аспектов. Правила битвы между Великими Домами были определены и записаны во время Династических войн в течение последней сотни лет, но было не ясно, применимы ли те же самые правила к Храмам Аспекта,

которые не торопились принимать участие в этом ужасном противостоянии, или, по крайней мере, не спешили обнаруживать этого.

Во время собственного цикла обучения в Храме Яростных Мстителей Йзульт усвоила достойный и благородный этикет. Было вполне правдоподобно, что коварные Пауки Варпа не разделяли её кодекса поведения. Тем не менее, она осознавала, что вела себя без должного уважения.

Вам здесь не рады, пауки варпа. Вы уйдёте отсюда, или мы обратим вас вспять. - Осознавая, что озвучивание своих слов, возможно, было излишне оскорбительным, в этот раз она повторила их мысленно, не произнеся ни слова. Вместо этого она направила их через разделяющее пространство прямо в разумы Пауков Варпа.

Кто ты, чтобы отказывать нам в гостеприимстве, служительница Тейрту? - Ответ прозвучал твёрдо и ярко, он интенсивно резонировал в голове Йзульт. Она не могла сказать, был ли он слышим

её Стражам. Часть её надеялась, что нет.

- Я Йзульт Тейрту-ан, - представилась Йзульт, делая ещё один шаг вперёд от своих рядов так, чтобы её было ясно видно с обеих сторон.

Она произнесла слова вслух, принимая и усиливая вызов, который заключал в себе такой ответ. Сказанные с умыслом или нет, слова её оппонентов уязвили её, хотя было правдой то, что с Домом Тейрту её связывала только клятва, она не была его частью от рождения.

- Я в достаточной степени уполномочена приветствовать наших друзей, и я в состоянии дать отпор нашим врагам, -- добавила она, позволяя враждебным интонациям достигнуть слуха Пауков Варпа.

Всё это было частью ритуала начала.

У нас нет никакого желания сражаться с тобой, Мстительница Йзульт. - Тёмно-красная линия фронта Пауков Варпа расступилась, и из строя вышла величественная фигура. Она была

на голову выше своих Воинов Аспекта, и её плечи горделиво распрямились, когда волна света от Сентриума разбилась о её доспехи, словно вода о скалу. Как и Йзульт, экзарх была без шлема, давая понять, что формальности ещё не были исчерпаны. - Твоя слава достигла нас.

Йзульт улыбнулась, приподняв одну бровь в лёгком удивлении. Она была удивлена узнать, что для этой стычки экзарх находилась среди своих воинов, но это, безусловно, объясняло внутреннюю мощь голоса, который прогремел через нейтральную зону моментом раньше. Ещё более удивлена она была тем, что интонации казались примирительными. Экзарх Эйнгил действительно пытается предотвратить битву, или это лишь часть этикета Пауков Варпа?

- Ты оказываешь мне честь, экзарх, - отвечала она всё ещё вслух, чтобы её скептический тон могли слышать собственные воины. Если попытки примирения Эйнгил были неискренни, Йзульт не хотела попасться на удочку. Кроме того, когда был выбор между

дипломатией и боем, Яростный Мститель должен всякий раз предпочесть битву. Она пришла не за тем, чтобы охранять Врата Ривалина только перекидываясь словами с этим экзархом или не экзархом Пауков Варпа. – Я бы тоже не хотела сражаться с собой!

Не нужно больше каэлорской крови, чтобы проливать её в этот день, Йзульт Тейрту-ан. Руки великих домов и так уже достаточно запятнаны. Мы просто ищем безопасный проход к Святыне Флюир-герна. Это всё.

Глаза Йзульт снова сузились, когда вспышка рубинового света угасла на древней броне экзарха. Это не было похоже на ритуал начала. В течение Династических войн Йзульт уже привыкла выходить вперёд, объявлять своё имя и затем начинать сражение с достойным противником. В первой схватке сражались избранники с каждой стороны, а затем, в зависимости от исхода, остальные воины бросались в драку. Или они отступали, признавая превосходство противника. После стольких смертей, эльдары Каэлора

вынуждены были создать способ сражения, который бы не оставил искусственный мир совсем без эльдар. В самых укромных уголках дамашир, все они знали, что дети Иши были угасающим светом в галактике, и никто не хотел быть ответственным за то, что погасил его полностью.

И всё же попытки к примирению Эйнгил раздражали Йзульт. Она видела, что в их глубинах скрывался обман, словно смертоносная змея, таящаяся в цветах дерева умбала. Задержка казалась нерешительностью или даже трусостью. Если бы Пауки Варпа хотели миновать ворота, им стоило просто идти. Вся эта ситуация казалась отчасти оскорбительной, и Йзульт размышляла, не насмехаются ли над ней.

- Ты не считаешь меня достойной твоей крови, экзарх Каина? -- Йзульт нашла причину своего возрастающего гнева. - Ты не будешь сражаться со мной?

Позади себя Йзульт могла чувствовать, как в рядах Стражей дома закипало возрастающее негодование.

Я не желаю сражаться с кем бы то ни

было в этот день.

ТЫСЯЧИ ЭЛЬДАР переполняли улицы и бульвары, которые сходились на Площади Ваула в самом сердце величественного сектора Сентриум, в центре которого стояли Дворец Ясновидца и Святыня Флюир-герна. Сентриум был самым большим и наиболее древним сектором на всём Каэлоре, центром Олипсина и домом эльдар Нэвир. Главные улицы были переполнены далеко от места сбора, поскольку народ прижимался друг к другу в надежде мельком увидеть тело, которое лежало в стасисе на серебряной декоративной наковальне, отмечавшей геометрический центр искусственного мира Каэлор. Наковальня служила монументом Ваула, бога-кузнеца, который, как считали, был богом-покровителем самого Гоури Сияющего. Она служила церемониальным алтарём во время важных событий, но никогда прежде не была украшена телом кого-то не из рода Фивалина.

Несмотря на плотное скопление

эльдар, стояла тягостная тишина, которая нависала над Сентриумом. Как и все из их расы, каэлорцы были заложниками своих сильных эмоций. Именно во времена столь тяжёлого общего горя они затерялись в уединении своего искусственного мира. Ни один не произнёс даже слова утраты, но каждый чувствовал общую боль других, пока весь сектор не оказался залитым скорбью и воспоминаниями.

Не было никакого официального объявления о Церемонии Перехода, но скопление страдания и боли было маяком, который притягивал эльдар со всего Каэлора разделить последние мгновения их возлюбленной Владычицы. Каэлорцы чувствовали притяжение к изливавшимся эмоциям, словно мотыльки к пламени, как если бы они получали силу и сплочённость от общей скорби.

Высоко, на одном из балконов того самого Дворца Ривалина, который располагался на площади, Синния подняла голову и украдкой посмотрела вокруг себя. Со всех сторон её окружали другие

придворные Олипсина – Круглого Двора – каждый с почтительно склонённой головой. Один или двое закрыли глаза, словно они сознательно старались настроить свои разумы на волны горя, которые расходились внизу на площади. Тяжесть была гнетущей.

К своему удивлению Синния увидела, что один из придворных поднял свой взгляд от толпы внизу. Он украдкой оглядел балкон до того как заметил, что Синния наблюдает за ним, а затем несмело улыбнулся, смущённо сморщив красивое смуглое лицо. В этот момент Синния увидела, что его глаза отливают золотом, и заметила потрясающее богатство его шёлковых одежд. Вопреки самой себе, Синния улыбнулась в ответ, как ребёнок в момент узнавания и смелости, а затем смущённо опустила веки.

Под ними внизу, в центре площади, она могла видеть пустую оболочку, которая когда-то была телом Владычицы Айони. Оно было заботливо уложено поперёк серебряной наковальни в

театральной позе, которая, безусловно, была тщательно продумана, чтобы усиливать эмоции собравшихся. Эстетически это выглядело прекрасно, хотя до неприличия сентиментально и с попыткой манипуляции чувствами зрителей, так как тело было всё-таки немного большим, чем просто оболочка. Это была часть постановки, которая была бы достойной Риллийтанн, и Синния немедленно усомнилась в том, что эстетически не развитые стикс-тан из Дома Тейрту могли сами додуматься до такого. На мгновение она задалась вопросом, советовались ли с ясновидцем о том, как лучше провести церемонию. Несмотря на некоторые свои недостатки, старому Ахирну Ривалину не отказало его хорошее чувство прекрасного, и было общеизвестно, что Айони была его любимицей.

Чувство дискомфорта мягко окутало её лицо, и Синния снова бросила быстрый взгляд в сторону и увидела, что Селиддон Оссиан продолжает рассматривать её своими золотистыми глазами. Его

упорство граничило с бесстыдством, что, несомненно, было нарушением приличий на такой церемонии, как эта. Она отвела взгляд, совершенно не рассерженная таким вниманием, но и не желая поощрять что-либо в этом роде. Здесь было не время и не место.

Лёгкий шум и движение внизу привлекли её внимание к площади. Сквозь толпу открылся проход, и из ворот дворца прямо под ней появилась небольшая группа эльдар. Одетые в пышные церемониальные наряды зелёного и золотого цветов своего великого дома, с флагами, гордо реющими над головой, под предводительством Айдена Тейрту они проследовали сквозь толпу к подиуму, который был установлен для них рядом с наковальней. Перед собой Айден нёс сложенную ткань изумрудно-зелёного цвета, словно он бережно держал в своих руках ребёнка.

Впервые с окончания Династических Войн Синния чувствовала, что вид Айдена вызывает у эльдар Сентриума любовь и симпатию. Когда он поднялся на подиум рядом со своим сыном Морфрэном и юной

красавицей Орианой позади себя, Синния почувствовала, что волна эмоций до краёв наполнила собрание и захлестнула их. Впервые за много лет Айден был в центре положительных эмоций. Не зависимо от того, как мучительно остальная часть Каэлора переживала потерю Владычицы Айони, они знали, что он должен чувствовать это намного сильнее любого другого. Она была с ним ещё до его кровавого прихода к власти в Сентриуме. Она пришла с ним из далёких краёв Тейрту, когда он вошёл в Олипсин и вырвал реальную власть у ясновидца, и она придала Дому Тейрту при дворе дух изысканности. Без неё утончённые Нэвир Круглого Двора, возможно, никогда бы не приняли грубого Айдена.

Они даже не заметили, что ясновидца нет, подумала Синния, с огорчением и глубоким волнением покачав головой на ту лёгкость, с которой можно было управлять её согражданами каэлорцами. Она раздумывала, что это было одним из многих последствий эмоциональной натуры Сынов Азуриана –

как иногда называли эльдар – и это не было тем, что можно полностью сдерживать Путём Эльдара Айнио, не смотря на широко распространённое обратное утверждение. Повышенная рассудительность и дисциплина не могли изменить основную сущность дамашир эльдар, они только скрывали её. Глядя вниз на тысячи эльдар, собранных в горе и единении, Синния на мгновение была потрясена их коллективной уязвимостью перед необоснованным доверием.

Степень тишины, заполнявшей площадь, внезапно изменилась, возвращая мысли Синнии к церемонии, которая проходила внизу. Она видела, что Айден шагнул вперёд к краю подиума, по бокам которого располагались знаменосцы Тейрту. С бледным и торжественным лицом он приблизился к оболочке Айони и серебряной наковальне, которая располагалась ниже прямо перед ним. Очень медленно он развернул изумрудную ткань, которую держал с такой церемониальной осторожностью, позволяя материи спуститься во всю длину поверх

края подиума так, что её сияющий шёлковый блеск увидели все собравшиеся. Великолепная ткань струилась и развевалась, как флаг, и в её центре сиял золотой змей Тейрту. Всюду на площади и примыкающих к ней улицах почтительно склонились тысячи голов, как если бы Айден развернул знамя самого ясновидца.

Без единого слова Айден взметнул ткань в воздух и позволил ей опуститься поверх тела Владычицы Айони и серебряной наковальни, укрыв их цветами Дома Тейрту. Наблюдая за этим, Синния надеялась, что хотя бы некоторые из собравшихся эльдар поймут и возмутятся политическим смыслом символического жеста Айдена, как с помощью этой помпезной тряпки он объявил Айони и наковальню принадлежащими своему великому дому.

Словно в гармоничном согласии с действиями Айдена, в толпе открылся путь, ведущий от наковальни к вратам Святыни Флюир-герна на краю площади напротив дворца. В то же самое время

вереница одетых в форму Стражей хлынула из врат и выстроилась в безупречные ряды вдоль прохода в толпе, преобразовав его в коридор из изумруда и золота для последней процессии Владычицы Айони.

Напротив, на балконе Дворца Ривалина Синния с презрением покачала головой. Отвернувшись от сцены внизу, она осторожно проложила себе путь между другими придворными на балконе, которые пребывали в почтительно склонённых позах, и вернулась назад внутрь дворца, чтобы тут же обнаружить Селиддона в зале для приёмов с двумя дымящимися бокалами голубого Эдрисиана в руках. С улыбкой благодарности и облегчения Синния протянула руку и взяла один бокал.

ЙЗУЛЬТ НАБЛЮДАЛА, ЧТО экзарх повернулась и снова растворилась в ряду тёмно-красных Воинов Аспекта, которые стояли напротив её отрядов Стражей. Вспышка тревоги сверкнула в её голове, когда она обдумывала возможность, что Науки Варпа просто собрались

повернуться и уйти без какого-либо сражения. В чём бы тогда была честь? Ритуалы начала не привели ни к капитуляции, ни к демонстрации очевидного превосходства той или иной сторон. Разойтись было бы просто оскорбительно, словно бы Науки Варпа не считали её или Стражей Тейрту достойными сражения. Она не могла возвратиться к Айдену без победы, и она не позволит оскорблению своей гордости оставаться безнаказанным.

Она проклинала высокомерие Воинов Аспекта.

Поскольку Йзульт стала терять терпение, и её воля начала собираться в кулак из-за намёка на оскорбление, брошенного ей, её рука инстинктивно опустилась к рукояти лютого меча. Холодная металлическая поверхность вызвала дрожь мщения в её руках, заставляя её бороться с неистовым порывом выхватить клинок и броситься вперёд на врага. Этот меч был подарен ей Лэйргненом, экзархом Яростных Мстителей. Он подарил ей этот древний

клинок, когда она покидала храм после завершения цикла данир воина. Он олицетворял вещественную неразрывность, неизменную и физическую связь с Аспектом, которому она так преданно служила, и который так хорошо служил ей. Даже теперь, гордо стоя под реющими знамёнами Тейрту, Йзульт знала, что часть её навсегда останется Яростным Мстителем. Глядя на надменных Пауков Варпа перед собой, её разум уносился к другим событиям прошлого. Возможно, она бы тоже стала экзархом, предпочти иной выбор.

Яркая тёмно-красная линия Воинов Аспекта не шелохнулась в течение последних нескольких мгновений, но Йзульт смогла ощутить, что решение принимается позади линии фронта. Экзарх обдумывала свой следующий ход.

- Вы не откажете мне! – внезапно закричала Йзульт, в её голосе ревел огонь. - Вы пренебрегаете моим именем?

Стражи позади неё ударили своим оружием по земле, в знак решимости, поддержки, силы и предупреждения.

Я буду сражаться с тобой, Йзульт из Тейрту, если ты сочтёшь меня достойной своего клинка.

В её разуме прозвучал новый голос.

- Назови своё имя, Паук Варпа, так чтобы можно было записать его, когда от тебя больше ничего не останется.

- Я Фианна, арахнир Пауков Варпа и равная Йзульт.

Сквозь тёмно-красные ряды протиснулся необычайно стройный воин и выступил вперёд перед своими собратьями. В одной руке она держала свой шлем, а в другой -- характерное для её Аспекта смертоносное веретено. Её плечи выглядели неестественно широкими из-за варп-генератора, который она носила на спине, что заставляло её открытое лицо казаться маленьким и тонким. Её волосы были коротко обрезаны и растрёпаны, она могла показаться лёгким противником тем, кто плохо её знал.

Йзульт улыбнулась. Арахнир Пауков Варпа был достойной добычей.

- Арахнир Фианна, ты оказываешь мне честь, - сказала Йзульт, слегка

кланяясь прежде, чем сделать ещё один шаг вперёд, и отстёгивая плащ. Она сбросила роскошную зелёную ткань, окутывавшую её, по направлению к фалангам Стражей позади неё. В тот же самый момент она приняла боевую стойку и коснулась кончиками пальцев рукояти своего клинка. – Начнём же.

Паук Варпа сухо кивнула, уронила своё смертоносное веретено на землю и отбросила шлем. Она поочерёдно наклонила голову от одного плеча к другому, словно разминала мышцы на шее, а затем подняла руки и взъерошила свои серебристые волосы, как если бы пыталась придать объём причёске, примятой до этого шлемом.

Последнее движение привлекло внимание Йзульт, так как этот жест вызвал несколько бликов отраженного света, которых там быть не должно. Силовые клинки, догадалась Йзульт, разглядывая предплечья арахнира с возникшим уважением. Теперь, когда она знала, что они там были, она могла ясно видеть их: три маленьких шипа идущие

вдоль каждого предплечья, переходящие в длинные загнутые когти, которые выступали наружу над кулаками Воина Аспекта.

Арахнир небрежно потрясла своими конечностями, словно удостоверяясь, что в её мышцах нет никакого напряжения. Потом она вдруг остановилась, и на её лице проявилось выражение, полное гордости и чувства собственного достоинства. Медленным и тщательно выверенным движением Фианна сложила руки на своей груди и наклонила голову вниз между силовыми клинками. Затем она исчезла.

Йзульт торгнула, а затем выругалась – презренный варп-генератор! Паук Варпа ушла, оставляя ряд тёмно-красных воинов разорванным и непримиримым.

СТОЯ В высокой эллиптической нише окна в своей башне, Ахирн Ривалин смотрел сверху на площадь под ним. Огромное количество собравшихся для прощания с Владычицей Айони производило сильное впечатление, как и

должно быть. Площадь была набита битком, и каждая из боковых улиц была переполнена эльдарами на всём протяжении, насколько он мог видеть. Каэлорцы пришли изо всех уголков необъятного, странствующего в космосе искусственного мира; в Сентриуме уже не было столько жителей, чтобы составлять такое большое количество.

С некоторым недовольством он смотрел на флаги Тейрту, поднятые вокруг опустевшего тела Айони, которое лежало на серебряной наковальне его предков. Двойное несоответствие – не-Ривалин на наковальне, а ещё вульгарный Тейрту, предъявляющий права на милую Айони, заставило его вздрогнуть.

Когда он вглядывался вниз, наклонившись поверх ограждения и опираясь на свой искривлённый посох, он услышал, как позади него со скрипом отворилась дверь в его личные покои, но он уже ожидал гостя в течение некоторого времени и не приложил усилий, чтобы обернуться и поприветствовать его. Где-то в отдалённом уголке своего разума он

почувствовал, когда стражи за порогом его комнаты остановили посетителя и спросили о его цели.

Стражи. Ахирн улыбнулся самому себе. Айден сказал ему, что они были там для его защиты, но ясновидец не тешил себя никакими иллюзиями относительно сложившейся ситуации. Он совсем не был пленником в своём собственном дворце, но глава Дома Тейрту очень тщательно контролировал его действия. Глядя вниз на Церемонию Перехода на площади, Ахирн не мог отрицать, что ему хотелось бы быть там, так как Владычица Айони была ему как дочь. Она, безусловно, походила на шёлковую ленту среди грубого холста Тейрту.

На мгновение мысли обратились к его настоящей дочери. Он мог видеть её внизу на подиуме, стоящей возле этого болвана Морфрэна Тейрту, качая его отпрыска на своих драгоценных и прекрасных руках. Его Ориана блистала, как драгоценный камень среди грубых и неотёсанных эльдар этого великого дома, и Ахирн сморщил свой лоб в досаде, что Нэвир Каэлора пали так низко,

что вынуждены из-за этой войны продаваться стикс-тан из-за Периметра Стикслин, чтобы выжить.

Времена на Каэлоре изменились. Династические войны оставили шрамы на самом остове великого строения древнего космического корабля, который эльдары называли искусственным миром Каэлор. Глядя из своего окна, Ахирн едва мог узнать площадь. Он отметил, что никому из придворных Нэвир не разрешили присоединиться к церемонии, и задавался вопросом, наблюдали ли они тоже за происходящим с балкона его дворца, где-нибудь под ним.

- Сиятельный ясновидец, - тихо произнёс голос позади него.

Он был тихим и почтительным, но не выдавал и намёка на нервозность. Целью было продемонстрировать повиновение. Это был голос опытного воина, чему Ахирн только недавно начал отдавать должное.

- Лир Тейрту, - сказал Ахирн и улыбнулся, не оборачиваясь, когда он вслух произнёс имя. - Как мило с твоей стороны

присоединиться ко мне в это тяжёлое время.

- Я принёс сообщение от Жогана, сиятельный.

Поведение Лира было сдержанным, профессиональным и официальным. Он использовал почётный титул Айдена, который Ахирн даровал главе Дома Тейрту после его победы в Династических войнах. Жоган – победитель порока.

Ахирн медленно обернулся, стукнув своим посохом по полированному полу, когда он разворачивал своё тело. Он внимательно рассмотрел Стража перед ним. Лир низко поклонился, коснувшись пола одним коленом и кулаком с другой стороны тела. Его длинный шёлковый плащ собрался в складки и съехал на одно плечо, древнее церемониальное касание, придуманное, чтобы обнажить перевязь с оружием, и показать, что намерения мирные.

Золотой блеск сюрикен-пистолета был заметен в глубокой тени на талии Лира. Молодой офицер быстро усвоил важность и структуру церемониальных

жестов.

Ясновидец кивнул, впечатлённый совершенством молодого воина. Некоторые из этих стикс-тан подают надежды, подумал он, тогда как его глаза заблестели от новых возможностей.

- Выпьешь что-нибудь, мой безупречный молодой Лир? -- спросил Ахирн, размышляя, как ответит Страж. -- У меня есть немного превосходного Эдрисиана. Ты когда-нибудь пробовал его?

В то время как он говорил, Ахирн направился к просто выглядевшему шкафчику напротив стены, щёлкая своим посохом по полу и шаркая, пока шёл. Ясновидец сделал освобождающий жест, и шкафчик открылся, открыв богатый выбор напитков и деликатесов. Почётное место занимал большой графин кипящей, голубой жидкости. Он был уже наполовину пуст.

Страж не изменил своего положения, оставаясь коленопреклонённым рядом с дверью. Его голова осталась склонённой вниз, но Ахирн мог чувствовать, что опущенные глаза следили за его перемещением по комнате.

- Я должен сообщить его сиятельству, что отделение Пауков Варпа из Храма домена Ансгара продвигается вперёд ко Двору. Жоган Тейрту отправил силы Стражей Дома Тейрту отразить угрозу. Они занимают позицию снаружи Врат Ривалина, под командованием Йзульт Тейрту-ан. Они сражаются за твоё имя, сиятельный.

- Я знаю, - сказал Ахирн, наливая немного дымящейся голубой жидкости в хрустальный бокал. -- Ты уверен, что я не смогу соблазнить тебя небольшой порцией напитка, Лир?

- Я должен идти, сиятельный ясновидец, - ответил Лир решительно, опуская свой лоб, пока тот не коснулся пола.

Когда он поднялся на ноги, его плащ каскадом упал вокруг него. Он ещё раз поклонился Ахирну, затем резко повернулся в водовороте тёмно-зелёной ткани и вышел за дверь.

Ясновидец смотрел ему вслед, восхищаясь дисциплинированной изысканностью молодого офицера. Он мог

понять, почему Айден назначил этого особенного Стража исполнять обязанности во дворце. Даже среди Нэвир было мало таких, которых могли оскорбить утончённые манеры Лира.

Глубокомысленно вращая в бокале глоток Эдрисиана, Ахирн думал, смог ли бы Лир на самом деле принять аристократический образ жизни. В бесчисленных путях будущего, один всегда несёт в себе надежду, думал Ахирн, осушая бокал.

Возвратившись к окну, Ахирн успел увидеть, как похоронная процессия проталкивается сквозь толпу к Святыне Флюир-герна на противоположной стороне площади. Тело Владычицы Айони было задрапировано зелёным с золотым змеем Дома Тейрту, и по обе стороны пути к священным вратам располагались ряды Стражей дома.

Пока он пристально вглядывался, место действия растворилось на заднем плане его разума, тогда как его мысли вернулись к сообщению Лира. «Снова Пауки Варпа,» - размышлял он. Не так давно его

собственный сын Кервин оказался на одной стороне с этими Воинами Аспекта в период обострения Династических Войн. Кервин настоял, чтобы воины этого коварного и скрытного храма были преданны ясновидцу, но они обратили его разум против Айдена и Великого Дома Тейрту, и последствия этого почти разорвали Каэлор на части. Впервые за свою длинную прославленную историю династия Ривалин оказалась расколотой. В результате, после того как Айден разбил Ансгар и их вероломных союзников, он изгнал Кервина из священного и изысканного Сентриума, пощадив его жизнь только из уважения к ясновидцу. Ахирн больше никогда не видел снова своего вероломного и заблудшего сына.

Что Науки Варпа хотели именно в этот день?

Ахирн увидел, что внизу на площади процессия достигла ворот святыни. Там была остановка, пока хранители святыни выполняли необходимое ритуальное очищение прежде, чем они впустили скорбящих в сакральное пространство

внутри. В этот момент, Ахирн увидел, как уменьшенная расстоянием фигура Орианы отвернулась от группы и смотрела прямо на его окно. Хотя он знал, что она была слишком далеко и не могла ясно видеть его, Ахирн разглядел что-то жалобное в её изящном облике, что причинило ему боль. Так или иначе, Айден отобрал обоих его детей. Это была высокая цена в обмен на установление стабильности и центральной власти на Каэлоре. Политика была грязным и неприятным делом.

ПОСЛЫШАЛОСЬ СЛАБОЕ шипение, подобно воздуху, вырывающемуся сквозь трещину в стекле. Затем раздался пронзительный крик, летящий по направлению к Йзульт с невозможной скоростью. Она инстинктивно упала и откатилась, снова встав на ноги как раз вовремя, чтобы увидеть Паука Варпа, ворвавшуюся назад в материальную реальность и ударившую с разворота своими силовыми клинками, которые прорезали пространство там, где за

несколько мгновений до этого находилась её собственная шея.

Без колебаний Йзульт выхватила из ножен свой меч и замахнулась им из атакующей позы, проводя удар вертикально над своей головой, тогда как сама низко присела в боевой позиции.

Фианна резко остановилась, нацеливая свои глаза, а затем и клинки на Стража перед ней. Она скрестила руки перед своим лицом и затем резко опустила их вниз по обе стороны, словно стряхивая кровь убитых с клинков, которые спускались с её перчаток. Одно мгновение два воина стояли неподвижно на импровизированной арене между двумя своими армиями. Они были ярко освещены потоком света, который лился из легендарных Врат Ривалина – места столь многих величайших сражений в истории Каэлора, и ослабевал над рядами Стражей дома, которые стояли готовые защищать их. Темнота окутывала всю землю вокруг них. Словно естественное освещение Каэлора стремилось воздвигнуть им героическую сцену.

Йзульт разрушила возникшее напряжение. Внезапно она сделала выпад вперёд, опуская свой лютый меч вниз в прямом и простом ударе, направленном в голову противника. Атака выглядела неуклюжей и очевидной, но в этом и был её замысел. Так как Фианна легко уклонилась от удара, выставив одну перчатку, чтобы отразить клинок на безопасное расстояние, Йзульт позволила ей потратить мощь на отражение удара и использовала силу защиты Паука Варпа, чтобы толчком заставить её развернуться. Почти припадая к земле, она вынесла одну ногу вперёд и сделала низкое вращательное движение, ударив арахнира прежде, чем опустить свой вес.

От силы удара, ноги Паука Варпа оторвались от земли, заставив её с грохотом рухнуть на землю. До того, как она смогла подняться, Йзульт оказалась над ней. Её нога с треском опустилась на грудь Воина Аспекта, пришпиливая ту к земле, и она обеими руками занесла свой клинок для вертикального удара в шею противницы.

В течение доли секунды оба воина пристально смотрели друг на друга, а затем Йзульт резко вонзила свой меч, проталкивая его вниз со всей силы и усиливая свою мощь пронзительным криком.

В последний момент фианна снова исчезла, покинув материальное пространство за миг до того, как остриё лютого меча коснулся её шеи, оставив после себя шипящее потрескивание энергии, которое практически сразу исчезло. Крик Йзульт оборвался, когда её клинок вошёл в жёсткую металлическую поверхность, погрузившись почти на четверть своей длины. На мгновение её равновесие был нарушено, когда она покачнулась вперёд на рукояти своего меча.

Со своей позиции чуть позади линии фронта Пауков Варпа экзарх видела, как её арахнир вновь появилась сзади потерявшего равновесия Стража. Она быстро полоснула по спине Йзульт одним комплектом силовых клинков, а затем ударила её прямо в позвоночник мощным

толчком бедра. Удар заставил Йзульт завопить от внезапной боли, а затем перелететь через рукоять воткнутого в землю меча, от силы пинка она покатилась по полу, оставив ещё вибрирующий клинок в земле.

Страж Тейрту прыжком встала на ноги, повернулась к Фианне с яростью, написанной в каждой черте её лица. Одной рукой она провела позади себя и нащупала глубокую рану, которая была вырезана по диагонали на её спине, другой рукой она выхватила из-за пояса короткий, чёрный остро отточенный клинок. Быстрый взгляд глаз выдал её острое сожаление из-за потери лютого меча.

Удовлетворённая действиями своего арахнира, Эйнгил произвела быструю проверку в строю других Воинов Аспекта, затем повернулась и зашагала назад, прочь от сражения. В этот день у неё были более важные обязательства, чем битва с благородной Йзульт. Владычица Айони оказала Паукам Варпа огромную услугу в тот день, когда она упросила не лишать жизни молодого наследника Ансгара,

Найса. Она изрекла великое пророчество. Она вдохнула надежду в неясные пути будущего, и Эйнгил не лишится возможности отдать последний долг уважения любимой Владычице Скрытой Радости.

Посмотрев назад через плечо на сражение ещё раз, экзарх активировала свой варп-генератор и исчезла со сцены. Не было никакой возможности проникнуть всем отделением Пауков Варпа в аристократический сектор Сентриума, чтобы не быть обнаруженными -- служители Двора Ривалина очень внимательно следили за признаками присутствия ша'эйль вокруг Святыни Флюир-герна -- но единственный воин, всё же, мог пройти незамеченным.

Тем временем Йзульт, выгнувшись дугой, кружила вокруг Фианны со своим чёрным клинком, практически не видимым в полумраке. Она легко перебрасывала его из одной руки в другую, словно проверяла вес и баланс.

Паук Варпа поворачивалась на одном месте, постоянно удерживая свою

противницу в поле зрения. Она держала свои силовые клинки скрещенными по диагонали на уровне груди, и смотрела между ними на хищные манёвры Стража. Потом вокруг ней запульсировала аура энергии, и, с лёгким поклоном, она исчезла, оставив на долю секунды позади себя пурпурную дымку.

На этот раз Йзульт была готова. Паук Варпа появилась в том же самом направлении, что и в последних двух прыжках, и только орк попадётся в одну и ту же ловушку три раза.

Она ожидала потрескивание белого шума и слабого шипения ша'эйль, врывающегося в материальное пространство через образовавшуюся брешь. В тот же момент она рванулась сквозь плотный круг, движущийся позади неё. Возник красный туман, а затем Фианна тот час же материализовалась в реальном мире прямо напротив неё, появляясь точно на том месте, которое за момент до того занимала Йзульт. Безо всякого колебания Йзульт рванулась вперёд и вонзила свой тёмный клинок в живот

Паука Варпа, проталкивая его под варп-генератор в поясницу арахнира.

Фианна откинула голову назад и пронзительно закричала от потрясения и боли, но Йзульт оборвала крик, разрывая клинком плоть своей противницы, она прыгнула ей на спину и перерезала горло острым клинком.

Когда Паук Варпа упала замертво, разбив своё лицо о землю, Йзульт оттолкнула ногой обмякшее тело, отпрыгнула к своему лютому мечу и выдернула его из земли. К тому времени, когда передняя линия Пауков Варпа осознала, что их арахнир убита, Йзульт уже размахивала своим древним клинком и призывала Стражей к битве. Наступил краткий миг тишины, а затем Стражи бросились вперёд на Воинов Аспекта, в лучах света ясновидца, который ярко сиял позади них. Не пройдя и пяти метров, Пауки Варпа мгновенно переместились в их середину, размахивая смертоносными веретёнами и силовыми клинками.

Ритуалы Начала были завершены.

ВНУТРИ святыня была освящена множеством световых лучей, которые перекрещивали величественное пространство подобно затысловатой сети. Несмотря на ограниченное время и опасность своего положения Эйнгил улыбнулась, когда выглянула из тени, которую отбрасывала широкая боковая стена. Она лишь однажды была в Святыне флюир-герна, но даже тогда она почувствовала энергию этого места. Это было старейший сектор на Каэлоре, и самое первое помещение громадного искусственного мира, которое было построено в далёком и позабытом прошлом ещё до Падения.

Она знала легенды, которые говорили, что решётка света в действительности была сформирована из нитей ша'эйль, создаваемых крошечными кристаллическими существами, которые обитали внутри флюир-герна Каэлора, его Бассейна Душ, самого бесконечного цикла. Эти нити появлялись как светящиеся прожилки иной структуры призрачной кости. Говорилось, что если какое-то

место было насыщено психическим присутствием огромного количества душ достаточно долго, то крошечные создания начнут рассеивать их свет в материальный мир, перемещаясь в физическое пространство и из него, оставляя на своём пути микроскопические прозрачные фрагменты.

Спустя бесчисленное множество лет эти фрагменты могли складываться в захватывающие дух сети, как отдельные капли карбоната кальция могли создавать сталактиты и сталагмиты. В её собственном храме, в краях Ансгара, эти крошечные существа назывались пауками варпа, и, возможно, из-за этого она чувствовала себя так непринуждённо в самом священном месте на Каэлоре.

По ту сторону тяжёлых дверей Эйнгил могла чувствовать присутствие большого количества народа на площади. Они почти безмолвствовали, но столь огромное скопление дамашир-душ эльдар излучало сильные волны из нематериального измерения. Экзарх стороной обошла скопления, перемещаясь

на своём пути к святыне вдоль почти пустых окраин Сентриума, после того как незримо перенеслась за Врата Ривалина.

Наконец она приблизилась к самому зданию с внешней стороны, не пользуясь для этого ни одним из примыкающих проспектов, которые изгибались вокруг Площади Ваула. Чтобы добраться туда она проделала семь или восемь варп-прыжков, и была уверена, что её присутствие было бы обнаружено, если бы не огромный варп-разрыв, вызванный скорбящими массами народа в Сентриуме и битвой, бушующей перед легендарными вратами. Не в первый раз за свою долгую жизнь Эйнгил вознесла хвалу Ише за психический резонанс эльдарских душ. Те же самые совместные силы, которые когда-то породили Великого Врага, могли также вызвать мутный вихрь помех. Пауки Варпа научились скрываться среди теней, отбрасываемых пороками своих собратьев, Сынами Азуриана.

Снаружи началось движение. Эйнгил могла почувствовать приближение кортежа, и поняла, что у неё не было

времени задерживаться в восхитительной безмятежности святыни. Она немедленно осознала, что совершила прыжок в неудачное место святыни, путь к алтарю ей преграждали сотни прядей сверкающих нитей. Осматривая внутреннее убранство святыни, она мысленно обратила внимание на точное расположение каждой колонны, статуй и алтаря, которые были расставлены в продуманном символическом порядке. Когда она присмотрелась, то впервые заметила две укрытых плащами фигуры с надвинутыми капюшонами. Сначала она думала, что они были статуями, символически стоящими на страже по обе стороны от главного прохода лицом к дверям, безмолвными в своей совершенной неподвижности. Затем она увидела, как свет упал на ткань их мантий, и заметила слабый отсвет, отразившийся от их скрытых глаз, это были хранители святыни. Они ещё не заметили её вторжения.

Активизировав свой варп-генератор, Эйнгил прыгнула из тени внутренней галереи прямо в центральный проход,

который вёл к Четырёхгранному Алтарю ясновидца, где располагалось изначальное и истинное место доступа к Флюир-герну. Она появилась прямо позади хранителей святыни, без колебаний, бросилась вперёд и свернула шею ближайшему к ней хранителю прежде, чем он смог обернуться. Другой повернулся в удивлении, и Эйнгил увидела до того, как ударила по горлу, что его спокойные глаза расширились от страха. От удара его глаза закатились, и он тот час же потерял сознание, сложившись в бесформенную кучу, покрытую плащом. Эйнгил встала на колени, чтобы проверить, что он ещё жив, а после посмотрела на высокие двери напротив, чтобы убедиться, что они ещё не открываются. Затем она повернулась и побежала вдоль прохода, остановившись в трёх шагах от возвышения, на котором помещался алтарь, и упала на колени.

Борточа стихи ритуального очищения, Эйнгил подняла голову и затерла в восхищении, любуясь совершенным мастерством, с которым был

сделан алтарь. Говорилось, что совершенно гладкий блок призрачной кости был изготовлен несравненными эльдарскими кузнецами Джойн-зура во времена, когда Дети Иши ещё жили на планетах до Падения. Хотя с каждой стороны он был похож на правильную пирамиду, фактически он был сконструирован так, что центральная точка, от которой все вершины были расположены на равном расстоянии, вообще не находилась в материальном пространстве, а скорее была заключена в сфере иттатериума, соединённой с бесконечным циклом. Символизм был ясен – флюир-герн являлся воображаемой вершиной, неизменно равноудалённой от любой точки Каэлора, не зависимо от того, как искусственный мир мог вырасти или измениться. Оптический эффект заключался в том, что было практически невозможно увидеть алтарь полностью. Казалось, он бросал вызов тщательному осмотру, словно воздействия пристального взгляда было достаточно, чтобы заставить его форму течь и изменяться.

Уникальная и неподражаемая конструкция также служила практическому назначению -- так как частично алтарь существовал вне материального пространства святыни, он создавал также мост между физическим миром Каэлора и его бассейном душ. Маленькое углубление в виде слезы на передней поверхности являлось точкой доступа к этому мосту, и именно туда помещался камень души умершего эльдара для Перехода Дамашир. Это было местом назначения камня души Владычицы Айони. Судьба её бессмертной души лежит в пределах Флюир-герна, где в древней неприкосновенности она присоединиться к десяткам тысяч душ её предков.

Во время выражения почтения Эйнгил перебирала свои воспоминания о Владычице Скрытой Радости. Она ещё помнила, как видела её стоящей рядом с Айденом Тейрту на балконе Дворца Ясновидца, когда она обозревала сверху Площадь Ваула в конце Династических Войн. На площадке рядом с серебряной наковальней стоял Бедвир Ансгар рядом с

Кервином Ривалином и маршалами Ансгара, которых удерживали за остриями копий победившие Стражи Тейрту. Впереди отца, уже довольно старого, чтобы стоять без опоры, находились его потомки Найс и маленькая Эла. Как только Айден поднял руку, чтобы подать сигнал начинать казнь, справедливая Владычица Айони умоляла, упав на колени на балконе на виду у всего Каэлора, пощадить детей. Она говорила о милосердии и достоинстве. Она говорила о великих целях и роковых судьбах. Она говорила о величии Дома Тейрту, которое будет измерено не смертью и разрушением, что он принёс на Каэлор, а жизнью и возрождением, которые он сохранит своей властью. Она пророчествовала.

В тот момент эльдары Каэлора приняли в свои души Владычицу Скрытой Радости, как символ надежды на будущее. Сам Айден остановился в сомнении, смущённый внезапными действиями своей супруги. Он был не способен отказать ей, и малютки были утащены с площади за

волосы, оставив своего отца с верными ему воинами стоять перед палачами. Только когда в жуткой тишине дети покинули площадь, Бедвир умер, не произнеся ни единого слова раскаяния или страха. Вскоре после этого, Владычица совершила длинное путешествие к разрушенному домену Ансгар и положила спящего Найса на ступени Храма Пауков Варпа, предоставив осиротевшего наследника заботе Эйнгил.

Скрипящий звук вернул экзарха обратно в настоящее. Позади неё двери святыни медленно открывались. Не торопясь Эйнгил склонилась вперёд и коснулась шлемом поверхности Четырёхгранного Алтаря, затем встала на ноги и резко поклонилась ещё раз. Поскольку позади неё двери полностью открылись, она потянулась вперёд и положила на алтарь маленькое руническое изображение в качестве пожертвования Флюир-герну, прошептав слова почтения и признательности Пауков Варпа Владычице Айони.

Экзарх слышала быстрый топот ног и

звуки доставаемого оружия, когда Стражи Тейрту заметили её и бросились через открытые двери, торопясь оказаться внутри святыни. Экзарх Пауков Варпа Эйнгил неторопливо повернулась лицом к самозванцам. Ряды Стражей взяли под охрану единственный выход, и она смогла разглядеть покрытую знаменем оболочку Айони, которую в дверном проёме окружал почётный караул. Перед ними, в сопровождении личных телохранителей, вдоль прохода к алтарю шествовал Айден Тейрту. Он остановился и посмотрел в глаза Эйнгил с бешеной ненавистью, написанной в его взгляде.

В это время Эйнгил исчезла.

МЕНТАЛЬНЫЙ КРИК отозвался эхом внутри Святыни Флюир-герна, отскакивая от статуй из призрачной кости и переплетаясь с замысловатыми сетями ша'эйль, которые сияли в темноте фантастическим светом. Этот крик выражал мучительно разочарование. В нём также присутствовала боль, но над всеми другими эмоциями доминировала всё нарастающая неистовая ярость. Он вызвал колебания и ударные волны, пульсирующие внутри храма, заставляя сверкающие пучки нитей дрожать и раскачиваться.

Высокая, могучая фигура Айдена Тейрту стояла перед Четырёхгранным Алтарём и изрыгала проклятия в священное пространство вокруг него. Скрестив руки, он яростно рычал, откинув назад голову, чтобы придать голосу полную мощь с помощью своего тела.

Он бранился, и его голос был единственным, который слышался вблизи

святыни. Все эльдары за воротами на Площади Ваула молчали, сосредоточенно прислушиваясь к выражению гнева великого патриарха. Его ярость проникала в них, как невидимая инфекция, и в толпе начало вспыхивать волнение, вызванное оскорблением. Эмоции усиливали их горе, и вскоре собравшиеся почувствовали себя обиженными и оскорблёнными, не имея ни малейшего представления чем это вызвано. Каэлорцы Сентриума только знали, что что-то нарушило ритуальную чистоту Церемонии Перехода. Они только знали, что последние минуты Владычицы Айони в материальном мире были осквернены, и они инстинктивно разделили гнев своего Жогана.

Громкие тирады Айдена, наконец, стихли. Он уронил руки по сторонам тела и снова опустил свой взгляд на кортеж, который всё ещё стоял в дверях святыни вокруг укрытого тела Айони. Его толстый сын Морфрэн глазел на него с улыбкой на влажных губах, которая светилась на его лице. В его глазах вспыхнула лёгкая истерия, словно гнев

отца сильно взволновал его, доведя до аффекта. Его богатые зелёные одежды топорщились, а открытые участки кожи украшали декоративные импланты и пирсинг. Несмотря на ярость, Айден почувствовал слабую волну отвращения к своему отпрыску. Он не смог подавить это чувство: внешний вид телесной оболочки Морфрэна, который был настоящим оскорблением строгих идеалов воина Дома Тейрту, вызвал у него физическую боль.

Рядом с ним стояла хрупкая Ориана, глядя на Айдена с потрясением и страхом, читавшимися в изящных чертах её лица. Внезапно у её ног застонал и судорожно дёрнулся упавший хранитель святыни, который был ещё жив, но корчился от боли, но Ориана насилу заметила страждущего рядом с собой. Её большие глаза светились недоверием, и она повернула стройное тело немного в сторону от Жогана так, чтобы собой хоть немного собой прикрыть от него младенца на своих руках. Ярость была более ужасающей, чем боль.

Что касается других в свите, Айден

даже не бросил на них взгляда. Он ощутил их шок, вызванный его реакцией на вид Паука Варпа в святыне, но там не было никого, заслуживающего его внимания. Никого, перед кем бы он был доложен объясняться. Только пристальный взгляд Орианы что-то требовал от его совести.

Айден успокоился ради неё. Он пригладил свои тяжёлые одежды и поправил тёмный золотисто-зелёный плащ. После он собрал длинные, серебристые волосы и уложил их поверх одного плеча, как это было принято в Круглом Дворе.

Он печально улыбнулся и наклонил голову, словно признавая право Орианы судить его. Несмотря на всё, что произошло за последние несколько лет, даже не смотря на победу в Династических Войнах, которая привела его великий дом к столь выдающемуся положению в самом Сентриуме, Айден по-прежнему чувствовал врождённое превосходство рода Ривалин. Не зависимо от того, чтобы он ни совершил, он всегда будет видеть глаза Орианы или её отца,

критически наблюдающие за ним.

Она просто смотрела назад, её ужас не уменьшался.

Я действительно настолько отвратителен ей? – задавался вопросом Айден. Нравы моего дома действительно столь жестоки? Его взгляд вернулся к нервозным чертам Морфрэна, и не в первый раз он видел несовместимость этой пары. Было просто невозможно представить себе двух настолько разных эльдар на всём Каэлоре. По контрасту между ними, когда они смотрели на него из центрального прохода Святыни Флюир-герна, находясь между трупом одного хранителя и корчащимися останками другого, он видел себя глазами эльдар Нэвир из дворца. Он хотел знать, улавливает ли их утончённое восприятие различия между ним и его сыном. От него даже меня тошнит, подумал он.

Глубокая печаль заполнила душу Айдена, он чувствовал себя в полном одиночестве. Стоя в нескольких шагах перед Четырёхгранным Алтарём, в древнейшем и самом священном сердце

Каэлора, он свысока смотрел на дочь ясновидца, которая стояла рядом с его собственным сыном. Это было пределом его мечтаний во время долгих и кровавых периодов неудач Династических Войн, но теперь эта сцена оставляла его равнодушным, словно бы что-то во вселенной тайно замышляло повернуть вспять существующее положение вещей. Чувствовать это было отвратительно.

Он осознал, что оскорблён.

Многие из Нэвир отказались присоединиться к Церемонии Перехода, несмотря на их очевидную привязанность к Айони. Она была единственным членом его дома, которую действительно приняли как равную среди придворных. Она обучалась в древнем Доме Провидцев Ютран, и пришла к нему в родные края за несколько лет до Династических Войн, рассказывая о пророчестве, которое предсказывает его дому восхождение к новым вершинам власти. Она прибыла в родовые земли Тейрту на перепутье, когда эльдары соседних секторов были близки к голодной смерти. Они обратились к Айдену за

помощью, призывая его выступить против тех, кого называли тиранией Двора Ривалина, которая, как они утверждали, выкачивала богатство и хлеб насущный из внешних областей в течение многих лет, единственно для того, чтобы утолить собственное пристрастие к роскоши. Айден уже слышал призывы своих родичей и соседей на открытых собраниях, но лишь личный совет Владычицы Айони в итоге вдохновил его собрать всё своё мужество. Когда Дом Тейрту только появился в качестве меча Двора Ясновидца во внешних пределах Каэлора, Айден уже вёл борьбу с мятежниками, и Айони была на его стороне.

Это было, когда всё началось. Это было, когда военная мощь тайно набирала силы на политической арене Каэлора, впервые после Войн кораблей. После долгих лет мира, последовавших за пришествием Гоури Сияющего и образованием Олипсина, власть, казалось, сместилась в сторону от церемониального великолепия Круглого Двора к менее изысканным великим домам внешних пределов. Впервые за свою

длинную и славную историю Династия Ривалин нуждалась в большей, чем символической, власти над Каэлором. Она нуждалась в вооружённых силах, чтобы сдерживать всё больше и больше приходящий в отчаяние искусственный мир. Оглядываясь на прошлое, ход событий был очевиден. Но в то время такое было трудно представить. Для многих придворных Нэвир это было всё ещё невероятным.

На мгновение Айден попытался удержать взгляд Орианы, но молодая Ривалин почти сразу отвела глаза. Она презирает меня, подумал он, и у неё на это есть серьёзное основание. Она была частью цены, которую старый Ахирн заплатил, чтобы сохранить власть и повиновение Дома Тейрту. Она была их надеждой на будущее при дворе; ребёнок Морфрэна и Орианы был бы одновременно и Тейрту и Ривалин. Однако этот брак не получил признания. Он служил лишь тому, чтобы подчеркивать вульгарность Морфрэна. Признавали только Айони. Никто не мог отказать ей в праве занимать место в

самом высоком обществе. Сам ясновидец много раз советовался с ней. Она была любима. Морфрэна презирали. Айден сам презирал его.

Теперь Айони ушла, и Нэвир Каэлора настолько презирали Тейрту, что даже не потрудились принять участие в Церемонии Перехода. Наконец, несмотря на её популярность и неприкосновенность при жизни, общество осудило её. Он видел их во время церемонии на площади, со своего балкона во дворце они с неодобрением наблюдали за происходящим. Он мог только представлять, что они будут говорить о тысячах эльдар стикстан, которые собрались на Площади Ваула, чтобы бросить последний взгляд на тело Айони. Они были выше таких вещей.

Во имя Каина, - кипел от злости Айден, невысказанные мысли снова и снова вызывали в нём ярость. -- Проклятое эльдарское высокомерие! Оно было причиной столь немыслимых страданий и неравенства. Даже циклический и якобы уравнивающий всех Путь Эльдара не мог сгладить этого. Так как Нэвир были

терилом эстетических норм, они задавали тон каким данир лучше следовать, и это точно не был данир воина! Хотя теперь Нэвир были отстранены от реальной военной власти на Каэлоре, им всё ещё удавалось удерживать моральное и эстетическое превосходство, и, учитывая характер эльдар, в конечном счёте, это было более важным.

Айден глубоко вздохнул, стараясь взять свои мысли под контроль. Ничто не должно испортить Переход Айони. Он не позволит сорвать церемонию и не предоставит Нэвир новых доказательств вульгарности Дома Тейрту. Всё шло так хорошо, пока этот проклятый Паук Варпа не появился в святыне и не запятнал изящество церемонии смертью и напоминанием о Династических Войнах.

Он кивнул кортежу, подавая сигнал, что всё находится под контролем, и повернулся лицом к алтарю. Он перекинул волосы с одного плеча на другое, как и должно быть, и затем опустился на колени, устиряя свой разум в благоговейной

медитации. Он начала читать молитву очищения едва слышным шёпотом, подготавливая путь для перехода дамашир Айони внутрь Флюир-герна. Над пострадавшими хранителями святыни он проведёт ритуал лично, как он много раз делал это и прежде над павшими воинами.

Едва ему удалось успокоиться, как он увидел, что у подножия алтаря лежала маленькая табличка, словно она была помещена туда как жертва в начале церемонии. Это был маленький металлический диск, и он слабо светился в полумраке святыни. Нахмурив лоб из-за того, что предмет нарушил его сосредоточенность, Айден склонил голову на одну сторону, чтобы яснее рассмотреть небольшой символ. Мгновение спустя он вскочил на ноги и выдернул длинный, тяжёлый меч из ножен позади себя. Он кричал с возобновленной яростью, размахивая по большой дуге над головой широким, сверкающим клинком, который крушил дюжины тонких, блестящих призрачных паутинок и разбивал их в пыль. Казалось, клинок вибрировал от

пропущенной по нему разрушительной энергии, словно питаясь кровавыми желаниями своего хозяина.

Ниже в главном проходе, Морфрэн с расширенными от волнения глазами наблюдал за разрушительной вспышкой гнева Айдена внутри святыни. Он наблюдал за большим мечом почти с чувственным наслаждением, узнав в нём Даташир-дра, Убийцу Душ, древний клинок, который был подарен Айдену одним эльдаром, следопытом, сражавшимся в арьергардном бою против остатков тиранид, которые преследовали Каэлор в течение нескольких лет до начала Династических Войн.

Те битвы против тиранид принесли много выгоды Дому Тейрту, включая доверие ясновидца, и этот большой меч одновременно был символом военного мастерства Айдена, и являлся грозным оружием сам по себе.

Легенда гласила, что он был сделан из органического материала, полученного из хитинового панциря убитых тиранид, и затем странствующий костопев Юрильж

покрыл его снаружи слоем призрачной кости, придав клинку такие свойства, что, казалось, он оживал при прикосновении своего владельца. В действительности изящный клинок был полностью сделан из призрачной кости, но его внешний вид был настолько близок к костяным мечам тиранид, что слухи о его чужеродном происхождении начали жить своей жизнью. Это само по себе было доказательством мастерства Юрильжа. Один или два раза Айден даже заставал Морфрэна, разговаривающим с клинком, словно тот был живым существом.

Быстрым шагом Айден отошёл от алтаря и, спускаясь в проход, развернулся под тяжестью клинка. Дамашир-дра со свистом пронёсся сквозь тёмный воздух, оставляя след психической энергии на своём пути. Затем, когда вопль Айдена превратился в отрывистый крик, клинок обрушился прямо на основании Четырёхгранного Алтаря, вызвав вспышку тёмного света, который распространялся от алтаря пульсирующими расходящимися ударными волнами.

Несмотря на свою выдержку, Ориана закричала от потрясения и страха, увидев эту безумное исступление в душе старого воина, впервые вырвавшееся на волю. Затем она повернулась и, сжимая ребёнка, бросилась вон по проходу, убегая к свету Площади Ваула, как утопающий стремиться к поверхности.

Тяжело дыша, с длинными волосами, висящими поверх его лица подобно порванной пакле, Айден наблюдал за побегом Орианы. Его вздымающийся плащ был усыпан осколками разбитой призрачной сети, и по святыни пронёсся сильный порыв фаэрула, который словно убегал вместе с Орианой. Даже когда он смотрел через проход за двери на плотную толпу на площади, Айден всё ещё удерживал раскалённый и потрескивающий от психической силы меч позади себя прижатым со стороны алтаря к тому месту, куда он ударил. Точно под остриём клинка, на по-прежнему безупречной поверхности алтаря, лежал сломанный и расколотый вдребезги рунический символ Пауков Варпа.

Холодея от гнева, Айден смотрел мимо своего сына прямо на укрытое тело Айони и сказал, словно обращаясь к умершей:

- Запомни, Пауки Варпа заплатят за осквернение этого священного дня, и если я обнаружу, что старый атесдан ясновидец совершил ту же самую ошибку, что сделал и его сын, не будет никого, кто станет умолять о милосердии у моих ног. И даже ты не сможешь спасти его от моего клинка, моя потерянная госпожа.

ПОСОХ ИЗ ДЕРЕВА утбала сверкнул тугим полумесяцем, образуя дугу прямо около головы Найса. Он уже много раз имел возможность убедиться, что бессмысленно блокировать посох – у посоха два конца, и ты не можешь заблокировать их оба – он поднырнул под верхний конец и резко взмахнул своим собственным посохом позади себя, ускоряя удар на половине пути. Немного переоценив свои силы, Силти почувствовал, что теряет равновесие. Это была новая тактика Найса, но Силти не собирался поддаваться на дешёвый трюк.

Он позволил себе потерять равновесие, и затем, почти на грани падения, он подпрыгнул, и, сделав сальто, перелетел через упавшее тело Найса.

Оба начинающих бойца вскочили на ноги одновременно, немедленно поворачиваясь лицом друг к другу, свои посохи они держали перед собой, словно мечи, определяя дистанцию удара. Их глаза встретились, и взгляды остановились друг на друге, когда они кружили один вокруг другого, словно хищники, выжидающие оплошность противника или брешь в защите для следующей атаки. Они делали ложные выпады и финты, крутили посохи разными способами, которые они выучили за годы тяжёлых тренировок, но, казалось, ни один не мог получить преимущество. Каждый жест одного бойца вызывал безукоризненное противодействие другого, таким образом, ни один не был в состоянии победить соперника.

Внезапно Найс остановился и опустил свой посох, так что его конец упал в тонкий слой песка на твёрдом полу. Он

расслабил плечи, пару раз повёл ими, чтобы снять напряжение, но в его серебристых глазах по-прежнему светилась угроза, когда он следил за фигурой Силти, которая продолжала двигаться.

Физические эти два воина были схожи. Они были похожего сложения, у обоих были выбритые головы служителей храма, но Силти был на голову выше своего младшего кузена, и его плечи были шире. Свой посох он носил скорее как оружие, чем игрушку, и его яростные глаза говорили о сильной жажде битвы, которая ещё не была ведома Найсу. Словно жажда смерти уже прикоснулась к его душе кровавой рукой.

Он медленно кружил, отвернув вполоборота лицо от Найса так, чтобы держать свою жертву на грани видимости, поймав в фокус более чувствительными рецепторами периферийного зрения. Найс оставался неподвижным. Его голова была наклонена к земле, но блеск глаз выдавал настороженное внимание. Конец его посоха

описывал крошечные, незаметные круги на песке, словно бы он рассеянно рисовал. Несмотря на физическое превосходство Силти, Найс не выказывал признаков тревоги. Он просто ждал, зная, что его старший кузен должен сделать свой ход.

Силти завершил круг и остановился, разглядывая небрежную позу Найса, словно изучал не производящего впечатление, но доставляющего неприятности слабака. Его лицо мягко скривилось, и во взгляде промелькнула вспышка разочарования, заставляя его торгнуть. На мгновение он отвёл глаза к краю небольшой арены. Он увидел высокую, стройную фигуру арахнира Адсулаты, которой поручили наблюдать за его обучением. Она молча стояла в тени серповидных дверей. Рядом с ней на яркой красной подушке сидела поистине жуткая персона, Эла'Ашбэль со своими мягко сияющими в полутьме голубыми глазами.

Его мысли задержались на юной провидице мгновением дольше, чем его взгляд. Она не должна быть здесь, подумал он. Она изменяет положение вещей. Её

присутствие делает всё другим. Она уже знает, кто победил, это уже произошло. Они должны были держать её в Доме Провидцев Ютран. Ей здесь не рады. В его голове спонтанно возникло новое слово: вох – терзость. Тупой удар обрушился на живот Силти, заставая его врасплох. От удара его отбросило назад, он упал на спину вне досягаемости для следующего удара до того, как сможет ударить ногами в ответ, но Найс, казалось, не пошевелился. Он продолжал стоять в центре арены, и конец его посоха продолжал гладить песок. Однако Силти видел отпечатки ног и след от резкого движения на земле и закусил в досаде губу. Ему не следовало терять концентрацию, особенно перед этим странным молодым Ансгаром.

Повертев посох над своей головой, он установил его в жёсткую позицию, зафиксировав под одной рукой и прочно удерживая поперёк своей спины, Силти снова осторожно пошёл вперёд. Он неторопливо сократил расстояние между собой и Найсом, двигаясь по окружности

круга, по которой он шёл раньше, и шагнул внутрь мёртвой зоны, в пределах области досягаемости для удара посоха Найса. Он устал ждать удобного случая для атаки вне зоны, и был сыт по горло попытками Найса принудить его сделать свой ход с общепринятой дистанции. На столь близкой дистанции, ничего не предпринимать было куда более опасным, чем броситься в атаку в неподходящий момент. После многих лет обучения, Силти, наконец, уяснил, когда надо форсировать ситуацию.

В течение нескольких мгновений ничего не произошло. Найс и Силти стояли, как примёрзшие, лицом к лицу, их неровное дыхание смешивалось друг с другом, каждый пристально смотрел на землю рядом с другим. Атмосфера на арене немедленно изменилась, так как от готовых к бою воинов расходились волны напряжённости, волнения и ожидания.

Со своего сиденья у серповидных дверей Эла чувствовала раздражение брата. Ей было ясно, что его разум внезапно вскипел при вторжении внутрь

этого пространства. Это было не так, как его учили сражаться. Адсулата сказала им сохранять надлежащую дистанцию. От агрессии он переставал контролировать свои мысли, глаза Элы слегка расширились, когда она увидела, что тело Найса выгнулось, словно бы само чувство несправедливости приобрело физическую форму.

Казалось, Силти также заметил изменение, произошедшее в Найсе, и немедленно отреагировал. Он оттолкнулся от кузена обеими руками как раз тогда, как обхватили его посох, находящийся в горизонтальном положении. Когда промежуток между ними увеличился до соответствующей дистанции, Силти резко развернулся вокруг бёдер и ударил одним концом своего посоха в голову оступившегося Найса. Потерявший равновесие Найс мало что мог сделать, только вскинуть свой собственный посох, чтобы блокировать удар, когда пытался прочно встать на ноги на тонком, сыпучем песке. Но у посоха Силти было два конца, и Найсу не удалось

блокировать их оба. Когда посох нанёс сильный удар, Силти уже разворачивался обратно и со всей силы ударил сзади с другой стороны. В одно мгновение другой конец его посоха хлестнул Найса по спине на уровне плеч и отбросил спотыкающегося юношу вперёд.

- Хватит! – скомандовала Адсулата, выходя из тени внутрь круга. – Это смертельный удар. Закончили.

Силти быстро повернулся лицом к арахниру, опуская свой посох сбоку, и изящно поклонился. Возвратив себе равновесие на другом краю арены, Найс не обернулся. Он стоял со склонённой головой, спиной к присутствующим.

Со своего места у дверей Эла с волнением смотрела мимо сияющего Силти на спину своего брата. Она чувствовала, как растёт его гнев. Он разгорался в его разуме, словно ждал лёгчайшего ветерка, который раздул бы его до небес. Она видела, что плечи его дрожали, как если бы он сражался со своими собственными инстинктивными порывами развернуться и растереть в

порошок Силти и арахнира, которая приказала ему держать правильную дистанцию. Сильное ощущение несправедливости клубилось вокруг него подобно ядовитой ауре. Эла дрожала, осознавая, что она -- единственная, кто мог чувствовать холод, спустившийся на арену.

Картина замерцала и затем затуманилась перед её взором, ломаясь, словно испорченная голограмма. Образы и фигуры расплылись на мгновение, свёртываясь в её разуме, словно она смешивала их в новую картину. Когда они снова установились, новая сцена ужасала. Она видела Силти в броне Паука Варпа. Она видела вокруг него храм в огне. Она видела домены Ансгара, покрытые пеплом. Потом она увидела Силти, лежащего мёртвым у ног её едва узнаваемого брата, когда кровь стекала с его рук в лужи жгучего гноя на земле. Она видела яростный вихрь варп-огня, поглощающий Каэлор.

- Нет, -- прошептала она себе, решительно, но почти неслышно.

Она должна была научиться управлять этими видениями, теперь, когда Ютран покинули её, и лёгкого звука было достаточно, чтобы вернуть её назад в настоящее.

Не зная почему, Адсулата оглянулась через плечо на Элу, чтобы удостовериться, что с малышкой всё в порядке. В присутствии маленькой провидицы каждый чувствовал себя некомфортно, и далеко не все Науки Варпа были рады, что она возвратилась во владения своего отца и осталась под опекой храма. Она вернулась неожиданно и без сопровождения, в одиночку, этот ребёнок, скитающийся в неспокойных землях стикс-тан. Однако после многих бесед с самим экзархом, маленькая Эла отказалась сообщить, почему она не может вернуться в Дом Провидцев Ютран, и, в конце концов, Эйнгил позволила ей остаться.

- Но, - продолжала арахнир, возвращаясь к Силти. -- Ты понимаешь, почему это была победа?

Юноша смотрел вниз на землю, неуверенный, был ли это вопрос, который

требовал ответа. Он победил, и это было важно.

- Суть не в победе, юный Силти. Дело в том, что ты сегодня сражался как Паук Варпа. Ты держал дистанцию, чтобы изучить свою жертву, словно плёл паутину вокруг неё, а затем, как только она была поймана в центре, ты внезапно сократил дистанцию и убил. Именно это, юный Силти, является назначением варп-генератора, он позволяет тебе взять под свой контроль расстояние боя. Ты всегда должен его контролировать. Никогда не позволяй делать это другому.

- В тот момент, когда ты понял, что обычное расстояние для посоха не дало никому из вас преимущества, был как раз моментом, чтобы воспользоваться варп-генератором. Завтра твоим посохом может стать смертоносное веретено. Прыгай ближе и прикончи свою жертву силовыми клинками - клыками Паука Варпа.

- Да, арахнир. Я понимаю, - ответил Силти, поднимая свой взгляд на Адсулату.

Она имела в виду, что пора ему дать

личные броню и оружие? Она упомянула варп-генератор, смертоносное веретено и силовые клинки. Этот день уже наступил? Его глаза вспыхнули с вновь пробудившимся вожделением.

- Пошли, - сказала она, поворачиваясь и следуя вперёд к серповидным дверям. - Нам надо ещё многое сделать, чтобы подготовить тебя к Ритуалам Вейном.

Эла увидела, как озарилось лицо Силти, когда он осознал, что, в конечном счёте, достиг желаемого. Наконец он доказал, что готов присоединиться к рядам Воинов Аспекта Пауков Варпа. Она смотрела, как её кузен устремился вперёд позади арахнира, когда украшенные паутиной серповидные ворота беззвучно отворились, чтобы дать им проход, и она заметила с заполняющим душу страхом, что никто из них не остановился, чтобы обратить внимание на Найса.

После того, как двери снова закрылись, тишина на арене стала плотной и тяжёлой, как лёд. Всё ещё сидя со скрещенными ногами на подушке маленькая Эла внимательно смотрела на

своего брата. Он по-прежнему стоял к ней спиной, и его голова оставалась склонённой к земле. Она видела, что его голова слегка двигается, словно он говорил с самим собой, но не было слышно ни звука. Казалось, его плечи вздрагивают, как если бы его тело совершало энергичные движения, если присмотреться чуть ближе.

Это не справедливо. Его мысли были глупыми и почти вздорными.

Внезапно Найс повернулся. Его серебристые глаза были дикими от ярости, и маленькие голубые искры, казалось, мерцали в их жемчужной матовой глубине. Его ярость выплеснулась на арену, как удар силы, вызвавший потрескивание тонкого слоя песка и разрушающий песчинки. На мгновения поймав взгляд Элы, он раскрутил и подбросил свой прочный посох из умбалы в воздух. Потом одним великолепным движением он поймал его обеими руками в горизонтальном положении и ударил об поднятое колено. Он закричал от боли и усилия, когда его колено переломило посох,

расколов жёсткое дерево на две части. После того как в каждой его руке оказалось по обломку, он рухнул на колени и вонзил обе палки в землю, с криком вогнав их до половины длины в твёрдый пол арены.

Эла содрогнулась от этого приступа ярости и подумала, что испытала в тот момент что-то вроде страха, который сёстры Ютран чувствовали в её собственном присутствии.

МЫСЛИ АЙДЕНА вращались вокруг последствий недавних событий. Церемония Перехода не прошла так гладко, как он надеялся, и конечно не так спокойно, как это было надо. Было очень мало возможностей продемонстрировать свою приверженность рафинированным традициям и обычаям Круглого Двора, что, безусловно, имело самое большое значение. Айони любили и Нэвир, и Тейрту. Она была символом единства, и её уход из жизни должен был стать шансом, чтоб объединить их. Общая скорбь по умершей Владычице должна была объединить эльдар Каэлора.

Но, так или иначе, события сговорились против него. Словно сами боги были настроены против его побед, как если бы они в тайне тихо трудились, чтобы привести его к гибели. Он с почтением посмотрел на великолепную статую Каина, Кроваворукого Бога, которую привёз с собой с родины предков. За долгие годы до этого Айден выбрал Каина в качестве своего покровителя, ещё до того, как он прошёл цикл обучения в Храме Яростных Мстителей. Уже тогда он знал, что бог войны был переменчивым господином, но славы победы и жажды боя было достаточно, чтобы не обращать внимания на эти мелочи. Только когда он победоносно вошёл в Сентриум, Айден действительно понял значимость своих клятв и обязательств.

Мысленно возвращаясь к Мифическим Циклам, Айден знал, что Каэла Менша Каин был противоречивым богом. Он расколол небеса и взирал на крах и трагедию своих родичей. Он отобрал у Иши её детей и приковал Ваула к его наковальне. Он противостоял Сынам

Азуриана до последнего, и был разорван на куски, когда отважно и дерзко встал на их защиту против Великого Врага.

Было не удивительно, что изнеженные Нэвир смотрели на благословение Каина как на проклятие, и на тех, кто получил его – как на порочных и второсортных существ, но Айден до конца не осознавал глубины их недовольства, пока так много придворных отказалось даже стоять с ним рядом на Прощании с Айони, несмотря на их любовь к самой Владычице.

Потом был этот проклятый Паук Варпа. Айден не мог поверить в её дерзость. Для неё вообще появляться в Сентриуме после участия в Династических Войнах было довольно безнравственно, а появиться в пределах Святыни Флюир-герна в день Перехода Айони – просто бессовестно.

Нэвир даже не соизволили выйти из Дворца Ясновидца, а экзарх Каина, Эйнгил, рисковала жизнью, чтобы присутствовать в святыне. Это было точной противоположностью тому, чего он желал.

Это была инверсия того, в чём он нуждался. Прощание с Айони не привело к признанию его двором, но возвратило в Сентриум Пауков Варпа в первый раз с тех пор, как был казнён Бедвир и его вероломные воины Ансгара. Вместо того чтобы отдалить его от дел Каина, события отбросили его назад в те же самые кровавые руки.

И каково было значение того символа? Небольшой серебристо-чёрный диск, который Эйнгил положила на Четырёхгранный Алтарь; он был затейливо украшен запутанной паутиной, в центре которой располагался ядовитый паук. Что бы это значило? Как предполагалось, это было подношение Айони? Или это был знак, оставленный в святыне для сообщника, увидев который он будет действовать?

Важнейшие инстинкты сказали Айдену подозревать самую худшую из всех возможностей. Он бы не стал военным главой Каэлора, если бы игнорировал такие знаки.

- Удвой охрану в башне ясновидца, Лир,

- сказал он, не поворачиваясь лицом к Стражу, который терпеливо стоял на коленях позади него, пока его разум обдумывал все возможности.

- Как пожелаешь, - твёрдо ответил Лир, немедленно поднимаясь на ноги и склоняя голову в быстром поклоне. На мгновение он сделал паузу. -- Ты подозреваешь, что ясновидец в союзе с Пауками Варпа, мой Жоган?

Айден отвернулся от ассиметричного, изогнутого окна, которое возвышалось на внешней стене его комнаты для приёмов. Он быстро привык, стоя у этого окна, обдумывать политику и превратности дворцовой жизни с тех пор, как поселился в Сентриуме. Вид на сектор не имел себе равного, и это давало ему чувство превосходства.

- Подозрение никогда не лишено смысла, - сказал он, добродушно улыбаясь Лиру. -- Оправдано оно или нет, но лучше быть подготовленным.

Кроме того, подумал он, проклятый сын Ахирна, Кервин, когда-то думал, что будет правильным объединиться против

него с Пауками Варпа, и Айден был бы недалёким болваном, если бы не рассмотрел такую возможность, что старый ясновидец, возможно, лелеет сентиментальные замыслы в том же направлении.

- Кроме того, ещё одно дело, Тейртуан, сообщи нашим силам в Пределах Гэрила, что в этом году от доменов Ансгара ожидается дополнительный налог. Скажи им, чтобы начали собирать его раньше. Скажи им собирать его сейчас.

Пауки Варпа должны знать, что их вмешательство будет иметь последствия.

- Как прикажешь. Я прослежу, чтоб это было сделано, - ответил Лир, кланяясь снова, прежде чем развернуться и важно выйти из комнаты.

Глядя ему вслед, Айден восхищался дисциплинированными манерами Стража. Он понимал, почему Нэвир не слишком раздражало его присутствие во дворце, и было решено назначить его командующим дворцовой стражей. В его манерах было нечто изящное, что импонировало многим. Словно бы его дисциплина была его

естественной чертой. В некоторой степени он напоминал Айдену безупречную Йзульт, хотя был чуть меньше воином, чем его изысканная любимица, и чуть большим придворным.

Если б только было больше таких Тейрту, как Лир, думал Айден, когда молодой офицер исчез из вида. Он посмотрел в другой конец комнаты, где Морфрэн возлежал на одном из пышных диванов. Вокруг него выстроились трое слуг, один нарочито обмахивал его перьями давно вымершей огненной птицы фаэкс, в то время как двое других предлагали закуски и напитки. Заметив взгляд отца, Морфрэн осклабился с набитым ртом и указал жестом на свободный диван. Айден неодобрительно прищурил глаза.

- Пошли, отец, - усмехнулся Морфрэн, глумясь над серьёзностью Айдена. -- Если ты не можем наслаждаться роскошью, согласно нашему положению, зачем тогда ты так долго боролись, чтобы достичь его?

Айден молча отвернулся к окну и

устремил взгляд на свой Сентриум. Ты не боролся, чтоб достичь его, подумал он, это сделал я.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ четырёхугольном дворе Храма Яростных Мстителей Йзульт прыгала и крутилась, выписывая своим лютым мечом росчерки в замысловатой последовательности движений, и вдруг резко остановилась. Она сделала паузу лишь на мгновение. Затем в процессе движения она отпрянула назад, низко пригнулась к земле, удерживая клинок позади себя, а потом внезапно замахнулась вперёд своим мечом, одновременно отпрыгивая назад сквозь траекторию атаки. Сбалансированный ряд движений закончился новой остановкой, она опиралась на одну ногу, отставив вторую позади себя, чтобы уравновесить лютый меч спереди.

Она медленно согнула отставленную ногу, синхронно поднимая клинок вертикально перед своим лицом.

Я вижу, что ты не забыла своё обучение, Мстительница Йзульт. - Эти

мысли пришли откуда-то сверху, с вершины полого центрального шпиля храма.

Она соединила ноги вместе и резко взмахнула мечом по диагонали своего корпуса, салютуя и одновременно символически очищая клинок единым экспрессивным жестом. После она отвесила церемонный поклон в сторону святилища, пользуясь моментом, чтобы принести благодарность за своё обучение и навыки. Она была обязана Мстителям своей жизнью, и не забудет этого. Её жизнь принадлежала бы им, если бы они попросили.

Она посмотрела вверх.

- Хороший учитель оставляет глубокое впечатление, квихан, - крикнула она снизу смутно видневшейся фигуре на одном из круглых балконов, которые опоясывали внутреннюю поверхность шпиля над ареной. -- Мои навыки, как они есть, результат твоей собственной работы.

Было тихо, но Йзульт могла чувствовать восхищение экзарха. Он не

смог скрыть это от неё.

Ты всегда была моей любимой ученицей, молодая Йзульт. - В его ментальном послании была улыбка.

Как только мысли достигли её разума, она увидела, что с балкона над ней спрыгнула фигура. Она нырнула вниз в центре шпиля, словно в поток жидкости. Затем она ловко развернулась, раскинув руки для устойчивости, и перевернулась в вертикальной плоскости через голову поверх пяток. Вскоре он приземлился на ноги с раскинутыми руками, подобно сходящему ангелу, ударившись на скорости о землю, но удерживая свой вес с помощью превосходной синхронизации и отточенной упругости ног.

Приятно видеть тебя вновь, дочь Азуртена. - Экзарх Лэйргнен стоял на расстоянии выдоха от её лица, его бездонные чёрные глаза сияли, а длинные, иссиня-чёрные волосы вились вокруг его головы, словно наэлектризованные своей собственной энергией. Йзульт опустилась перед ним на одно колено, машинально придерживая свой плащ на одном плече в

знак уважения. - Ты намереваешься возвратиться к нам? - В мыслях экзарха сквозила искренняя надежда.

- Нет, мой квихан, - ответила Йзульт, хотя эта идея на мгновение захватила её мысли. -- Я вернусь, чтобы сражаться в честь Жогана Тейрту. Я пришла к тебе за советом.

Именно в этот день Жоган идёт сражаться? - Мысли Лэйргнена вернулись к Переходу Айони.

- Битва сама пришла к нему. Это были Пауки Варпа, квихан. Они хотели пройти в Сентриум.

Ты остановила их?

- Я остановила их, - ответила Йзульт с налётом гордости. -- Я унесла жизнь Арахнира Фианны во время Ритуала Начала. Эта победа ваша.

Нет, теперь она принадлежит Тейрту. - Он сделал паузу. - Стало быть, Эйнгил рискует Договором Шлема Азуриа? Она бередит раны Тейрту, тыкая своими пальцами в их кровь. Храмы Аспектов поклялись не вмешиваться в политические дела, мы согласились, ты

была права, выступив против неё. - Экзарх погрузился в размышления, обеспокоенный поворотом событий.

- Победа была лёгкой, Лэйргнен. Пауки Варпа сильны, а Стражи Тейрту недостаточно обучены. Нам повезло оказаться в большинстве.

Твоя скромность делает тебе честь, молодая Йзульт, но твои планы ясны. Яростные Мстители не могут и не выступят на стороне Тейрту, даже против Пауков Варпа. Нарушение соглашения Эйнгил не оправдывает наш собственный отказ от нейтралитета. Нейтралитет Храмов Аспекта уважали на Каэлоре много веков, моя Йзульт, и не без основания. Ты просишь слишком многого.

- Ты сомневаешься в Доме Тейрту? - Йзульт посмотрела на экзарха, встретившись взглядом с его бездонными глазами и вглядываясь в их глубину.

Дело не в достоинствах великих домов, Йзульт. Айден - прекрасный воин, каким был и Бедвир. Это вопрос принципа. Стражи Храма давно согласились не

втешиваться в дела Олипсина. Мы заключили договор с самим Гоури Сияющим.

- Но Эйнгил пренебрегает этим соглашением? Разве вы не должны отомстить за это неуважение?

Лэйргнен улыбнулся широкой, невесёлой улыбкой, и Йзульт не могла сказать, куда был направлен его взгляд.

Это хорошая попытка, Мстительница Йзульт, но сейчас, по крайней мере, я — хранитель этого храма, не ты. Оскорбление было нанесено не Яростным Мстителям, а Круглому Двору. Так как мы не принадлежим к этому Двору, нет ничего, за что мы должны мстить. Это не имеет никакого отношения к Яростным Мстителям, Йзульт. Это не моя забота.

- Ты бы говорил иначе, если бы Дом Тейрту пользовался твоим уважением, - сказала Йзульт, вновь смиренно склоняя голову.

Она знала, что он был прав. Храмы Аспектов должны быть выше придворных и политических стычек, несмотря на явную

надменность эльдар Нэвир, которые ставили себя выше жёстких методов Аспектов. На Каэлоре, размышляла она, каждый выше всех остальных.

Дом Тейрту является домом воителей, Йзульт. Я лично обучал многих из них. Это то, что я могу уважать. - Экзарх сделал паузу, раздумывая, стоит ли продолжать. - Но, правда, есть некоторые вещи, которые менее достойны уважения. Более того, некоторые способны в один день спровоцировать даже Мстителей на нарушение присяги.

БОКАЛ ВЫСКОЛЬЗНУЛ их рук Ахирна, ударившись о край стола и вращаясь прежде, чем разбиться о землю. Лужица пузырящийся голубой жидкости мгновенно вытекла между обломками, и испарилась, оставив на полу зазубренные осколки стакана, словно открытый капкан.

- Прости, моя дорогая Синния, - пробормотал с усмешкой ясновидец. Он сильнее опёрся на свой посох и слегка покачивался. На столе уже стоял ряд бокалов, некоторые из них были уже пусты,

другие наполнены наполовину. -- Позволь мне взять ещё один.

- Нет нужды, сиятельный. Позволь мне, - улыбнулась Синния, вставая со своего кресла и предлагая его опьяневшему старому эльдару.

Ахирн серьёзно кивнул, словно признавая, что это будет правильным решением. Он осторожно уселся в кресло и, сконцентрировавшись, заботливо положил свой посох на стол перед собой.

Когда Синния подошла по красивому полу к почти лишённому каких-либо характерных черт шкафчику напротив стены и открыла его лёгким движением, Селиддон наклонился вперёд со своего места и через стол подвинул бокал ясновидцу.

- Спасибо, мой дорогой, - поблагодарил Ахирн, медленно фокусируя свой взгляд, и только после этого взял бокал. -- Расскажи мне больше. Что там ещё делали эти тон'кеи?

Все трое весело рассмеялись над сравнением, придуманным ясновидцем. Верно, что Тейрту были столь же

примитивны, как и люди, и сравнение было превосходно. Всё ещё посмеиваясь, Синния раздвинула дверцы шкафа, чтобы показать ассортимент бутылок, графинов и множество бокалов. Она внимательно рассматривала их, пытаясь определить, какие были запечатаны, и те, что были уже пусты. Поколебавшись несколько мгновений, она взяла ближайший графин и снова вернулась к столу.

- Было настолько ужасно, что Светлейшая Ориана обратилась в бегство! – объявила Синния, опускаясь в свободное кресло. – Она выбежала из святыни, как если бы всё пылало вокруг неё. Глаза её были дики, и она сжимала маленького Тьюри так, словно в отчаянии хотела спасти саму его душу.

На мгновение все трое рассмеялись, но затем смех печально оборвался, так как серьёзность ситуации медленно, но верно дошла до их сознания.

- Айден был разгневан, - серьёзно сказал Селиддон. – Он слепя голову ринулся сквозь святыню, разрушив много тонких призрачных паутинок. Их нельзя

восстановить.

- А что этот негодяй Морфрэн? - спросил Ахирн, глубокомысленно глядя вглубь пара, висевшего над его стаканом. - Он не ушёл с моей Орианой?

- Нет, сиятельный. Он остался в святыне, очевидно весьма взволнованный этими событиями, - ответила Синния с явным неодобрением.

- А что вы ещё от него ожидали?

- Я ожидал худшего, - признался Ахирн, быстро опрокидывая свой стакан с напитком, и прикрыл глаза, наслаждаясь полным эффектом от жгучего, изменяющегося вкуса жидкости в своём горле.

Повисла долгая пауза, так как трое Нэвир обдумывали события минувшего дня.

- Времена на Каэлоре изменились, - пробормотал Селиддон, ни к кому не обращаясь.

Задумчивая тишина, которая поглотила его горестное стенание, была ему достаточным ответом.

Движение в дверном проёме сказало им, что прибыл посетитель, но никто из

них не обернулся. Стражи остановят любого нежеланного гостя, или, по крайней мере, потребуют у них пропуск. Кто бы это ни был, он не издал ни звука, чтобы потревожить сидящих за столом. Он ждал в открытых дверях, опустившись на одно колено из уважения к присутствующим атесдану и двум представителям Олипсина.

- А Айони? -- спросил Ахирн с внезапной настойчивость, словно он только что вспомнил о важнейшем деле. -- В конце концов, Церемонию Перехода провели удовлетворительно?

Синния аккуратно поставила свой бокал на стол и наклонилась вперёд.

- Айден сам провёл церемонию, - доверительно сказала она, словно открывая ужасную тайну. -- Паук Варпа убила хранителей святыни, поэтому Айден провёл церемонию лично.

- У неё был Переход воина, - сочувственно добавил Селиддон.

Ахирн не проронил ни слова. Он подхватил свой посох и, пользуясь им, чтобы зацепить один из графинов на

столе, подтянул его к себе, после чего налил новый бокал напитка. Его нетвёрдые руки вновь стали сильны и точны, словно бы всё легкомыслие ситуации мгновенно улетучилось.

- Эти пародии Тейрту непростительны, - наконец сказал он, поднимая свой бокал, словно для тоста.

Другие подняли свои бокалы и быстро их осушили. Серьёзность момента была отмечена минутой молчания.

А что Науки Варпа? Наш дорогой и безупречный Лир сообщал мне, что сегодня они двигались на Сентриум, и вы сказали, что в святыне была сама Эйнгил? Какую цель преследовали их действия? - Ясновидец позволил своим мыслям эхом отозваться по всей комнате, сознательно давая им возможность проскользнуть в разум Лира, когда он молча стоял в комнате, преклонив колени сразу за дверным проёмом. Было важно, чтобы отважный Страж знал, что его рассматривают отдельно от дома, с которым его связывала клятва.

- Жоган подозревает, что они были

здесь из-за тебя, сиятельный, - сказала Синния, небрежно вращая жидкость в своём бокале. Она уже догадалась, в какую сторону клонится разговор.

- Он обеспокоен, что ты возобновил союз, вероломно заключённый Кервином, сиятельный, - добавил Селиддон, и его золотистые глаза вспыхнули.

Ах да, мой милый потерянный Кервин, - ответил Ахирн, снова посвящая в свои печальные мысли Лира. - Я был бы очень счастлив увидеть его вновь, но Айден никогда не открывал мне, куда он был сослан.

Настрой его мыслей утолял об ответе, и Лир был единственным, кто был в состоянии его дать.

В течение нескольких мгновений трое Нэвир поигрывали своими бокалами, заговорщицки предоставив Лиру возможность прервать их.

- Сиятельный, - сказал Лир, со своего место у дверей, переходя прямо к делу: - Жоган требует, чтобы ты увеличили твою стражу. Для твоей собственной безопасности в это неспокойное время, -

пояснил он совсем не убеждённо.

- Ах, Лир! – воскликнул Ахирн, поднимаясь на ноги. Словно был очень удивлён, услышав его голос. – У тебя сейчас есть свободное время, чтобы выпить с нами, я надеюсь?

Страж колебался, но затем встал на ноги и шагнул в комнату. Он остановился прямо перед ясновидцем и преклонил одно колено, крепко сжимая кисть Ахирна в своих руках.

Ахирн улыбнулся:

- Пожалуйста, молодой Лир. Это ещё не святые мощи.

- Сиятельный, ты слишком добр ко мне, - сказал Лир, пристально глядя вниз на отполированный пол. – Я предлагаю свои услуги, чтобы доставить сообщение Светлейшему Кервину.

Разве Жоган одобрит такой поступок? Я не хотел бы подвергать опасности твоё положение в Доме Тейрту, мой Лир. - Ахирн мысленно усмехнулся: «Мой Лир» был превосходен.

- Повелитель Айден приказал мне удвоить твою стражу. Это всё. Пока я не

получил дальнейших указаний, не вижу причин почему я не могу быть полезен тебе, атесдан.

Это великодушно и почтительно с твоей стороны, мой дорогой Лир. Я не забуду этой услуги.

Лир прикоснулся лбом к руке ясновидца и встал. Он круто развернулся и вышел за дверь.

- Это было просто, - заметил Селиддон после того, как Лир ушёл, делая изрядный глоток из своего бокала.

- Он хочет служить. Его дамашир требует чего-то более утончённого, чем грубый Айден. Он просто нуждался в альтернативе. Имея выбор, многие из эльдар предпочтут наш путь. В этом наша суть, - грустно улыбнулся Ахирн. -- Я просто дал ему этот выбор.

- Ты призывал Пауков Варпа, сиятельный? -- спросила Синния, когда увидела этот спектр чувств, прошедших по лицу ясновидца. -- Они пришли из-за тебя?

Ахирн откинулся на спинку стула и изящно сжал бокал между большим

пальцем и указательным.

- Нет, моя прекрасная Синния, я никого не призывал. Я не могу знать, почему Пауки пришли сегодня, но я могу видеть их в бессчётном множестве вариантов возможного будущего, и я знаю, что преданность Айони наполняет душу Эйнгил; я чувствовал это даже в тот момент, когда она осквернила святыню.

- Может быть, пришло время обратиться к ней за помощью, сиятельный? — предложил Селиддон, неловко выражая словами мысль, которая витала вокруг стола.

- Возможно, - ответил Ахирн, поднимая взгляд от своего бокала и неопределённо улыбаясь.

- ПРИГОТОВЬСЯ, - ПРОСТО сказала Эйнгил, когда она со всей силы налегла на тяжёлые двери и толкнула их.

Внизу по центру показалась неровная полоска света, похожая на ряд зубов, затем двери распахнулись, и Силти обнаружил, что в изумлении смотрит на домен Ансгар, как если бы видел его в первый раз.

Он прошёл рядом с экзархом под перемычкой над проёмом двери и обвёл взглядом пейзаж, щурясь от резкого света после многих лет тренировок в затенённых залах храма. Казалось, целую жизнь тому назад он стоял на краю этой зелёной лесной зоны и слушал Бедвира, собравшего Дом Ансгар для финальной битвы Династических Войн. Даже юный Силти встал в ряд позади доблестного патриарха, подвигнутый справедливостью его слов так же, как и неустрашимостью его меча.

С тех пор пейзаж изменился. Зелень казалась какой-то менее яркой, и листва – менее пышной. Деревья были тонкими, а их листья стали редкими. Легендарная чумбала стояла в центре поляны прямо перед ступенями храма, покрытая сияющим энергетическим полем, которое защищало её от вредителей или браконьеров, и сами эльдары казались сгорбленными и едва волочившими ноги. На поляне работала примерно дюжина ремесленников, призрачных кузнецов и

других мастеров, которые вырезали безделушки из дерева или формировали их из призрачной кости между мощными потоками энергии.

Когда храмовые двери со скрежетом отворились, все глаза поднялись к ним, и словно озарились на мгновение искрой надежды.

Силти почувствовал силу их ожиданий, но он не понимал чего именно.

- Чего они хотят?

Еды, наверное.

Ответ был не таким, как ожидал Силти. Он принял его как глоток крепкого напитка, невольно содрогаясь, несмотря на всю решимость казаться невозмутимым.

- Они -- бродяги? -- спросил он, стараясь найти объяснения фактам, которые видели его глаза. -- Ищущие Путь?

Нет. Они обычные путники, как и ты. Разве ты не видишь мастерство, с которым они выполняют свою работу?

Силти кивнул, когда эльдары начали подниматься и двигаться к подножию ступеней. Очень скоро там собралась

небольшая толпа, которая обратила взгляды вверх и рассматривала молодого Паука Варпа и его экзарха.

Времена на Каэлоре изменились с тех пор, как ты последний раз был за воротами храма, молодой Силти. Эльдары Ансгара испытывают на себе последствия гнева Тейрту. Династические Войны, возможно, закончились, но эти эльдары продолжают страдать от них. Тейрту и Олипсин собирают крупный налог с этих земель, более тяжёлый, чем они заслуживают.

Душу Силти терзал неподдельный ужас:

- Почему мне не рассказали?

Ты был учеником, мой юный лорд. Дела Каэлора не должны мешать твоему обучению. Путь Паука Варпа требует тонкого настроя и интуиции, и не должен иметь отношения к политике. Помни это.

- Это не политика! -- воскликнул Синти и тут же пожалел об этом.

Собравшаяся внизу толпа подхватила его возглас, так как много эльдар присоединилось к нему.

- Мы сейчас говорим о выживании здесь. Как вы могли это допустить?

Что бы ты посоветовал мне делать?

- Сражаться! -- этот ответ для молодого Силти казался простым и желанным.

Внизу по толпе прошёл ропот одобрения. Они могли чувствовать сильное волнение и негодование молодого Паука Варпа. Был ли он тем, кого они ожидали? Действительно ли он тот, о ком говорилось в пророчестве Владычицы Айони?

Эта битва не для Пауков Варпа, Силти. Храмы Аспектов поклялись сохранять нейтралитет, ты знаешь.

Из толпы выступила фигура эльдара. Его седые волосы были спутаны и неопрятны, а его одежда изношена и покрыта заплатами, но глаза его сияли, и под его рваным синим плащом блестела рукоять хорошо отполированного меча.

- Лорд Силти? -- голос был твёрдым и решительным, он не соответствовал жалкому виду эльдара, который говорил. -- Милорд Силти, ты не помнишь нас?

Силти посмотрел вниз на оборванную группу эльдар у основания ступеней. Он внимательно рассматривал их. Впечатление, которое они производили, было каким-то неполным. В их поведении было что-то скрытое. Казалось, под жалкой внешностью вздымался и бурлил еле сдерживаемый вызов. Несмотря на сломленный вид, от них исходил боевой дух.

Присмотревшись внимательней, Силти смог разглядеть блеск рукояти меча под тёмно-синим плащом одного, выступающую сюрикен катапульту, которая висела на ремне у ноги другого, рукояти двух ведьминых клинков, торчащие позади плеч третьего, а один опирался на длинный посох, который больше походил на поющее копьё.

- Они -- Стражи Ансгара? -- спросил Силти, недоверчиво поворачиваясь к Эйнгил. -- Это всё, что от них осталось после окончания войны?

В его голосе звучала смесь негодования и боли.

Это те, кто остался в живых,

молодой Силти. Они возвратились в эти земли и ждали лидера, одного из династии Ансгар, чтобы вернуться к нему, как пророчествовала Владычица Айони.

Обернувшись назад, чтобы посмотреть на ступени храма, Силти увидел, что группа сформировала линию. Затем они опустились на одно колено на нижней ступеньке. Они перекинули оборванные остатки своих плащей через плечо и коснулись кулаками земли в знак почтения к нему.

- Милорд Силти, мы ждали тебя.

Глава третья. Кервин

ВНИЗ С ВЫСОКОГО ПОТОЛКА капала какая-то жидкость, заставляя Лира вспомнить, что над каждым уровнем Каэлора есть ещё один, не зависимо насколько высоким или невидимым мог быть потолок. Это была одна из специфических особенностей огромного искусственного мира. Даже притом, что он существовал в виде имеющего пределы объекта в трёх измерениях, было почти невозможно найти его границы, и точно было причиной тому, что над каждым уровнем размещался ещё один даже там, где уж наверняка должен быть самый верх. Разумом Лир понимал тот факт, что архитектура искусственного мира не была ограничена тремя материальными измерениями, она была в некоторой степени выполнена по четырёхгранному проекту, где центральная вершина, которая определяет размерность пространства, лежит вне материального мира, но подробности этого были вне его

понимания. Он вспомнил, что слышал будто бы у примитивных тон'кеев когда-то были столь ограниченные знания о гравитации, что они думали, будто бы планеты плоские, иначе они не могли объяснить, почему люди не падают с них. Несмотря на окружающее запущенное и грязное пространство, аналогия с легендарной глупостью тон'кеев вызвала улыбку на его лице.

Более того, большинство каэлорцев прожило бы всю свою жизнь, не задумываясь об устройстве искусственного мира. Только когда с ними случалось что-то столь же странное, как протекающая крыша, это напоминало им, где они находились.

После долгих часов поездки к нужному месту, Лир слез с тёмно-зелёного джетбайка и рассмотрел переплетение труб, воздуховодов и прочих коммуникаций, которые проходили и переплетались в широком, низком пространстве. Некоторые из них были давно разрушены, и под ними скопились лужи маслянистой жидкости. Едкие

сточные воды разъели в нескольких местах пол, и Лир мог слышать далёкий звук капающей жидкости, падающей с большой высоты на нижний уровень, который, должно быть, либо был расселён, либо никогда не заселялся с самого начала.

Почему кто-то хотел здесь жить? – спросил себя Лир, морщась от вони и всей убогости данного места. Он не знал никого, кто бы хотел жить в отстойнике, но помнил, что некоторые самые нежелательные изгнанники были высланы в такие секторы. Легенда говорила, что следопыт Вруар Скрытый провёл здесь много лет, подвергнув себя изгнанию из-за резкой критики каэлорского общества до того, как он отправился в своё эпическое путешествие, чтобы отыскать легендарную Чёрную Библиотеку. Если эти слухи верны, то здесь ещё могли попадаться группы Искателей Пути, прячущихся здесь от каэлорского общества, которое их также избегало.

Как-то давно Лир бывал прежде в таких секторах. Он помнил неприятный опыт, но также помнил, что отстойники

были меньше и не столь протяжёнными. Он вспомнил некоторые признаки деградации в системах охлаждения, которые проходили сквозь целый сегмент, но он не помнил, чтобы их состояние было столь близким к полному разрушению. Если память не подводила его, сточные коллекторы протянулись через эти секторы за последнюю сотню лет, разрастаясь, как раковая опухоль, по краям Каэлора. Словно бы Нэвир Олипсина просто не придавали этому значения.

Он не мог поверить, что Айден вышлет Кервина Ривалина, единственного сына ясновидца, в такое заброшенное место. Должно быть, произошла какая-то ошибка. Он был обязан проверить это; он обещал ясновидцу.

Наклонившись над своим джетбайком, Лир открыл сбоку одну панель и вытащил длинную и тонкую сюрикеновую винтовку. Она была покрыт царапинами и отметинами предыдущих сражений, но Лир быстро проверил её, убеждаясь, что винтовка ещё исправна и функционирует; прошло уже много времени с тех пор, как

он использовал такое оружие. После окончания Династических Войн, в которых он принимал участие, ему не было необходимости пользоваться чем-то другим, кроме церемониального, богато украшенного пистолета. Во Дворце Ясновидца не происходило каких-либо крупных беспорядков, и его должность капитана личных Стражей Ахирна фактически играла лишь формальную роль.

Он проверил вес и баланс винтовки, удобно удерживая её обеими руками. Он был хорош. Его мысли прорезала короткая вспышка энергии, словно бы пробудилось что-то дремавшее в нём, когда он взял в руки оружие. Голос в его дамашир нашёптывал кровавые мысли, подобно зову Каина. Да, подумал Лир, так и должно быть. Он был Стражем Дома Тейрту, а не изнеженным придворным Олипсина. Он почти забыл это. Сентриум оказывал такое действие на эльдар. Внезапно впереди него между трубами и вентиляционными шахтами что-то промелькнуло. Это было едва заметное

движение, лишь немногим больше, чем дрожание света. Инстинктивно он оглянулся, чтобы удостовериться, что это было не преднамеренное отвлечение внимания.

Ничего.

Движение повторилось снова в том же месте, и Лир вскинул свою винтовку на плечо, глядя вдоль ствола сквозь прицельное устройство. Стабилизирующие гироскопы слабо жужжали возле уха, и палец автоматически надавил на спусковой механизм, на толщину волоса до выстрела.

Движение повторялось снова и снова, сначала влево, потом вправо. Оно казалось ритмичным, как маятник. Сквозь оптический прицел винтовки, Лир мог видеть намёк на цвет в темноте между несколькими покрытыми слизью трубами.

На одной из верхних балок что-то раскачивалось.

Опуская оружие, Лир прокладывал путь вперёд через густую грязь и обломки, которые устилали почву, подныривал под низко подвешенные трубы и обходил края

тех, которые были разорваны и изливали неизвестные, токсичные стоки на гладкий пол.

По мере приближения к маятнику, ему становилось понятно, что это. С одной строительной балки, которые поддерживали низкий потолок, свисало тело эльдара. Петля из тонкого шнура была стянута вокруг шеи несчастного, а затем пропущена сквозь отверстие в верхней балке. С того места, где он стоял, Лиру казалось, что отверстие было просверлено или прострелено в балке специально с этой целью.

Зловоние стояло невероятное, и Лир обмотал свой плащ вокруг лица, окутав им плечи так, чтобы он служил, как маска. При более близком рассмотрении, он смог увидеть, что плоть тёртвого эльдара была разлагающейся и мягкой. Кожа свисала с его скелета, словно была на несколько размеров больше костной структуры.

Лир подошёл, держа в руках винтовку, и толкнул тело кончиком ствола. Оно медленно повернулось под воздействием и

слегка качнулось, поворачивая лицо эльдара к Лиру.

Он с отвращением отскочил, быстро отдёргивая оружие, так как из пустых глазниц трупа вылетели крошечные жуки журнаом, потревоженные внезапным движением. Лицо эльдара разложилось, и было покрыто язвами и отметинами укусов. Его было невозможно опознать. Посмотрев вниз на ствол своего оружия, Лир увидел, что он покрыт толстым, застывшим слоем гноя, который просто стёк с тела, когда он коснулся его.

Отвернувшись, Лир осмотрел место, чтобы найти подсказки относительно того, как это могло произойти, и кто мог совершить такое чудовищное деяние, но за исключением фрагментов тела и останков плоти, которые отвалились с трупа, площадь вокруг подвешенного тела была чистой и пустой. Осмотревшись вокруг, Лир понял, что фактически здесь было необычно чисто, словно кто-то специально убирал это место. На металлическом полу имелись следы, которые указывали на полосы от уборки, и

пропитанная сточными водами тряпка сбоку могла служить доказательством, что кто-то воспользовался ей для очистки пола на площадке вокруг балки.

Зацепив тряпку концом сюрикеновой винтовки, Лир поднял её от пола и держал на весу, наблюдая, как с неё капает жирная грязь. С ужасом Лир увидел, что ткань была тёмно-красным плащом. Сквозь жижу и грязь, которые впитались в неё, он увидел очертания узоров и символов, вышитых на ткани, а прямо в центре материала была золотая эмблема Сияющей Звезды, герб династии Ривалин.

Вспышка боли пронзила сердце Лира, когда он понял, что это означало. Он повернулся, позволив плащу снова упасть на пол, и пристально посмотрел на раскачивающийся труп. Его волосы были окрашены в насыщенный красный цвет, немного длиннее, чем он помнил, и на теле была надета тёмно-бордовая туника рода Ривалин. Несколько богато украшенных клинков и захватов были подоткнуты под золотой пояс. Длинная изящная цепь висела вокруг шеи трупа, украшенная в

промежутках драгоценностями, которые безмолвно сверкали из-под гноя, когда труп покачивался и вращался в редких лучах света, а на конце цепи был подвешен хорошо заметный, тусклый и безжизненный путевой камень Кервина Ривалина, на котором ясно виднелась прямая трещина, проходящая сквозь его середину.

После мига паники, Лир отчаянно обвёл глазами местность вокруг. Он искал признаки борьбы, некого сражения, но ничего такого не наблюдалось, место было относительно чисто и опрятно. Кроме промокшего плаща на одной стороне он нашёл аккуратно свёрнутое полотно. Наклонившись, чтобы рассмотреть его, он обнаружил, что оно было обмотано поверх красивого и древнего сюрикен-пистолета, по-видимому, для того, чтобы защитить оружие от грязи и должным образом сохранить его. Рукоять была отмечена Сияющей Звездой. Это было оружие Кервина.

Осознание поразило Лира словно копьё: единственный сын ясновидца совершил самоубийство. Он был оставлен в

этом отстойнике Стражами Тейрту, по-видимому, непосредственно по приказу Айдена Тейрту, и был брошен умирать. Они не убили его, рассуждал Лир, рассматривая доказательства, поэтому Айден мог сказать Ахирну, что он выслал, но не казнил его сына. Ясновидец мог почувствовать ложь. Но это было в сущности, то же, что убить его.

Иша милосердная! Лир едва мог вытерпеть пребывание в этом отвратительном месте, но у него был джетбайк, который унесёт его в Сентриум, и его чувствительность не была столь тонкой, как у Кервина. Каким образом, они полагали, Кервин сможет выжить в этом месте? В окружении грязи и сточных вод, зная, что его отец стал, по сути, пленником Дома Тейрту, и что его союзники из благородного Дома Ансгар были казнены. Как, полагали они, он сможет жить, зная, что его Каэлор разрушен?

Они и не ожидали, что он останется в живых.

Несмотря на слякоть и грязь, Лир

опустился на колени у ног трупа и со стыдом склонил голову. Наследник трона Ривалина тихо висел перед ним, его путевой камень, треснувший, осквернённый, тусклый и безжизненный всё ещё свисал с его шеи; он был бесполезен. Только Иша теперь могла знать местопребывание его души, или как был сломан камень. Несомненно, его неприкосновенность не была нарушена в ходе Церемонии Перехода в пределы Флюир-герна. Вместо этого Кервин своими руками на коленях очистил себе место смерти, отважно пытаясь уйти с достоинством из этих отвратительных пределов. И некоторое время спустя кто-то разбил его камень души.

Нэвир были правы: Айден Тейрту являлся варварским стикс-ман, не достойным своего положения в Олипсине. Такой исход был позором для Тейрту и трагедией для семьи Ривалин. Политическая и военная выгода не должны иметь превосходство перед хорошими манерами и высокой моралью. В этот момент Лир был уверен, что ни Ахирн, ни

Синния, ни Селиддон никогда бы не опустились до таких глубин безнравственности.

Пробормотав несколько молитв Ише и Азуриану, Лир поднялся и расстелил на чистом полу свой собственный плащ. Он снял Кервина и положил его на ткань. Затем он собрал другие вещи, принадлежащие Ривалину, и с горечью и сожаление в душе завернул их вместе с трупом в плащ с зелёными и золотыми символами Дома Тейрту. Подняв тело на руки, Лир повернулся и направился назад к своему джетбайку.

БАНКЕТНЫЙ ЗАЛ кипел жизнью, и Морфрэн был в своей стихии. Он сидел посередине длинной стороны стола для почётных гостей, потеснив Айдена, который расположился через пару мест левее него. Стул между ними остался незанятым, символически пустым, словно все ожидали, что в любой момент войдёт Владычица Айони и займёт своё место, но все другие стулья в зале были заняты, и несколько опоздавших были вынуждены

есть и пить стоя или опираясь на края переполненного стола. Внезапно раздался тихий звук, словно на удалении пролетело насекомое. Этого оказалось совершенно достаточно, чтобы тонкий слух уловил его, он был вполне слышимым для того, чтобы привлечь внимание половины эльдар в зале, и они тот час же были всецело заинтересованы им, и это не ускользнуло от внимания других. Словно волна тишины прошла по шумной комнате; просвечивающие, жемчужные двери, медленно качнувшись, растворились. Все глаза повернулись на них, но ничего не появилось.

Морфрэн захохотал резким смехом, словно бы не в силах сдерживать напряжение или волнение, выплюнув на стол половину разжёванного куска мяса тьюрейр-йуга с кровью и стекающие вниз по подбородку струйки шипящего Эдрисиана. Он чувствовал направленные на него взгляды и смесь отвращения и изумления в зале, которая щекотала его экстрасенсорные чувства, заставляя радостно улыбаться.

Сегодня славный день, - начал он, но затем остановился, сделав на лице гримасу показного смущения. Он посмотрел вниз на стол, словно внезапно что-то нашёл. Разглядев кусок разжёванного тьюрей-йуга, плавающий на поверхности в его бокале, он выхватил его с удивительной ловкостью и отправил обратно в рот.

Взрывы отвращения ударили по нему со всех сторон сразу, и он с удовольствием усмехнулся, словно подпитываясь раздражением других. Он видел свою прекрасную Ориану в самом конце стола, её лицо было скрыто под лёгким, подобно вуали, капюшоном. Она даже не смотрела на него. В углу, на противоположном конце зала, он увидел Йзульт, которая стояла напротив стены чуть в стороне от веселья. Она была завёрнута в плащ, словно защищалась от ужасной бури, и он смог разглядеть очертания меча, по-прежнему висящего на перевязи. Её лицо было каменным и на долю секунды смогло ухудшить настроение Морфрэна.

- Сегодня славный день, - повторил он,

на сей раз вслух, словно боясь, что его мысли могли не достичь всех.

Он всё ещё жевал мясо, поэтому его голос больше напоминал мычание и был невнятным.

– Сегодня мы празднуем великую победу Дома Тейрту! – объявил он, бросив беглый взгляд на Айдена, на лице которого отражалась беспорядочная смесь эмоций.

– И! – заявил Морфрэн, как если бы это было самостоятельным восклицанием. – И... и мы чтим память перехода нашей дорогой Владычицы.

Он затих, оставив аудиторию гадать, случилось ли это потому, что он был пьян или потому, что не мог вспомнить имя Айони.

Перед тем как продолжить, он быстро осушил свой бокал.

Сегодня наша доблестная Йзульт Тейрту-ан вновь сразилась с проклятыми Пауками Варпа из домена Ансгар, и разгромила их у врат ясновидца.

Раздался хор одобрения и чей-то шёпот, сама Йзульт хранила молчание.

– И... и наш дражайший Жоган, Айден

Тейрту, сошёлся лицом к лицу с экзархом в Святыне Флюир-герна, разбив её планы нарушить Церемонию Перехода, изгнав её назад в регионы стикс-тан, где ей место. Так мой дорогой патриарх спас душу нашей возлюбленной Владычицы.

На этот раз хор одобрения был громче, как приличествовало статусу этой темы, но всё ещё на заднем плане слышался ропот неодобрения, и не прошло незамеченным то, что речь оставила Ориану весьма равнодушной.

- И... и эти события являются прекрасным поводом для пира, если нам когда-нибудь потребуется повод! – крикнул он, поспешно заканчивая свою речь и поднимая бокал в знак солидарности.

В следующий момент он понял, что его бокал уже пуст, поэтому он наклонился вперёд и схватил графин, опрокинув его полностью над своей головой вместо тоста.

Этого было достаточно, чтобы доставить удовольствие Морфрэну. Он почувствовал пьяное веселье присутствующих Тейрту. Стражам и их

супругам нравились такие выходки. Им ещё не приелись богатство и власть, которые они получили, придя в Сентриум, а также он чувствовал презрение множества придворных Нэвир, которые соизволили посетить этот званый ужин.

«Лицемеры, - подумал он. -- Если они терпеть меня не могут, почему приходят к моему столу? Не выношу их двуличие!»

Но, по-видимому, не все Нэвир испытывали отвращение, один или двое подняли на него восторженные взгляды с другой стороны стола, словно пытались разделить с ним миг взаимопонимания.

Сядь, Морфрэн, пока ты не упал. - Мысли Айдена были жестки и окрашены неодобрением, но и не были лишены чувства близости. Он поднялся со стула, словно давая понять, что только один из них должен стоять. Морфрэн поколебался мгновение, шипящее вино пузырилось на его лице, а затем рухнул на стул. Нэвир Селиддон Оссиан, который сидел напротив, спокойно наклонился над столом и протянул ему свой пышный золотой шарф вытереть голову и руки.

Очень любезно с вашей стороны посетить это скромное собрание. - Айден обвёл взглядом комнату, охватывая глазами пёструю смесь Нэвир и эльдар Дома Тейрту. Они представляли собой общество, вид которого должен был согреть его сердце, но различия между этими двумя группами были настолько очевидны, что это заставило его поёжиться. Он мог понять, почему столь многие Нэвир не желали иметь ничего общего с ним или с его домом, хотя он находил немного досадным, что они были куда более высокомерны, чтобы присутствовать на церемонии днём, чем теперь на торжественном ужине. В любом случае он был рад видеть подобных Провидице Синнии Ютран и Селиддону Оссиану, которые без сомнения наслаждались угощением за столом для почётных гостей, несмотря на вульгарные выходки Морфрэна. Они кивнули в знак благодарности, когда его взгляд упал на них.

Один или двое выказывали очевидные признаки негодования из-за своего

присутствия, и Айден спрашивал себя, не были ли Стражи слишком настойчивы, когда передавали его приглашение. Уйшнех Эйнион, в частности, казалось, кипел. Его руки были плотно скрещены на груди, и он не прикоснулся к своему напитку. Айден не был удивлён видеть, что раздражение Орианы клубиться вокруг неё, подобно тёмной ауре, но он был слегка раздосадован, когда увидел, что самой недовольной среди других гостей, казалось, была Йзульт, которую, по-видимому, происходящее не трогало и не впечатляло.

К сожалению, Его Сиятельство Ясновидец Ахирн Ривалин не смог быть с нами этим вечером, - продолжил он, только сейчас осознавая, что Лир ещё не возвратился из башни. -- Сегодняшние события были особенно тяжелы для ясновидца, и он решил отдохнуть. Враждебность Пауков Варпа стоила ему многих сил. Он стар и немощен, как вы знаете.

Он задавался вопросом, сколько ещё раз должен будет подобным образом оправдываться из-за отсутствия

ясновидца. Он полагал, что делал это уже более чем достаточно, и не смотря на необходимость, это вызывало у него недовольство. Вопреки всему великолепию, церемониям и показной роскоши, которые наполнили его жизнь с тех пор, как Дом Тейрту захватил Сентриум, в душе Айден оставался воином, и он находил большую часть этой двуличности и расточительства отвратительными.

Тем не менее, в память нашей недавно ушедшей Владычицы Айони, у нас есть для вас специальное угощение. – Он сделал жест в сторону открытой перламутровой двери, о которой большинство посетителей уже позабыло. – Позвольте мне представить Арлекинов Аркадии, которые намереваются исполнить Цикл об Аватаре для нашего удовольствия и назидания.

По комнате прошёл взволнованный шёпот ожидания. Каэлор уже стал столь обособленным искусственным миром, что эльдар взволновало просто само напоминание, что в галактики были и другие Сыновья Азуриана. Арлекины были

редким удовольствием. Помимо прочего Айден был рад получить возможность продемонстрировать хотя бы некоторым из Нэвир мифические циклы, которые неизменно делали воинов героями эльдарской истории. Айденом приветствовалось всё, что повышало статус воинов. Он не мог этому содействовать, но полагал, что корнем всех его проблем в Олипсине определённо является этот статус.

Военная сила осуждалась ещё за много веков до Династических Войн, и Нэвир с неохотой признавали её важность исключительно по необходимости. Необходимость порождает ненависть и ненавистные нововведения. Он знал, что, вероятно, был теперь в большей опасности, чем даже в разгаре войн, когда противостоял лицом к лицу величественному Бедвиру на расстоянии двух больших мечей. Двор Ясновидца представлял куда более коварную опасность, чем клинок.

Послышались одобрительные аплодисменты, когда первый из

разноцветных Арлекинов показался в поле видимости в центре комнаты, трачно напевая и танцуя с захватывающим дух изяществом. Морфрэн ободряюще крикнул, Селиддон залпом допил своё вино, Ориана немного приподняла свой капюшон, чтобы лучше было видеть танец, а Йзульт окинула взглядом комнату.

ИЗ-ЗА СЕРПОВИДНЫХ ДВЕРЕЙ доносился шум, который пульсировал, как сама жизнь и сводил Найса с ума. Он стоял, прижимаясь к ним лицом, и ощущал вибрацию атмосферы за ними. Он закрыл глаза и был убеждён, что мог видеть всё, что происходило за пределами храма. Он слышал, как оставшиеся в живых воины армии его отца приветствовали Силти и приняли его как своего нового вождя, которого они ждали много лет. Словно бы Силти мог поднять меч Ансгара и снова привести их дом к славе на поле битвы, словно бы Силти мог отомстить за трагедию, постигшую великий дом в конце Династических войн. Словно бы Силти мог сделать хоть что-

нибудь их этого!

Он даже не смог победить меня в учебном бою, не нарушая правила, кипятился Найс, отворачиваясь от ворот и следуя назад в центр арены. Звуки волнения снаружи немного стихли, словно бы тени вокруг пустой арены поглощали шум, но эти тени также окружали его, обёртывая в саван уединения. На мгновение он почувствовал себя единственным лучом света в галактике тьмы, крайне одиноким.

Это лишь потому, что он старше! В этом – единственная причина, он прошёл ритуал Тюйриан раньше меня. Но я сильнее. Я сильнее! – Его мысли гремели вокруг арены, словно психическая взрывная волна. – Это должен быть я!

Сидя в тени у края арены, скрытого в темноте, Эла вздрогнула от всплеска ярости. Внутри её брата был такой гнев, какого она прежде никогда не видела. Это было возмущение. Это было неистовство. Это было обжигающее чувство несправедливости. Это походило на дыхание Каина.

Протянув руки вниз, он схватил части сломанного посоха из ямбалы и выдернул их из почвы, разбросав по арене дождь из песка и металлических частиц. Затем он закружился на месте, вращая двумя палками вокруг своего тела в сложном узоре, который Эла прежде никогда не видела. Она зачарованно смотрела на это воображаемое разрушение, которое Найс устроил на арене перед нею.

Он крутился и подпрыгивал в воздух, вращаясь как гироскоп, словно бы он внезапно стал единственной точкой равновесия галактики. Приземляясь, он перемещал свой сломанный посох вокруг тела, размахивая им в воздухе с такой яростью, что казалось, он загорится от сопротивления. Так как он двигался всё быстрее и быстрее, пространство вокруг него начало мерцать серебристой энергией. Сначала это было слабое свечение, но его смутный отсвет постепенно превращался в яркий ореол, словно его кожа пылала от сильного возбуждения.

Эла смотрела в изумлении. Она могла чувствовать, как опустошалась энергия арены, словно бы её всасывало в центр, где Найс танцевал яростную композицию паука варпа. Это было, как если бы сам Найс стал вихрем, притягивающим остатки психической энергии, которые лежали повсюду в храме, собирая вокруг себя энергию, словно новую и светящуюся кожу. Покуда она наблюдала, то осознала, что этот эффект воздействовал также и на материальные объекты. Она увидела, что песчинки на полу начали дрожать и перемещаться, устремившись к нему, словно металлические опилки к магниту. Через несколько мгновений песок начал струиться небольшими потоками, стекаясь тонкими струйками к ногам подпрыгивающего и вращающегося в центре арены Найса. Замысловатые ручейки сдвинулись и изменили направление, ветвясь и разделяясь в попытке отследить движение танцующего воина.

Через некоторое время начали

перемещаться и крупные предметы. Шесты, которые ограничивали периметр арены, стали клониться вперёд. Эла почувствовала усилие, воздействующее на неё, и напрягла волю, чтобы сохранить своё положение. Большие серповидные двери начали скрипеть, словно с силой преодолевали сопротивление своих петель.

С неожиданной резкостью, которая потрясла Элу, Найс раскинул руки во время вращения и отпустил обломки посоха. Они быстро промелькнули над ареной, как лучи лазера, и с силой врезались в украшенные узором в виде паутины серповидные ворота, пронзив их почти насквозь. В тот же момент Найс склонился к земле в центре арены. Его ореол замерцал, и он сам тяжело дышал после такого напряжения.

Это не справедливо. Эта мысль свободно парила, словно планировала утомлённая птица.

Со своего скрытого в полумраке места Эла смотрела широко открытыми сапфирными глазами. Её изумление было вызвано отчасти демонстрацией

ужасающей мощи, но главным образом эстетикой картины, развернувшейся перед ней. Песчаный грунт сформировал невероятно сложный узор, закрученный и испещрённый дорожками и канавками в результате яростного танца Найса. Пол по всей арене был превращён в гигантскую паутину, тонкие полоски песка тщательно очерчивали сеть, начиная от внешнего периметра арены, и сходились в центре к скорчившейся у земли фигуре Найса.

На минуту Эла подумала, что смогла бы представить, как чувствовали себя сёстры Ютран, когда они наблюдали за ней во время совершения Ритуала Ластрины. В первый раз она подумала, что может понять значение вокс терзость. Она всегда знала, что провидицы Дома Ютран боялись её, но сама она никогда не испытывала нервную дрожь от такого страха. Внезапно ей стали понятны волнение и ужас, которые мелькали в проницательных зелёных глазах Синнии всякий раз, когда она говорила о будущем и пророчестве Айони.

Она наблюдала, как Найс поднялся на ноги в центре паутины, и увидела небольшой дождь спонтанных призрачных кристаллов, которые отвалились от его кожи и осыпались на пол подобно алмазной пыли. Это и было тем, что имела в виду Айони, когда сказала о зарождающейся силе будущего, которое держат в руках потомки Бедвира? Если это так, то как тогда оказалось возможным убедить Айдена Тейрту проявить милосердие к этим вох Ансгара? Внезапно в разуме Элы возникла новая вереница бессчётных вариантов будущего.

Серповидные двери со скрежетом отворились, и на пороге показалась высокая фигура Эйнгил в сопровождении арахнира Адсулаты. Тусклый свет сзади обрисовывал их силуэты, и вместе с ними вошла волна шума собравшейся снаружи толпы. Они уставились на обломки посоха из ятбалы, которые прошли насквозь материала дверей, бросили беглые взгляды на Элу и затем обратили взоры к Найсу, который остался стоять в центре арены.

Вопреки самой себе Адсулата

открыла рот от изумления при виде всего этого. Она сразу заметила разлетевшиеся осколки призрачных кристаллов и невероятный узор на песке. Она увидела опустошающую ярость, горящую в серебристых глазах Найса, когда они с Эйнгил подняли на него взгляд от тёмной арены.

ЯСНОВИДЕЦ сидел, погрузившись в медитацию, в своей башне. Его глаза были закрыты, и вокруг царила полная тишина. В воздухе витал аромат курений, исходивший из простой чаши, наполненной тлеющими щепками умбалы. Он позволил своим мыслям течь, чувствуя, как они ускользают из-под контроля его сознания, плавно уносясь в небытие, откуда приходили откровения. Прошло уже много времени, прежде чем он ощутил нечто большее, чем слабый проблеск возможного будущего. С самого окончания Династических Войн и усиления Дома Тейрту его разум не пребывал в состоянии покоя, достаточном для такого опасного путешествия. Он даже был в не состоянии

видеть слабое мерцание ментального следа своего сына среди мириад этих возможностей. Словно что-то затуманило его духовное зрение или закрыло от него место, где тот должен был пребывать.

Он знал, что в Олипсине шептались об упадке его сил. Даже до Династических войн ходили слухи, что его психический потенциал уменьшается. Он, казалось, не смог предотвратить или хотя бы предвидеть Войны, и он позволили Каэлору достаточно близко приблизиться к пределам опасного вихря варпа, что было куда опасней, чем неизбежное столкновение с искусственным миром Сейм-Ханн во времена Войн кораблей много лет назад. Даже теперь вихрь бурлил и неистовствовал снаружи так, что Каэлор, казалось, был неспособен отойти от него. Кое-кто предполагал, что великий ясновидец Ривалин был полностью поглощён другими делами, чтобы как следует сосредоточить свой разум на путях будущего, что являлось его традиционной обязанностью. Такие мысли высказывали не только суровые воины из

великих домов, которые считали династию Ривалин немощной и находящейся в упадке.

Несомненно, не все были согласны с мнением старомодных Нэвир, что возвышение Тейрту было не желательным. Для некоторых это была своего рода теритократия. Во всяком случае, Айден Тейрту заслужил свою власть в открытой борьбе. Несмотря на обособленное положение Каэлора, ни для кого не было секретом, что наследственная передача власти на Каэлоре была несколько особенной, и практически никогда не применялась у эльдар на других искусственных мирах. Эльдары были эмоциональными существами, и негодование постоянно бурлило, скрытое под их спокойной на вид внешностью. Сдерживать свои эмоции значило для эльдар сохранить лицо. Это было основой Пути Эльдара.

Ясновидец должен оставаться вне таких пересудов, однако Ахирн и сам чувствовал, что концентрация его разума уже не столь устойчива и вызывает

тупые, болезненные удары в голове. Было время, когда он мог, не прерываясь, пребывать в трансе в течение многих дней, а теперь ему даже добраться до нематериальных сфер удавалось с большим трудом. Его разум витал над тестом откровений, он терял концентрацию, отвлечённый шумами, мыслями и слабым шумом из-за опьянения, вызванного Эдрисианом, которого он недавно изрядно выпил. Самым худшим было знать, что некоторые из этих слухов верны: казалось, он постепенно терял свой дар, но он никогда не слышал, чтобы такое случалось с ясновидцем прежде. Никогда ещё на протяжении бессчётных веков эльдарской цивилизации не было известно, чтобы ясновидец утрачивал своё духовное зрение, погружаясь в частичную слепоту обычной дамашир-души эльдара. Путь Ясновидца, самый безукоризненный пример вызывающих тревогу Идущих Одним Путём, вёл только вперёд, в будущее, однако его собственный Путь, казалось, был уже потерян.

Постепенно он понял, что это за шум,

который доносился снизу, и изо всех сил попытался заблокировать от него свой разум. Он слышал, что глухое бормотание далёких голосов сменилось радостными возгласами, и почувствовал резонанс усилившихся эмоций, пульсирующий по проводящим структурам дворца. Подсознательно он знал, что Айден Тейрту устраивал званый ужин, и его разум начал склоняться, чтобы обвинить его. Он хотел обвинить этого воина стикстан в своих собственных бедах и возложить всю ответственность на его широкие, сильные плечи, но он знал, что это было бы не справедливо. Его проблемы начались ещё до Династических Войн. Возвышение Тейрту было их следствием, лишь признаком его собственного упадка, а не причиной.

Ахирн чувствовал трагедию своего падения более сильно, чем когда-либо. Если быть честным с самим собой, он знал, что, по правде говоря, его не заботило, каким образом Айден приобрёл фактический контроль над Каэлором. Он всегда находил текущие дела управления довольно

утомительными. Это был надёжный способ обеспечивать продолжение своей династии, и он был в состоянии предпринимать многое для того, чтобы увеличить богатство и блеск двора, но у него никогда не было настоящего интереса к реальным делам управления, и эти стикс-ман, которые составляли большинство населения, не интересовали его вообще. Они отвергли его, и они отвергали его даже больше с тех пор, как начали становиться заметно более грубыми и менее культурными перед самым началом Династических войн.

Одна из проблем такой наследственной системы, мрачно размышлял Ахирн, была в том, что чувство долга не передавалось по наследству, как политическая власть, хороший вкус и дар ясновидения.

Ахирн сильно негодовал, что его великолепный дворец был осквернён грязными, грубыми и безыскусными ногами Тейрту, и его до глубины души ранила мысль, что его Ориана попала в ловушку среди всего этого безобразия. Айден мог

забрать себе весь искусственный мир, если бы только он оставил Сентриум Ахирна в покое.

Вокруг его тела клубился ароматный дым от горящих щепок ульбалы, наполняя душу видениями забытых лиц и указывая тех, которые, возможно, ещё появятся. Они хаотично перетешивались, проносясь сквозь его мысли словно призраки в ночи. В тумане перед закрытыми глазами он увидел лицо Владычицы Айони, плывущее в дымном мраке его разума. Её красивое, стареющее лицо слабо улыбнулось ему, но он увидел нечто снисходительное в её взгляде, словно её позабавили неуклюжие действия любимого ребёнка. Он понял то, что всегда подозревал: она знала что-то, чего не знал он. Осознание этого беспокоило, а также приводило в смятение. Его разум сбился с прямого пути в погоне за прошлым, поворачивая мысли вспять, прочь от будущего, всецело к событиям, которые уже произошли. Что же он пропустил?

Несмотря на его усилия сконцентрировать мысли, лицо Айони

начало расплываться и изменяться. Изображение распалось на куски и затем затуманилось, постепенно перетекая в новое лицо, которое Ахирн немедленно узнал. Это был Бедвир. Там же в прошлом. Он наблюдал, как патриарх Дома Ансгар умер на Площади Ваула, казнённый за своё предательство во время Династических Войн. Связей между этими двумя личностями было бессчётное множество, и Ахирн сразу не понял, почему теперь разум привлёк его внимание к ним. Вспоминая ту сцену – стоящий в центре площади Бедвир в ожидании знака Айдена начать казнь – с большой долей вероятности это воспоминание имело какое-то отношение к наследникам Ансгара, в защиту которых Владычица Айони умоляла Айдена о милосердии.

В сущности сам Ахирн не был сильно обеспокоен судьбой детей, и не особо интересовался, что с ними произошло. Он слышал доклады Синнии Ютран, что маленькую девочку отпустили из Дома Провидцев, под опеку которого её поместила Айони, но ему совсем не было

интересно спрашивать, почему это произошло или куда ушла девочка.

Он знал, что мальчик - юный Найс, был отправлен назад в разрушенные и пустынные области Ансгар, и, вероятно, гнил там с оставшимися стикс-ман. Ему казалось, что военный дом получил законное возмездие за свои деяния, и его не заботила судьба неотёсанных потомков этих отвратительных убийц.

Вернее, тот день был отмечен двойной трагедией, которая нанесла удар в самую душу Ахирна. В тот день он потерял Каэлор. Айден Тейрту победно вошёл в Сентриум, разворачивая зеленые с золотом знамёна рядом с красными и золотыми цветами Дома Ривалин, и объявил о своём триумфе от имени ясновидца. То был ловкая и даже коварная часть этого театра, которая гарантировала, что его примут Нэвир, по крайней мере, пока они не начали понимать, кем был этот воин стикс-ман, но тогда уже для них было слишком поздно. После многих веков мира и процветания, для Нэвир пришло время понять природу

воинов.

В тот день он потерял своего единственного сына. Кервин выступил против него с Ансгаром, дав этому предателю Бедвиру знамя Ривалина, чтобы развернуть его рядом с синими и серебряными цветами Дома Ансгар. За некоторое время до этого Кервин утвердил свой собственный двор, заявляя, что отец утратил дар ясновидения, обвинил его в упадничестве и неуместном потворстве своим капризам. Хуже, что не все отказались верить ему. Ещё хуже то, что где-то в душе Ахирн также подозревал, что Кервин, возможно, не совсем ошибался.

Несмотря на это очевидное предательство, Ахирн не хотел видеть, как его сын умирает вместе с грубыми воинами во время варварской публичной казни. В то время он больше всего был обеспокоен отвратительным видом этого зрелища, но вглядываясь в прошлое, он понял, что сохранение жизни Кервину было политически выгодно. После смерти старшего наследника все права

преемственности перешли к Ориане, открыв вызывающую тошноту возможность политического брака сына Айдена Морфрэна и его собственной дочери, чтобы произвести на свет наследника Ривалина-Тейрту. Таковы были превратности наследственной системы, которая так хорошо служила династии Ривалин, начиная с Гоури Сияющего. На протяжении всей своей длинной истории династия Ривалин никогда ещё не была вынуждена принять в родовую линию кровь не-Нэвир. Возможно, решение Айдена сослать Кервина, а не казнить его было редким моментом политической близорукости военного лорда.

Призрачное лицо Кервина появилось в тонкой дымке в разуме Ахирна, возникая из смотрящих на него глаз Бедвира. Его пустые глаза пристально смотрели, подобно провалам в варп, но были какие-то отличия в общих чертах этого образа -- он был словно острее и ярче, более настоящим. Призрачные уста медленно открылись, словно хотели что-то сказать.

- Сиятельный, я жду твоего внимания.

Голос казался сильным и твёрдым, слышимым, и Ахирну потребовался один момент, чтобы осознать, что он исходит не от туманного видения его сына, а от стоящей на коленях фигуры у входа в его покои.

Он медленно открыл глаза, позволив чувству разочарования от упадка дара ясновидения смениться огорчением из-за того, что он не заметил прибытие молодого Стража. Он повернул голову, оглядываясь назад к дверному проёму, и пристально посмотрел сквозь дым, который продолжал подниматься от чаши с горящей умбалой. Как он и ожидал, это оказался Лир, но Страж был не один.

ХОР ГОЛОСОВ был настолько красив, что становилось больно. Уже давно Силти не слышал ничего подобного, такого не было во время длинных тёмных фаз ещё до великого сражения или рейда Династических Войн. Он вспомнил, как сидя на привалах Ансгара, чувствовал возбуждение ожидания, слышал обещание

крови в духовном дыхании фаэрула. Он вспомнил серьёзность Бедвира, который тихо сидел в раздумье перед боем, словно просчитывал свои ходы до конца. На этот раз хор был немногочисленный, и в нём звучала невыразимая меланхолия.

Дирижировал некогда величественный, а сейчас одетый в лохмотья воин Хукулин, сидя со скрещенными ногами напротив других, позади дымящихся тлеющих угольков умбалы. Его взгляд был устремлён куда-то в прошлое, и Силти мог видеть калейдоскоп воспоминаний, мелькающих в его открытом разуме. Это были видения крови, сверкающих клинков и всполохи огня сюрикенов. Были смерть и страстные объятия жизни, эмоции были так глубоки, что даже их отдалённое эхо заставляло слушателей забыть о своём жизненном опыте, словно бы эти воспоминания были их собственными.

Наступила тёмная фаза, и внешний свет померк. Тлеющие угольки умбалы распространяли в воздухе тёплый, устойчивый отсвет, выбрасывая искры

света в маленьких вспышках жизни. Остатривая собравшихся на поляне перед храмом, Силти смог вспомнить только несколько лиц из того славного и трагического времени. Многие из них погибли в битвах или были казнены после решающего поражения. В «Хрониках Династических Войн» о них писали, как о предателях, но история редко бывает настолько проста, и такие суждения были обычно политическими, а не соответствующими истине. Некоторые просто пропали, исчезая в обширных сточных коллекторах, или выпадали из поля зрения их собратьев. Один или двое младших, подобно одарённому Найсу и самому Силти, были быстро увезены прочь Пауками Варпа, спрятаны в святилищах храмов и обучались искусству Аспекта управлять и использовать ослепляющую жажду крови, которая волновала души многих эльдар в некоторый момент их жизни.

Тем временем Тейрту использовали своё господство в Сентриуме, чтобы выжать все средства из областей Ансгара,

словно бы убийство их сыновей не было достаточным наказанием. Айден был мстительным и проницательным эльдаром. Он знал опасность ненависти и ценность страха. Лучше всего он постиг способы мести. Он оставил постоянный гарнизон Стражей Тейрту в Пределе Гэрила, в смежных секторах, эффективно блокируя внешние границы Ансгара. Никому не позволялось входить или выходить из этих областей без специального разрешения Жогана. Ансгар были, по существу, сосланы в свой собственный домен и отрезаны от всего внешнего мира. Только Науки Варпа могли пройти незамеченные через границы.

Эльдары Ансгара жестоко страдали. Как и задумывал Айден, некоторые постепенно обращались против правящего дома, осуждая действия Бедвира и его воинов, которые поставили домен на колени. Как быстро эти эльдары забыли страдания, которые заставили их впервые подняться. Несмотря на долгую жизнь и развитые способности, память эльдара в значительной степени зависела от его

эмоций, поэтому прошлое меняло свои очертания, по крайней мере, также часто, как и будущее. Прошлым всегда было легче управлять.

Такие перемены в духе Ансгара шокировали Силти.

- Почему вы не сражались? -- спросил он, его слова доносились до эльдар, подобно лёгкому ветру. -- Как такое могло случиться?

В течение нескольких мгновений никто не отвечал. Хор продолжил петь балладу, как если бы трагическая мелодия и была ответом на вопрос, но потом, когда музыка под конец замедлилась, Хукулин вернулся в настоящее и обратил свой взгляд на Силти.

- Мы сражались, мой лорд. Мы действительно сражались, пока собравшиеся здесь не оказались всем, что осталось от нашей когда-то славной армии. Мы сражались, пока не погибли наши лорды, и наши дети не стали голодать. Мы сражались, пока не осталось ни одного места на всём Каэлоре, которое могло предоставить нам убежище. Мы

сражались, пока даже бродяги следопыты не стали смотреть на нас со страхом, что их настигнет гнев Тейрту. Мы действительно сражались, пока у нас не осталось сил продолжать борьбу, но без Бедвира или кого-то ещё из династии Ансгар среди нас, ни в прошлом, ни в будущем не осталось никакой надежды. Мы были разгромлены, мой лорд.

В темноте за деревьями позади поляны послышался шум. Едва различимый звук тихого бега. Казалось, кто-то спешил, не сильно заботясь остаться незамеченным, словно бы подгоняемый в тишине странной и неотложной заботой. Без единого слова или жеста собравшиеся эльдары вскочили на ноги и растворились в темноте. В мгновение ока ступени храма опустели. На поляне остались только тающий аромат утбалы и слабое психическое эхо песни хора.

Внезапно обнаружив, что остался в одиночестве, Силти решил, что он в безопасности. Независимо от того, кто ушёл, он был повелителем Ансгара, и это был его дом. Никто не имел большего

права, чем он, находиться здесь. Он бы с места не сдвинулся ни перед кем. Он бы не стал скрываться в сердце своей собственной родины.

Спустя несколько мгновений из-за ствола дерева выскочила одинокая фигура. Она бежала так, словно её преследовал сам Мауган Ра. Даже на расстоянии в темноте поляны Силти мог заметить, что бегущий эльдар был ранен. Бег был неровным, словно он бежал просто, чтобы не упасть лицом вниз, и, так как он быстро приближался, Силти увидел блестящее отражение крови, покрывающей живот и ногу женщины. Наконец бегущая заметила Силти, и почти сразу силы покинули её. Она повернула к нему, спотыкаясь и покачиваясь, повалилась вперёд и лёжа проехалась по траве, остановившись прямо перед ним.

Он сидел со скрещенными ногами там же, где слушал хор и говорил с Хукулином за момент до этого, не пошевелившись и не двинувшись с места, когда голова женщины со стуком рухнула у его ног. Её глаза были дики, и в их глубине плясала

боль. Её ранения были глубоки и тяжелы. Большая часть мышц на её левой ноге была повреждена, и с той же самой стороны отсутствовал большой участок живота. Спереди были выходные отверстия, и Силти сразу понял, что она была разведчиком, которого подстрелили, когда она убегала от врагов.

Они приближаются. Стражи из Предела; они приближаются.

Это было всё, что она смогла сказать. Затем её глаза открылись чуть шире, и она умерла.

Словно бы в ответ на эти слова, поляны достиг слабый шум десятка мчавшихся через лесную зону ног. Они были рядом и быстро приближались. Не оглядываясь, Силти знал, что Хукулин и другие были здесь лишь вне поля зрения. Он не мог сказать, встанут ли они рядом с ним, но он чувствовал их пристальные взгляды на себе. Они хотели знать, что он будет делать. Вскочив на ноги, Силти наклонился и подобрал погибшую разведчицу. Он понёс её по ступеням храма и положил перед серповидными дверями,

впервые заметив, что из них торчали два обломка посоха из утбалы. Он снял с мёртвого тела синий с серебром плащ и пристегнул его через одно плечо рядом со своим кроваво-красным варп-генератором, который выдавал в нём Паука Варпа. Затем, с решительной неторопливостью, он спустился вниз по ступеням и занял позицию в самом центре поляны, лицом по направлению к приближающимся противникам.

Один, в тёмно-красной броне Пауков Варпа, в плаще Ансгара, развевающимся сбоку от него, Силти ждал их приближения.

КОГДА ЛИР ШАГНУЛ вперёд с телом, покрытым его плащом, которое он бережно держал на руках, Ахирн не смог удержаться, чтобы не вспомнить, что Владычица Айони совсем недавно была также завёрнута в ткань таких же цветов. Позади Лира шёл Уйшнех Эйнион, один из старейших Нэвир Олипсина, рядом с пожилой Провидицей Ютран Триптри Парак.

- Прости меня, - пробормотал Лир, когда положил Кервина на стол, за которым недавно пили вино Ахирн, Синния и Селиддон.

Сейчас он был убран и совершенно чист, так что его поверхность сверкала. Затем Страж отступил назад, не желая нарушать придворный этикет, находясь между ясновидцем и его сыном дольше, чем это было необходимо. Он оставил Кервина укрытым своим плащом, как саваном, желая, что бы кто-то другой принял решение, кто должен снять его.

Очень медленно, Ахирн неуверенными шагами приблизился к столу, стуча сучковатым посохом по полированному полу с особенным усилием, словно был не уверен в своём равновесии. Мгновение он медлил, стоя рядом со столом, уставившись на ткань, как если бы это была редкая реликвия. Другие стояли в молчании.

Ясновидец горестно вздохнул. Медленно наклонясь, Ахирн торгнул глазами и представил саван сорванным; открытое худое, гниющее и лишённое глаз

лицо Кервина. Он мог видеть исхудалую грудь, и тусклый, безжизненный путевой камень, который всё ещё покоился на ней, подвешенный на богато украшенной цепи, которую Ахирн подарил своему сыну после прохождения Ритуала Тюйриан.

Достаточно было увидеть эти картины в кошмарах своего разума, но он чувствовал, что должен посмотреть на своего обезображенного сына настоящими глазами. Что-то внутри его искало гибели и крови, и было его частью, которая внезапно обнаружила роскошное великолепие дворцового окружения отвратительным. Как если бы в его венах вдруг пробудились призрак тьмы или крошечная капля крови Каина. С ожесточённой и сосредоточенной медлительностью он вытянул вперёд посох и его наконечником зацепил этот импровизированный, пропитанный кровью саван. Он потянул посох назад, открывая часть за частью гниющее, разлагающееся тело Кервина. Тёмное пятно его эльдарской даташир-души молчаливо жаждало увидеть весь этот ужас.

Когда ты нашёл его... - Начал Ахирн, пытаясь придумать подходящий вопрос. Выводы были слишком очевидны, чтобы нуждаться в расспросах. Он вдруг понял, что Айден не был столь наивным в политике, как подумал о нём Ахирн, когда тот изгнал Кервина.

- Он был в Сточном коллекторе, сиятельный. Он был... покинут, - сказал Лир, склоняя свою голову с чувством вины.

Кто?

- Сиятельный,... Кажется, что Светлейший Кервин покончил с собой. Там не было никаких признаков борьбы, и он очистил себе площадку, несмотря на неподобающее окружение, - Лир сделал паузу. -- Сиятельный, я...

Ты выполнял обязанности перед своим домом, благородный Лир Тейрту. На тебе нет вины, и я не забуду, что ты раскрыл весь этот ужас из уважения ко мне. Твоё чувство долга делает тебе честь, и твоя преданность указывает на мудрость... и понимание. Ты отдал свой плащ моему сыну, когда у него больше ничего не осталось.

Ахирн потянулся вперёд, вытащил путевой камень Кервина из разлагающейся плоти, и затем снова завернул пустое тело в плащ. Он повернулся и поплёлся обратно к шкафчику у дальней стены, тяжело шаркая посохом по полу и оставляя тонкий след из плоти своего сына.

Остальные наблюдали за ним, не зная, что сказать. Они могли слышать издалека тихие одобрительные восклицания, доносившиеся с торжества Айдена, которое только что покинул Уйшнех. Вероятно, Арлекины уже дошли до кульминации «Цикла об Аватаре», где бог войны Каин убивает древнего эльдарского героя Эльданеша, чья кровь будет вечно струиться с рук кроваворукого бога.

Сиятельный. Ты не должен позволять сойти этому с рук. - Уйшнех повернулся лицом к ясновидцу. Он наблюдал, как тот бережно очистил путевой камень Кервина, положил в маленькую полотняную сумочку и затем задвинул его в ящик шкафчика. - Я всегда поддерживал тебя, Ахирн. Я был одним из немногих Нэвир, готовых

поднять оружие во время Династических войн. Я стоял под твоим знаменем и командовал твоими Стражами от твоего имени, пока ты оставался в Сентриуме. Я делал это не ради Айдена Тейрту. Я делал это во имя Ясновидца Ривалина и Каэлора. Слишком долго ты позволял, чтобы стикс-тан управлял твоим искусственным миром. Вероятно, твой сын был прав, отдав предпочтение другому?

Ахирн не подал вида, что слушает. Он тихо налил себе бокал Эдрисиана из дымящегося графина, стоявшего в главном отделение шкафа, и затем отпил большой глоток. Задумчиво вращая бокал в руке, ясновидец обернулся к остальным.

Ты бы хотел, чтобы я выступил против Дома Тейрту? -- повисла пауза. -- И ты сказал бы это перед лицом Стража Тейрту?

- Мой сиятельный повелитель, лорд Эйнион прав, - сказал Лир, преклоняя одно колено, словно давал клятву. -- Я больше не могу поддерживать эту низкую тварь. Айден оскорбил династию Ривалин, и он

оскорбил Каэлор. Я больше не служу ему.

Ты слишком хорош для этого мира, Лир Сияющей Звезды, - со слабой улыбкой ответил Ахирн.

Айден уже подозревает, что ты в союзе с Пауками Варпа, сиятельный, - выразила свой мнение Триптри. - Это наводит на мысль, что он предполагает, будто ты уже узнал правду о Кервине, или, возможно, он боялся, что ты мог увидеть некую справедливость в мотивах своего сына. Возможно, настало время претворить его страхи из догадок в жизнь?

Переведя взгляд с придворных Нэвир Уйшеха и Триптри к коленопреклонённому и безупречному Стражу, Ахирн почувствовал, что по его лицу скользнула улыбка. Лир был как глоток свежего воздуха в грязном зловонии Дома Тейрту. Конечно, он стремился к более рафинированным и лучшим материям. Он лишь нуждался в небольшом руководстве. Ахирна никогда не прекращало изумлять, как легко можно было склонить душу эльдара изменить

свой путь. Тем или иным образом, события сложились так, что заставили этого верного и послушного долгу Стража Тейрту пасть на одно колено и умолять ясновидца обратиться к врагам Тейрту за помощью. Хороший провидец должен был предвидеть это.

Возможно, вы правы, каждый из вас. Лир, могу я попросить тебя ещё об одной услуге? -- Ахирн задавался вопросом, как далеко готов был зайти этот отважный молодой Страж. Возможно, из этого выйдет какая-то польза.

- Конечно, сиятельный, - ответил Лир не задумываясь.

Отправляйся в земли Ансгар и расскажи, что ты узнали. Скажи Паукам Варпа прийти на помощь династии Ривалин, как однажды они думали, что содействуют нашему древнему роду из верности моему сыну. Скажи им, что мы стремимся лишить Тейрту их привилегий в Сентриуме.

Лир заметно вздрогнул от таких распоряжений. Воспитанные в течение всей жизни ненависть и недоверие к

Ансгару и Паукам Варпа пронзили его мысли, но он собрал волю в кулак.

Дай им это, - добавил Ахирн, отстёгивая свой плащ и бросая ему.

Лир взглянул вверх и поймал роскошную ткань. Он свернул его на груди, словно священную реликвию.

- Будет так, как ты пожелаешь, сиятельный. -- Он глубоко поклонился, коснувшись лбом пола перед тем, как встать и выйти из помещения.

ПОНАЧАЛУ ИХ ПОЯВЛЕНИЕ было трудно разглядеть среди мощных стволов деревьев в полутраке тёмной фазы. Их тёмно-зелёные плащи служили прекрасной маскировкой, и они легко двигались по окружающей местности, подобно хищным животным в естественной среде обитания, их шаги были бесшумны, как фаэрул.

Силти просто ждал. Он стоял на подножии ступеней Храма Пауков Варпа у всех на виду в середине поляны, сверкая бронёй, словно тёмно-красный маяк. Он слегка покачивал в руках смертоносное веретено, словно ребёнка, и его глаза сияли

от волнения из-под внушающего страх шлема.

Спустя несколько мгновений нападавшие поняли, что их заметили, и любые попытки оставаться невидимыми будут пустой тратой сил. Вместо этого они вышли из-за деревьев и выстроились в одну шеренгу вдоль леса, словно бы сами были листвой. Их было примерно две дюжины, у каждого на груди вспыхивал золотом знак змея.

Никакого заявления или боевого клича не последовало. Никто из Стражей не вышел из рядов Тейрту, чтобы представиться своему противнику. Ритуалы Начала были просто проигнорированы, словно они не принимали в этом бою никакого участия. Силти тот час же понял, что Дом Тейрту будет отрицать, что это когда-либо происходило, или, возможно, лукавый Айден объявит, что Пауки Варпа или оставшиеся Ансгар выступили против них и без причин атаковали Стражей.

Паукам Варпа не стоило сражаться против Тейрту у Врат Ривалина. Это

была ошибка. Месть Жогана будет быстра и ужасна. Страдания Дома Ансгар ещё не начались. Лорд Айден оказал вам великое снисхождение, но теперь его милосердию пришёл конец.

Силти не мог установить источник мыслей. Словно они исходили от всех Стражей вместе, перекатываясь вокруг него, подобно волне. В течение нескольких мгновений он обдумывал ответ. Он хотел сказать, что они ошиблись, Эйнгил хотела только отдать долг памяти любимой Владычице Айони, но он знал, что эти солдаты не были ни уполномочены, ни расположены вести переговоры.

Это действительно всё, что осталось? Домен защищает один жалкий Паук Варпа?

На сей раз он уловил, откуда пришла насмешливая мысль, от эльдара в центре шеренги, ободренного молчанием Силти.

Незаметно под своим шлемом Силти усмехнулся в ответ.

Без дальнейших колебаний он активировал варп-генератор, исчезая с поляны как внезапно погасшее пламя,

оставив лишь след ша'эйль, словно сверкающий в тени дымок. Среди стражей моментально возникло замешательство, когда они изо всех сил старались определить его местоположение. Грохот сюрикен-катапульт сбитых с толку и мечущихся из стороны в сторону Стражей разорвал полумрак. Раздался пронзительный крик. Он болезненно забулькал, а потом перешёл в истошный вопль. За ним быстро последовал тупой, тяжёлый звук, словно на землю повалилось тёртвое тело.

Стражи не успели сделать ни единого выстрела. Они увидели, как повалился их товарищ в центре шеренги. Они видели кровь, льющуюся из множественных ран, которые вдруг появились на его груди, но они не поняли, что случилось. Раздался ещё один крик. В этот раз с края линии. Он вдруг быстро перешёл в шипение, словно из перерезанного горла. После этого другой Страж упал в грязь, из зияющей раны поперёк его шеи хлестала кровь.

Оставшиеся немедленно повернулись, как раз вовремя, чтобы заметить слабое

терцание ша'эйль, только что рассеявшееся за деревьями. Они развернулись, открывая в тёмную растительность шквальный огонь монолекулярных снарядов из сюрикен-катапульт и винтовок, беспощадно разносящий в клочья растения.

В тот же момент Силти прыгнул назад в реальное пространство, точно в центр поляны, откуда он начала свою атаку. Один момент он позволил крови бесшумно капать с острия силовых клинков, которые спускались с его предплечий. Он осмотрел их с глубоким удовлетворением, словно бы испробовал новую игрушку. Кровь привела его в сильное возбуждение.

Подняв взгляд на Стражей, он увидел, что большинство из них обратили свой гнев на лес, по-видимому, полагая, что он атаковал их сзади. «Близорукие дураки,» - проворчал он, впервые осознавая значительное преимущество многомерного мышления Пауков Варпа.

Без колебаний он поднял своё смертоносное веретено и пустил его в

дело, разматывая смертельную нить по широкой дуге, он тянул быстро разматывающееся оружие через сбитый с толку ряд Стражей, окутывая их доспехи облаками боли. Затем, когда они снова обратили своё внимание на поляну, Силти активировал варп-генератор и мгновенно исчез из бытия, оставив Тейрту бесполезно грохотать своим оружием в пустом пространстве.

Мгновение спустя он был среди них, стоял в середине ряда, словно бы сам был одним из Стражей. За время, которое требовалось, чтобы заметить его появление, он ударил клинком одного по шее, и быстрым вращением орудия разрезал на две части другого. Внезапно упав на колени, чтобы уйти с линии огня, Силти выстрелил по вражескому ряду из смертоносного веретена слева от себя, разрывая на куски ноги ещё двух Стражей прежде, чем что-то ударило его сзади и толкнуло вперёд.

Он инстинктивно откатился, но ещё не привык к варп-генератору за своей спиной, и его откат не имел результата,

он остался лежать на спине, как сброшенный на землю паук. Он взмахнул руками, перебрасывая свой вес в сторону в попытке исправиться, но не смог сделать этого.

Один из Стражей оказался над ним и с треском опустил ногу на его грудь, пригвоздив его беспомощного к земле. Он услышал, что другие собираются вокруг него, намереваясь добить, и проклял свою собственную глупость. Это была его ошибка. Высокомерие снова взяло над ним верх. Только он мог предположить, что сможет справиться с более чем двадцатью Тейрту в одиночку.

Страж над ним опустил ствол катапульты и подцепил им шлем Силти, приподнимая его, чтобы открыть лицо молодого Паука Варпа. На мгновение повисла пауза, словно Страж хотел усилить драматизм действия, а затем он не торопясь поместил ствол оружия между глаз Силти.

Паук Варпа решил, что не дрогнет. Он не закроет глаза. Он умрёт с открытыми глазами, прямо глядя на своих

врагов, так чтобы они запомнили его ярость до конца своих дней. Когда он стерил взглядом своего палача, он услышал выстрел, а затем объединённый крик. Внезапно отовсюду вокруг них загрохотали выстрелы, звякая и отскакивая от доспехов Стражей.

Ему хватило того мига, когда Страж отвлёкся. Силти сильно ударил вверх силовыми клинками, разрубая ствол катапульты своего палача, а затем и его ноги. Оружие Стража взорвалось в его руках в тот момент, когда его ноги подогнулись, и он рухнул на землю. Прежде, чем тело упало на Силти, Паук Варпа исчез, чтобы вновь появиться стоя на своих ногах примерно в двадцати шагах в глубине леса.

Окраина леса наполнилась огнём. Пауки Варпа из храма тот час же появились повсюду, материализуясь и исчезая из реального пространства, мигая, как сигнальные огни, вспарывая Стражей клинками и проникающими сквозь них смертоносными веретёнами. Они были не одни. Оборванные Стражи Дома Ангар

также были тут. Хукулин в движении казался размытым пятном, когда он танцевал и выделывал своими парными ведьминными клинками сложные и смертельные узоры, разделывая одного из Стражей на шесть аккуратных, равных кусков.

Он обернулся и кивнул Силти, его глаза ярко блестели от возбуждения боя и необычные клинки, которые когда-то давно были подарены ему в качестве награды Домом Провидцев Ютран в знак признания его мастерства в стиле боя с двумя мечами, сверкали, обещая врагам смерть.

Через несколько мгновений всё было кончено, и Стражи Тейрту из Предела лежали мёртвыми на окраине леса Ансгара. Ни один Паук Варпа или сын Ансгара не были даже ранены.

Движение среди листвы позади него заставили Силти обернуться, инстинктивно вскидывая перед собой смертоносное веретено. Массивное пятно в темноте стояло прямо и не подавало признаков страха, его положение было полностью и преднамеренно открытым.

Это не было похоже ни на скрытное приближение убийцы, ни на последнее бешеное сопротивление готового к атаке противника.

Силти сдержал свой пыл, пока фигура приближалась, но он не опускал оружия. Приближающийся эльдар был одет в цвета Тейрту.

- Паук Варпа и сын Ансгара, - сказал Лир, опускаясь на одно колено, когда был уже достаточно близко, чтобы выполнить официальное приветствие.

Он перебросил свой тёмно-зелёный плащ Тейрту через одно плечо в знак уважения, а затем протянул аккуратно свёрнутый прекрасный плащ, который дал ему ясновидец.

- Я прибыл так быстро, как только мог, но вижу, что посыльные Жогана оказались более быстроногими, чем я. -- В его голосе слышалось напряжение, которое выдавало гнев, вызванный избиением родичей. -- Я принёс известие от сиятельного ясновидца, и я принёс его цвета в качестве дара. Он нуждается в вашей помощи, Паук Варпа. Он просит,

чтобы вы освободили его из-под контроля Жогана. Он просит, чтобы вы сражались за его имя.

Глава четвертая. Бедвир

- ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ верить этому предателю? -- спросил Хукулин, поднявшись на ноги и высказывая общие опасения. -- Он лишь пытается сохранить свой путевой камень.

Хукулин пристально смотрел на Лира свирепым, твёрдым взглядом, словно требуя от нового гостя открыть что-то тайное. Маленькая Эла тихо сидела сбоку от круга эльдар, наблюдая за разворачивающимися событиями. Открытая враждебность и недоверие витали в кругу эльдар, сидевших в широкой иссиня-чёрной металлической чаше Сапфирной лощины, которая в течение многих веков служила местом совета домена Ансгар. Она скрывалась в глубине лесных зон, окружённая плотной чащей деревьев, которые нависали над ней, образуя сверху закрытый живой купол. Место для совета находилось ниже уровня почвы примерно на глубину опущенной вниз руки, что отражало основные убеждения

патриархов, согласно которым ни один эльдар не стоит выше других, и, несомненно, правители должны ставить себя ниже тех, кем они управляют, поскольку, в сущности, правители являются слугами народа. Поэтому каждый эльдар, который получал право сидеть в этом кругу, обнаруживал на уровне своего лица ноги тех, кем он должен управлять. Это был очевидный и преднамеренный контраст с возносящимися вверх башнями Дворца Ясновидца в кичащемся роскошью Сентриуме.

Во время этой тёмной фазы Эла видела, как Сапфирная Лощина постепенно наполняется кипящими сомнениями и враждебностью. Это было одним из побочных эффектов постройки. Мастера выполнили чашу таким способом, чтобы эмоции советников не были скрыты от других членов собрания. Вместо этого они изливались в середину чаши и накапливались там до тех пор, пока лощина не становилась похожа на кубок, наполненный коктейлем эмоций. Основной

замысел состоял в том, чтобы застраховаться ото лжи и исключить скрытые умыслы, а также способствовать сдержанности советников.

При разногласиях в совете редко можно было обнаружить, что его члены переполнены возбуждением, поскольку противоречивые эмоции постепенно уравновешивали друг друга, создавая атмосферу спокойствия и здравого смысла. Но одна непредвиденная проблема была в том, что при согласии совет мог быть выброшен за пределы здравого смысла и принимать радикальные решения, поскольку похожие эмоции будут объединяться вместе, усиливаясь и возрастая в геометрической прогрессии. В результате в Сапфирной Лощине могла сложиться атмосфера массовой истерии, особенно во времена очевидного и ужасного кризиса, как во время Династических войн. Совет Ансгара часто оказывался самым ярким выражением эмоциональной природы детей Иши.

Даже в этой смеси враждебных эмоций Эла видела исключительную

яркость чувств Хукулина. Она видела подозрения и глубоко укоренившуюся ненависть, бьющие из Хукулина, подобно неистовому горному потоку. Кроме этого, в его эмоциях было ещё что-то другое. Это не было врождёнными чувствами недоверия и враждебности, которые сыновья Ансгара с детства учились испытывать к Тейрту; они были острыми и личными. Его разум был полон обрывками воспоминаний. В тот момент, когда он поднялся, чтобы говорить, Эла увидела промелькнувшие в его разуме картины сражения и резни, словно бы он подсознательно подпитывал свою ненависть к Стражу Тейрту, который стоял перед ним. Он сражался во многих битвах во время Династических войн и был свидетелем многих ужасных вещей. Он сам также совершил много ужасающего, но было что-то ещё.

Наконец маленькая Эла увидела нечто, поразившее её. Она увидела его воспоминания о казни Бедвира. Он был там, на Площади Ваула. Он спрятался среди эльдар Сентриума, скрытый и безымянный в толпе. Он видел, как

Владычица Айони упала на колени на балконе дворца. Он видел Кервина Ривалина, когда его уводили с площади, а затем Элу и Найса, которых тащили прочь за волосы. Наконец он беспомощно наблюдал, как на подиум, где стоял Бедвир, поднялся одетый в белое колдун и возложил свои пылающие руки по обе стороны головы патриарха. Он почувствовал охваченную паникой ненависть беспомощного гнева, когда чёрные глаза колдуна вспыхнули белым пламенем, и потрескивающие потоки энергии сверкнули, стекая по его рукам от предплечий к кистям. Затем, напоследок, он увидел, как непокорившийся Бедвир повернул лицо в его сторону – он выделялся в толпе своим закрытым капюшоном лицом – и стал свидетелем его трусливого чувства самосохранения. В то время как дамашир патриарха сжигалась адским психическим пламенем колдуна, он, казалось, обвинял Хукулина в том, что тот покинул его.

Хукулин обратил упрёк своей совести в ненависть к этому Стражу Тейрту,

сделав его воплощением всей своей ненависти к Тейрту и одновременно отвращения к самому себе. В этот момент Эла поняла, что впервые видит чистое желание смерти. Если бы у Хукулина была такая возможность, он тот час же убил бы Лира и покончил с собой, смыв, таким образом, свой позор с лица домена.

- Вы поступите со мной так, как вам будет угодно, лорды Ансгара, - сказал Лир, чувствуя враждебность, бурлящую вокруг него, и решил, что должен сказать что-то подходящее, чтобы рассеять накал страстей. – Меня не волнует, что вы со мной сделаете. Я уже видел способ, каким вы разделались в лесу с моими незванными собратьями, и вы не нанесёте мне оскорбления, если уготовите мне ту же самую судьбу.

«Он просит смерти?» - удивилась Эла, наблюдая за происходящим со своего удобного места снаружи лощины. Она рассмотрела прямую осанку Тейрту, и не нашла ничего в его поведении, что позволило бы предположить обман или

тайный умысел. Он был готов умереть, полностью осознав кипящую ненависть, которую он вызывал у советников, сполна осознавая, что самого заявления о готовности умереть будет не достаточно, чтобы убедить этих воинов оставить его в живых. Все эти эльдары знали смерть, все они видели её прежде. Некоторые из них прошли через Ритуалы Ра во время цикла обучения в Святыне Аспекта Тёмных Жнецов. Апелляция к смерти здесь мало значила. Казалось, Лир знал это, и, соответственно, готов был умереть.

- Мы не потерпим здесь лжи, Тейртуан, - Хукулин сплюнул прежде, чем у кого-то ещё был шанс ответить. -- Если это уловка, чтобы спасти свою душу, то ты потеряешь её.

- Это не уловка, лорды Ансгара.

Его манеры были безупречны и благородны, достойные самих Нэвир.

Это правда, поняла Эла. Она видела, что Силти также знает это. Он вёл себя неожиданно сдержанно, словно его мнение не зависело от эмоций, кипевших вокруг

него.

- Мы не лорды Ансгара, Лир Тейрту, - сказал Силти, вставая. Он обратился к Стражу, но взгляд был направлен на Хукулина, заставляя старшего воина опуститься обратно на свою подушку для сидения с нерастраченной ненавистью в его глазах. - Мы - их слуги.

Лир повернулся к Силти с выражением непонимания на лице. Он почувствовал изменение в настроении совета, но не понимал его. Каким-то образом слова Паука Варпа изменили положение вещей, но он не смог понять как. В смеси эмоций на дне лощины сгустились струйки чувства вины и смирения.

- Ты сможешь понять наш скепсис, я уверен, - продолжил Силти, обводя рукой круг совета. - Уже много времени, как Тейрту ничего не желали нам, кроме зла, и мы долго учились остерегаться причуд Ривалина.

- Ты не будешь дурно отзываться о сиятельном ясновидце в моём присутствии, - быстро возразил Лир, делая шаг к Силти и заставляя других

советников схватиться за оружие.

Эла смотрела с интересом. Она увидела подлинное оскорбление, которое почувствовал Лир. Он искренне защищал Ясновидца Ривалина, хотя никак не отреагировал на проявление неуважения к его собственному дому. Он бросил свой вызов независимо от опасности, в которую его это ставило. Вопреки самой себе Эла осознала, что ей нравится этот Страж Тейрту; он был искренне и твёрдо исполнен сознанием долга.

Стоя на своём месте Силти не дрогнул, не пошевелился. Он тоже видел серьёзность этого Тейрту.

- Как пожелаешь, - сказал он, разряжая обстановку своим спокойствием.

- Вы должны поверить мне, хотя я скажу вам, что принёс это сообщение не с лёгкой душой. Долгое время я желал Дому Ансгар только зла. - Он слабо улыбнулся, задаваясь вопросом, был ли этот Паук Варпа неуязвим для его обаяния.

- Но никто на Каэлоре не может отказать просьбе ясновидца, поэтому я стою перед вами, не опасаясь за свою душу,

- продолжил он.

Он говорит правду. - Мысли Элы ненавязчиво, но ясно проникли в разум Силти.

Силти медленно кивнул, словно в задумчивости.

- Расскажи нам снова, почему ясновидец ждёт этого от нас, - сказал он, садясь обратно на свою подушку и делая Лиру исключительную честь, оставив его одного стоять на ногах в Сапфирной Лощине. -- Мы выслушаем тебя.

- Ясновидец Ахирн Ривалин, по существу, является пленником в своём дворце. Хотя ему оставили многие привилегии его положения, Жоган не позволяет ему покидать Олипсин. Ему запретили даже присутствовать на Церемонии Перехода Владычицы Айони. Его сиятельство вытерпел это отчасти потому, что полагал, что это было на благо Каэлора, и отчасти потому, что лелеял надежду на позволение Айдена вернуть его сына, который однажды был союзником Дома Ансгар - Кервина Ривалина. Конечно, вы знаете, что он был

сослан из Сентриума после Династических войн. Ряд недавних событий заставил его сиятельство пересмотреть свою точку зрения на Айдена и положение Дома Тейрту. Он попросил меня рассказать вам о несчастной и совершенно ужасающей судьбе Сиятельного Кервина и напомнить о верности, в которой вы однажды поклялись ему. Именно эта причина, а не ваша ненависть к Тейрту, является наиболее важной, почему сиятельный ясновидец уполяет вас выступить против Тейрту снова.

Повисла тишина, пока советники Ансгара мало-помалу осознавали сообщение Лира. Эла увидела, что они были тронуты его словами. Даже те, кто счёл его историю невероятной, хотели поверить ему.

Что ещё могло сделать не напрасными их тяжкие годы унижения и страданий? Вера ясновидца была мощной силой, даже среди Ансгар: особенно для Ансгара.

- Если старый Ахирн думает, что мы достаточно сильны, чтобы выступить

против Айдена, он столь же глуп, как и близорук, - не вставая, насмешливо сказал Хукулин. -- Откуда, он полагает, мы сможем взять силы, после того как его любимчик Тейрту задушил наш домен и вырезал наших детей? Почему он не предвидел этого до Династических войн? Это сохранило бы для Каэлора много самых прекрасных душ. Я думаю, твой ясновидец слепой и никчёмный, как тон'кей.

Реакция Лира была молниеносной. Он повернулся на пятках и мгновенно бросился вперёд, повалив опытного воина. Хукулин распростёрся на полу, придавленный весом Стража Тейрту, один из его собственных ведьминых клинков был прижат к его горлу. В то же время другие советники Ансгара были на ногах, с обнаженным и наставленным на противника оружием.

- Ты не будешь дурно отзываться о сиятельном ясновидце в моём присутствии, - прошипел Лир, прикладывая достаточно усилий к клинку, чтобы заставить струйку крови течь из шеи Хукулина.

- Он просто имел в виду, что

сомневается насчёт нашей готовности, - объяснил Силти, не двинувшись со своего места. -- Ты должен простить наши манеры, Лир Тейрту. Мы простые эльдары стикс-ман, а не утончённые Нэвир, к которым ты привык. - Эта насмешка была чем-то средним между оскорблением и извинением. - Нам не выпало счастье жить во дворце.

Хукулин ничего не сказал, но его губы кривились в рычании, а глаза сузились, словно он собирался располосовать Лиру глотку. Наблюдая со стороны, Эла снова подумала, что этот воин ищет смерти.

- Но мы готовы, благородный Тейрту. Я наследный потомок Ансгара, племянник Бедвира, и я приведу нас обратно к той судьбе, в которой однажды ему было отказано. Силы Ансгара и мощь Пауков Варпа ещё не были настолько готовы к боевым действиям с самой смерти Бедвира. Если ты встанешь в наши ряды, Лир Золотого Змея, тогда мы снова будем сражаться под знаменем Ривалина.

ДЖЕТБАЙК ПРОНЁССЯ между

шеренгами Стражей, заполнивших Площадь Ваула, которые проходили под сенью гордо реющих знамён, зелёных с золотом цветов Дома Тейрту и бордово-золотых династии ясновидца. Остановив джетбайк позади шеренг у Дворца Ривалина, посыльный спрыгнул с седла и быстро зашагал в большой зал для приёмов спереди дворца. Зал представлял собой буйство суеты и красок. Айден приказал превратить когда-то роскошный зал в штаб-квартиру своей кампании, и теперь поверх древних фресок висели карты и схемы, а шедевры скульптуры и живописи были убраны, чтобы освободить место для стратегических макетов и голографических изображений в реальном времени.

- Жоган. Маршал Йзульт, - посыльный поклонился, подойдя прямо к тем, кто разглядывал один из тактических планов.

Морфрэн сидел с той же стороны стола, небрежно развалившись в глубоком мягком кресле, было очевидно, что его утомляла вся эта кипучая деятельность вокруг него.

Посыльный просто проигнорировал его и обратился к другим. В манерах посыльного не было ничего показного или элегантного, они были по-военному деловиты.

- Мятежники захватили ещё одну область в секторах стикс-тан. Они продвигаются быстрее, чем мы ожидали.

- В таком случае наши ожидания не были достаточно хороши, - резко дал Айден немедленный и исчерпывающий ответ.

Он уже кипел гневом из-за отказа провидцев Олипсина помочь советом в этом сражении. Даже Синния Ютран отказалась помочь.

- Где они сейчас, Навред? -- спросила Йзульт.

Её тон был вежлив, но не менее серьёзен.

- Они только что пересекли области Эочайн на Линии Айннис, маршал, - ответил посыльный, быстро переводя своё внимание с кипящего яростью Айдена на Йзульт, лицо которой сохраняло профессиональное спокойствие. -- Они

достигнут Периметра Стикслин до начала следующей тёмной фазы.

Йзульт задумчиво кивнула. Она не сомневалась в символическом значении маршрута, который выбрали мятежники.

- Количество?

- Их не много: наверное, двадцать старых Стражей Ансгара, один отряд Пауков Варпа и группа разного сброда из стариков, которые собрались под их знамёна во время продвижения от Ансгара, не более пятидесяти в сумме.

- Знамёна? – спросил Айден, заметив упоминание множественного числа.

- Да, Жоган. Они размахивают цветами Ривалина рядом с флагами Ансгара.

Повисла долгая пауза, пока поражённые воины обдумывали значение этого откровения.

- Это всё, - сказала Йзульт, ощутив ярость, вспыхивающую в душе Айдена, и не желая позволить посыльному увидеть взрыв гнева, который, несомненно, последует.

Таким образом, получив позволение

удалиться, посыльный повернулся и направился обратно на площадь.

Проклятый старый дурак! – вспыхнул Айден, глядя с негодованием в лицо Йзульт в наполненной яростью тишине. – Я должен был казнить его вместе с сыном и покончить с ненадёжной, находящейся в упадке и избалованной династией Ривалин в целом.

Йзульт внимательно посмотрела на него.

Ты не казнил Кервина, мой лорд? – был вопрос.

Он был сослан.

Наивность её замечания была очевидна даже самой Йзульт.

- Разве он не?..

Айден выдержал долгую паузу. Он отвёл зелёные глаза от лица Йзульт, вглядываясь через открытые ворота на площадь снаружи. Йзульт увидела, что он справился с гневом и взял под контроль свои мысли. Не в первый раз ярость заставляла его нарушить границы уместности и морали.

Кервин был сослан, Йзульт Тейрту-ан,

но он умер в изгнании. Его кровь не на моих руках, но я не могу сказать, что оплакиваю его кончину. Он был врагом Тейрту и предателем династии Ривалин. Будь он кем-то ещё, я бы казнил его рядом с его любимым домашним тьюрейр-йугом Бедвиром. – Тон Айдена казался честным и открытым, как на исповеди.

Как давно ты узнал о его смерти, лорд? – спросила Йзульт.

Ей сильно не хотелось поспешно прийти к выводам, которые позорили бы её собственные поступки.

Наследник умер для меня в тот момент, когда он обратился против Ахирна, - неопределённо ответил Айден. – Я не думал о нём как о живом с начала Династических войн.

Я же сражалась с ним в Битве у Пропасти Гелбан. Тогда он казался очень даже живым, озлобленным на жизнь, - вспомнила Йзульт, мысли усугубили обвинение именно в тот момент, когда её воспоминания окрасились восхищением храбростью Кервина.

Ну, тебе не придётся больше

сражаться с ним, маршал, - ответил Айден, сделав вид, что не понимает тона Йзульт. -- Поскольку теперь его тело мертво так же, как некогда его душа.

Йзульт не была убеждена: А сам ясновидец? Он знает о судьбе своего сына?

Недавние события наводят на мысль, что он узнал о судьбе Кервина, ты так не думаешь? Сначала нападение Пауков Варпа у Врат Ривалина, теперь выступление Ансгара, несущих цвета ясновидца. Мне кажется, что сентиментальный старый карадох пытается воскресить мёртвых и восстановить старые союзы. Мы должны сокрушить этот мятеж прежде, чем сыны Ансгара смогут объединить против нас любые другие великие дома. Много завистливых глаз смотрят на наше положение в Сентриуме, Йзульт. Множество военных домов стикс-тан жаждали бы такой роскоши для себя.

Йзульт мысленно содрогнулась, находя использование Айденом принятого у придворных унизительного прозвища «стикс-тан» оскорбительным и дешёвым.

Он так быстро забыл своё собственное происхождение? Было время, когда он использовал это прозвище как символ гордости – требуя Каэлор для стикс-тан – освобождения его от разложения развращёнными Нэвир. На мгновение она увидела его другими глазами, своим тысленным взором она вернулась в прошлое к воспоминаниям о благородном Науке Варпа Арахнире Фианне, увидев кровь, льющуюся из её рассечённого горла перед Вратами Ривалина.

Мы сражаемся от имени ясновидца? – спросила Йзульт, наконец выражая словами суть дела.

Она обернулась и обвела взглядом Площадь Ваула, на которой она собрала двести пятьдесят Стражей под двумя знамёнами Дома Тейрту и Двора Ривалина. Она знала, что множество придворных Нэвир наблюдают за приготовлениями с одного из высоких балконов дворца.

Я – Жоган, молодая Йзульт! Я был назначен лично Сиятельным Ахирном Ривалином, чтобы защищать Каэлор от

угрозы его целостности и безопасности. Я – победитель порока! Мы сражаемся за ясновидца, и мы выражаем его волю на поле битвы. Так или иначе, он полностью отдаёт себе отчёт в сути своего желания. Нам поручено последовательно осуществлять его намерения, и жёстко проводить его волю. Его знамя не было украдено из дворца, а затем поднято над нашими войсками в качестве тактического хода или обмана. Знамя Ривалина наше!

В голосе Айдена слышался намёк на маниакальное возбуждение, который заставил Йзульт отстраниться от него подальше. Его длинные, серебристые волосы были стянуты сзади в тугой узел, придавая его необычному, овальному лицу вид грубой жестокости, которая соответствовала его настроению. Вслед за его мыслями, старинный меч за его плечами вспыхнул энергией, жаждущей крови. Психический свет, который мерцал вокруг клинка, танцевал крошечными звёздочками в его сверкающих зелёных глазах.

Йзульт видела его страсть и непоколебимую веру, как раз когда они балансировали на краю безумия. Для неё это было достаточно заразительным, чтобы быть готовой оправдать своего господина. Действительно, сомнения по поводу своего повелителя сами по себе были неподобающими для чувства долга его служителя. Если Жоган сказал ей, что она сражалась от имени ясновидца, значит, она сражалась от имени ясновидца. Во всяком случае, она обязана верить им обоим.

- Мы должны занять позицию у Периметра Стикслин, - сказала Йзульт, произнося вслух, чтобы у Стражей вокруг них не возникло слишком сильное чувство дискомфорта от скрытности явно жарких дебатов между ними двоими.

Для войск было не подходящее время сомневаться насчёт единства их командования.

От внезапного звука Морфрэн резко вышел из ступора, он вздрогнул, словно его неожиданно оторвали от размышлений. Он ничего не сказал, но ухмыльнулся со

счастливым видом, его разум находился где-то в другом месте.

- Линия Айннис пересекает Периметр в Проходе Улы. Хотя наш численный перевес будет мало значить на таком ограниченном пространстве, это будет самым лёгким местом, чтобы блокировать продвижение мятежников. Они должны будут пересечь проход, если их местом назначения является Сентриум, и ты сможет защитить его с помощью своей преобладающей мощи.

Когда она говорила, Йзульт наблюдала, что голографические карты отслеживали последовательность изображений одновременно с её пояснениями, отмечая вдоль Линии Айннис весь путь к узкому, изгибающемуся Проходу Улы, который пересекал огромный разверзшийся каньон Периметра Стикслин. У прохода со стороны Сентриума ещё оставалось множество действующих артиллерийских установок, которые были остатками громадного оборонительного кольца, возведённого вокруг Сентриума на последних этапах

Династических войн.

Как насчёт Лэйргнена и его Яростных Мстителей? – спросил Айден. – Он должен прибыть к нам на помощь, если я позову его в трудное для нас время.

Ишульт подняла взгляд от карт и увидела маниакальный блеск, всё ещё сияющий в глазах Айдена. Его эмоции уносились прочь вместе с мыслями, и он терял концентрацию над реальными проблемами. Будь он кем-то другим, Ишульт хорошенько огрела бы его, чтобы боль привела его в чувство.

Не в первый раз за её длинное знакомство с патриархом Тейрту, Ишульт задавалась вопросом, как долго в последний раз он выдержал обучение Пути Воина в одном из Храмов Аспекта. Она знала, что Айден в юности был превосходным Яростным Мстителем, но не была осведомлена о его следовании данир Каина после этого.

Глядя на тонкую нить, на которой, казалось, висели его здравомыслие и разум над пропастью самого тёмного и самого кровавого пространства его души, Ишульт

ясно видела, что Айден нуждается в руководстве одной из Святынь Азуртена. Необходимость политических махинаций слишком долго не давала ему возможности прислушаться к зову своей собственной природы. Хотя он относился с пренебрежением к физическому упадку Нэвир, такого рода пренебрежение также было своего рода упадком.

Нет никакой нужды звать Мстителей, мой лорд, - ответила Йзульт, честно оценив ситуацию. -- Мы имеем превосходящую численность, и выбор поля битвы остаётся за нами. Кроме того, мы стремимся отразить нападение, а не устраивать полное истребление. Это было бы массовым избиением, Жоган.

- Ты не права, дитя. Ансгару и этим вероломным Паукам Варпа нужно преподать урок. Я должен был истребить их давным-давно, но моё милосердие вышло мне боком. -- Пробормотал вслух Айден, словно бы говорил с самим собой. -- Не остановить их, а уничтожить раз и навсегда. Завершить то, что раньше помешала мне закончить Айони.

Мстители не будут сражаться за тебя, мой лорд. – Мысли Йзульт были настойчивы и быстры, так как она пыталась воспрепятствовать хаотичному потоку кровожадных размышлений, льющихся из Айдена в присутствии усмехающегося Морфрэна и других Стражей. – Лэйргнен не нарушит Соглашение Шлема Азуриа, и он не должен этого делать. Ты знаешь это, Айден Тейрту. Храмы Аспектов не должны вмешиваться.

- Они уже вовлечены, ты шутишь! – резко сказал Айден, быстро подходя ближе к Йзульт и привлекая тревожное внимание всех эльдар в зале. – Эта ведьма Эйнгил уже нарушила соглашение. Если Лэйргнен отказывается, он делает это потому, что желает зла Дому Тейрту. Ты слышишь меня, Мстительница Йзульт? – Он передразнил её. – Отказ присоединиться к нам был бы нарушением Шлема Азуриа!

Мой лорд, ты не в себе, - заключила Йзульт, слегка отстранившись от внезапного движения Айдена, вызванного гневом. Она посмотрела в его дикие,

зелёные глаза и увидела паранойю, распространявшуюся в его душе, подобно болезни. Она видела, его взгляд быстро обвёл зал, словно бы искал невидимых или скрытых в полумраке убийц. Долгое пребывание в Сентриуме изменило этого некогда прекрасного воина, и Йзульт ощутила боль потери. Ей стало ясно, что ему следует отступить от своих политических амбиций, интриг и обязательств. Он должен отправиться назад во внешние области Тейрту и вернуться к дисциплинированной жизни Яростных Мстителей. Он снова должен привести в равновесие свою душу прежде, чем потеряет себя. Ради него самого, а также ради тех, кто его окружает, Йзульт должна вернуть Айдена обратно в святыню.

Мой лорд, может быть тебе лучше оставить эту битву мне. Ты нуждаешься в отдыхе. Когда всё закончится, мы может вместе посетить Храм Яростных Мстителей. Мы может поговорить с Лэйргненом.

- Ты! Даже тебе было бы лучше без

меня! – прорычал Айден, обращая обвинение на свою любимицу. – Ты пытаешься забрать эту победу себе!

Почти неуловимым быстрым движением Йзульт хлопнула Жогана Тейрту по лицу, ударив ладонью по его бледной, худой щеке. На мгновение несказанное неистовство вспыхнуло в глазах Айдена, и Йзульт подумала, что он собирается ударить её в ответ, но пламя внезапно потухло, и его взгляд смягчился.

Я сожалею, Йзульт. Прошло слишком много времени с тех пор, как я сражался в последний раз. Я думаю, я теряю себя в подозрениях и хитросплетениях этого места. Я не был создан для такой жизни, и я опустошён в сражении с ней как раз в то время, когда она восстала против меня. Мы будем сражаться вместе, ты и я, бок обок. Мы возродимся в пламени сражения, и кровь наших врагов даст нам новые силы. Снова, как в былые времена.

Готовая поверить своему господину, как того требовало её чувство долга, Йзульт твёрдо кивнула. Возможно, война будет достаточным средством от его

недуга, думала она. Затем эти два воина снова склонились над голографическими картами, изучая лучший способ развёртывания Стражей Тейрту. В то же самое время Морфрэн, казалось, понял, что представление закончилось. Он лениво поднялся на ноги и поплёлся назад к внутренним покоям дворца, наталкиваясь на проходящих мимо Стражей, когда он уходил, и бормоча что-то о том, что хочет проверить здесь ли ещё Арлекины.

СКОЛЬЗЯ НАД землёй во главе колонны Ансгара на переделанной Волновой Змее с открытым верхом, Силти обернулся, чтобы посмотреть на эскорт позади него. Он повзрослел с тех пор как они вышли из областей Ансгар с двадцатью родичами и одним отрядом Пауков Варпа. Под их знамёнами собралось множество эльдар из внешних пределов, увидев в этом походе проблеск надежды и эхо прежней славы.

Количество их сторонников было мало, но некоторые из ветеранов, которые когда-то сражались на стороне Бедвира,

вышли из своих обветшалых жилищ с безупречно сохранившимся и сияющим оружием, словно бы они полировали и чистили его в полутраке каждой тёмной фазы после войны, ожидая, когда оно снова понадобится. Когда одетое в лохмотья воинство Силти проходило через их сектор, некоторые из старых воинов увидели шанс сбежать от однообразного данир наполовину скрытного, осёдлого и унизительного существования после войны. Зов Каина никогда не оставлял их. Они просто заглушили его из страха перед возмездием Тейрту, и теперь они, наконец, увидели шанс внять зову битвы, который раздует тлеющие угли в их иссушённых душах.

Однако Силти знал, что его армия была не более чем жалким эхом могущественного войска, которое вёл Бедвир в грандиозные битвы Династических войн. Он сам там был в качестве молодого и неопытного воина, куда более горячего, чем искусного. Он отправился с патриархом во главе сил Ансгара, чувствуя, что сама материя

Каэлора содрогается под их мощью. Он познал душу войны. Он чувствовал, что она засасывает его, как ураган. Тучи яростного вызова, которые собирались вокруг его воинства, не были частью великих бурь или неистовых вихрей. Это были ярость и испепеляющая жажда крови, но эпические чувства, бушевавшие во время Династических войн, попросту отсутствовали. Словно бы не было никаких мифических героев, отправляющихся на битву. Словно бы это сражение пройдёт незамеченным, чтобы никогда не быть увековеченным в славном цикле эльдар.

В этих секторах Каэлора было широкое и открытое пространство, словно бы повторяя обширные равнины родных миров Рыцарей Эльдар, но здесь Равнины Фаэрула были металлическими и бесплодными. В мирные дни перед Династическими войнами эти секторы были заполнены толпами эльдар, направляющимися в Сентриум или из него.

Линия Айннис проходила через

равнину до того как подняться на несколько уровней, чтобы пересечь легендарный Периметр Стикслин по Проходу Улы. Это был один из первых переходов, созданных после ужасной катастрофы, которая расколола Каэлор надвое во время Войны кораблей с воинственными обитателями искусственного мира Сейм-Ханн, и с тех пор он остался главной артерией Каэлора. Легенда гласила, что проход сохранял целостность около года во время последней стадии Войны кораблей всецело благодаря силе воли колдуньи Улы Ансгар. Говорилось, что она удерживала вместе огромные части Каэлора силой своего разума, используя призрачный путь прохода, чтобы связать секторы стикстан и Сентриума. Местный фольклор утверждал, что она истратила слишком много жизненной силы, совершив этот невероятный подвиг, что, в конечном счёте, была полностью поглощена внутри призрачного пути, который в итоге стал частью запутанной паутины многомерных связей, которые спасли Каэлор от полного

разрушения на две части. Этот проход был построен через разлом наподобие моста. Проход Улы был дорогой, которая была сделана из самой Улы.

В течение столетий на Линии Айннис процветающая экономика поддерживалась торговцами и праздношатающимися, которые были разбросаны по всей равнине. Было невозможно проехать, не встретившись с множество попутчиков или тех, кто жил за счёт них. Также это была дорога, на которой Бедвир хотел дать свой последний бой. Дом Тейрту уже прочно обосновался в Сентриуме, и они укрепили узкий Проход Улы со своей стороны. Из всех подходов ко Двору Ясновидца Проход Улы очевидно был самым защищённым, и Айден был уверен в его неприступности. Проход был узким и изогнутым, что делало почти невозможным собрать внутри него большие силы, вдоль всей его длины возвышались защитные укрепления, по существу превращая узкий коридор в полосу смерти. Бедвир знал всё это, а также знал, какие преимущества были у Айдена,

но, всё же, лично возглавил армию на Линии Айннис и в бою за проход под знамёнами Ансгара и Ривалина, которые гордо реяли по обе стороны его Гадюки. Рунные певцы Ансгара рассказывают, почему Бедвир выбрал этот маршрут, зная, что здесь его ждёт гибель. Они говорят, он знал, что его война уже проиграна, и что провидица Ютран предсказала, что победа Ансгара - в благородной смерти.

Но Бедвир вышел живым из резни в Проходе Улы вместе с перепачканными в крови оставшимися шестью воинами из его почётной стражи. Смерть сыпалась из его оружия и сочилась сквозь кожу, а жизнь вытекала из него, когда патриарх Ансгара прорвался с боем сквозь сотни Стражей Тейрту, продвигаясь всё глубже в Сентриум, пока не достиг Площади Ваула. Там он упал на колени перед Дворцом Ясновидца и принял свою судьбу.

Когда Силти посмотрел вдаль Равнины Фаэрула впереди себя, он увидел свечение интерференционной ауры, которая постоянно сияла над разломом

Стикслин. Она простиралась повсюду вдоль края насколько хватало глаз, образуя сияющую, тёмно-синюю линию, подобно горизонту. Мрачное свечение пробивалось сквозь иттериум, давая возможность сиянию ша'эйль просачиваться из невещественных измерений, отравляя коштарами целую область.

Они ждут нас. - Долетевшие мысли были спокойны и невозмутимы.

Посмотрев вниз со своей стороны, Силти увидел маленькую, детскую фигуру Элы'Аибэль, которая стояла перед Волновой Змеёй и всматривалась вдаль, внутрь энергетического пролома. Он не просил, чтобы она сопровождала его, и не сделал бы этого. Однако она заняла своё место на передовом транспорте так естественно и невозмутимо, что никто даже не подумал возразить ей. Её присутствие было просто неизбежным.

Экзарх Эйнгил, Страж Хукулин и предатель Тейрту, Лир, с двумя другими стояли на наблюдательной платформе командной машины. Эти пятеро проехали в молчании дальше, развевающиеся

знамёна Ансгара, Ривалина и Наука Варпа выражали их общую решимость. Оставалось уже мало того, что следовало сказать.

- Можешь сказать, сколько их? - спросил Силти, проследив взгляд Элы, но будучи не в состоянии разглядеть что-либо в неясном свете и энергии варпа, которая клубилась над исчезающим краем впереди них. Он подозревал, что она также ничего не могла видеть с помощью глаз.

Много. - Ответ был простым и вполне ожидаемым. - Но это не имеет значения. Что уже началось, должно быть доведено до конца. На этом держится будущее. Победа лежит за этим горизонтом, не на нём.

Они уже перекрыли проход, - добавила Эйнгил. - Должно быть, они знали о нашем маршруте значительно раньше, чтобы хорошо подготовиться.

- Откуда я мог знать? - возразил Лир, догадываясь об обвинении, которое заключалось в мыслях экзарха.

Само присутствие Наука Варпа в непосредственной близости от себя

выводило Стража из равновесия, и это делало его ещё более чувствительным к враждебности, которая, возможно, была направлена на него.

- Я не знал, как вы отреагируете на послание его сиятельства, и я не мог знать, какой маршрут вы изберёте.

- Тебя ни в чём не обвиняют, Тейртуан, - сказал Силти, хотя в его тоне и слышалось презрение. -- Маршал Йзульт догадалась бы, что ты пойдёт этим путём, я уверен.

В его голосе появился оттенок восхищения, когда он говорил об Йзульт.

На мгновение Лир сделал паузу, оценивая искренность неприятных союзников. Упоминание маршала вызвало изменение в его эмоциональном состоянии. Пока он находил, что проще оправдать своё отступничество от Айдена и Морфрэна верностью самому сиятельному ясновидцу, переход от Тейрту к Ривалину, но упоминание Маршала Йзульт дало ему повод пересмотреть его точку зрения ещё раз. Даже этот мятежник Ансгар говорил о ней с уважением.

Лир осознал, что из всех эльдар, которых он предал в Доме Тейрту, только Йзульт, возможно, смогла бы понять его мотивы, и, не смотря на это, никто не противостоял бы ему более страстно, чем она. Только она могла бы увидеть мужество и героическую трагедию этого безнадёжного похода Ансгара, который идёт через Проход Улы. В другой жизни она бы стояла с ними плечом к плечу, но в этой жизни она будет сражаться, пока не умрёт последний из них. В первый раз в жизни Лир увидел трагедию наследственной системы домов Каэлора. Йзульт не должна была родиться в домене Тейрту. Лиру показалось, что для народа с таким сложным пониманием судьбы и времени, в эльдарском обществе наследственная система была особенно неразумна.

- Кроме того, эти секторы в течение многих лет были наводнены следопытами и шпионами Тейрту, - добавил Силти, заметив смущение в глазах Лира.

- Жоган всегда подозрительно относился к другим внешним домам,

особенно к Ансгару, - горько добавил Хукулин.

Антигравитационная Волновая Змея сделала мягкий вираж, когда начала плавно разворачиваться, слегка увеличивая крен, и поднялась над равниной, направляясь в сторону Прохода Улы. За ними в ряд встали другие транспорты колонны. По узкой тропе перед проходом на Линии Айннис с трудом могли пройти в колонне по одному Волновые Змеи или грав-танки Сокол. Возможно, при необходимости бок обок могли протиснуться две Гадюки, но это был бы рискованный манёвр. Два джетбайка имели возможность лететь рядом. Ограничение прохода было сделано преднамеренно, в качестве защитного средства, делая почти невозможным повести в атаку по Линии Айннис значительные силы.

Сначала настил плавно поднимался, а затем возносился по изящной дуге и круто изгибался, образуя арку, повторяющую изгиб высокого потолка. Примерно половину пути уклон шёл вверх, настил

уже не поддерживался колоннами снизу, возносившими его над Равнинами Фаэрула, а был подвешен на изящных, длинных тросах, спускавшихся вниз с потолка. Целью было сделать проход менее устойчивым, позволяя ему слегка раскачиваться при движении по нему, что также служило дополнительным ограничением пропускной способности этого маршрута, поскольку тросы частично заходили один за другой и переплетались, подобно гигантской паутине, по обе стороны настила, практически преобразуя наклонную плоскость в длинный, изгибающийся коридор, обрамлённый с обеих сторон сетчатыми стенами.

- Как далеко до выхода? -- беспокойно озираясь, спросил Лир.

Истинная сущность его положения постепенно доходила до сознания. Он был единственным Стражем Тейрту в жалком воинстве отчаянных мятежников Ансгара, идущим в передних рядах в неприступное, чрезвычайно укреплённое и невероятно ограниченное смертельное пространство.

Он шёл к своей смерти под знаменем врага. В его душе что-то ещё колебалось относительно выбора, который он сделал. В первый раз в своей жизни с особой остротой он почувствовал себя легко и просто. Имея выбор между жизнью и смертью, воин всегда должен выбирать смерть.

- Линия Айннис загибается вверх ещё на два уровня через эти сети прежде, чем она упрётся в портал Улы на краю периметра, - сказал Хукулин. Он уже бывал здесь раньше.

Силти серьёзно кивнул, принимая к сведению знания ветерана. Он быстро осмотрел переплетавшуюся сетку, заметив, что настил под ними ведёт вверх в тёмную, сверкающую, нематериальную реальность Периметра Стикслин. Затем он заглянул вниз через край настила под Волновой Змеёй. Они уже поднялись на сотню метров, и Равнины Фаэрула под ними быстро уменьшались, лишённые характерных черт и бесплодные, словно огромная металлическая пустыня.

Он ещё не проходил по этому маршруту с того самого рокового похода Ансгара в конце Династических войн, когда Бедвир приказал своему великолепному войску сделать остановку точно в том месте, где прикреплённая к настилу сеть достигала наивысшего уровня и начинала спускаться вниз. Силти всё ещё помнил сияющие серебристые глаза великого воина, когда Бедвир повернулся к нему, положил руку на его плечо и сказал, что он не может идти дальше. Великий патриарх провёл черту и отправил назад на Равнины под ними всех, кто ещё не прожил семи данир, сказав, что это не их сражение, что их время умереть ещё не пришло. Он сказал всем, что у них ещё будет шанс, и что однажды они сами пройдут с триумфом по Проходу Улы под знамёнами Ансгара и Ривалина. Он выбрал смерть, чтобы его наследники могли однажды выбрать жизнь на Каэлоре.

Словно трусливый ребёнок Силти возвратился вниз, как ему приказали. Он не пошёл со своим лордом в смертельную

зону Прохода. В тот день он не стал свидетелем легендарного побоища, и он не был там, когда Бедвир, шатаясь, вышел наружу с другой стороны прохода, непокорённый и окровавленный, лишь только с шестью воинами, оставшимися с ним от его некогда величественной армии. Хукулин был там, и он пришёл сюда снова.

Теперь Силти пришёл сюда. Бедвир сказал ему, что он вернётся, и вот, он вернулся. Как и его лорд до него, Силти уже прошёл через Ритуалы Пауков Варпа и встал во главе армии Ангара под знаменем ясновидца. Не было никаких сомнений, где он начнёт своё наступление. Проход Улы был ритуалом перехода, испытанием истории, и в будущем неясно вырисовывалась сама судьба, единственная, точная развязка бесчисленных возможностей, которые были растянуты во времени. Либо он выйдет как победивший наследник Ангара, либо умрёт в великолепном отголоске славы своего лорда. Выбери смерть, но будь готов жить.

- Останови здесь, - сказал Силти,

адресуя свой приказ пилоту в кабине снизу.

Волновая Змея плавно остановилась, и немного снизилась, когда антигравитационные импеллеры сдвинулись вниз на одну фазу. Другие выжидательно посмотрели на него, но он проигнорировал их и спрыгнул вниз с открытой командной палубы на настил перед транспортом.

Он подошёл к краю настила и посмотрел вниз на далёкую землю между тросами, держась за сетчатую стенку. Он посмотрел на просторы Равнин Фаэрула, окинул взглядом Линию Айннис до областей Эочайн. Затем он повернул голову и посмотрел на вздымающуюся стену сияющей, тёмно-синей энергии, которая была Периметром Стикслин. Она останется навсегда, подобно бесконечному и неизменному барьеру, проходящему через саму ткань искусственного мира. Он вглядывался в его глубины, словно смотрел внутрь океана. Выше впереди оплетённый сетью настил вонзался в периметр, как копьё в водопад: это и был Проход Улы.

- Невероятно, не так ли? -- внезапно

прозвучал приятный голос Хукулина у его плеча.

В тоне старого воина слышалось художественное понимание красоты.

Силти не услышал или не почувствовал, как он подошёл, но не показал, что это стало для него неожиданностью и не оторвал взгляда от водоворота ша'эйль.

- Я ещё никогда не был так близок к нему, Хукулин, - признал он. -- Здесь, на этом месте.

В ответ было понимающее молчание.

- Он такой же везде, где ты его видишь, мой лорд, - сказал Хукулин, впервые обращаясь к Силти с почётным титулом. - И в любом случае, сейчас ты здесь, Лорд Силти. Это то, что имеет значение.

Глубокомысленно кивнув, Силти постепенно осознавал, что может разглядеть звёзды, планеты и вращающиеся туманности, сияющие в глубине перитетра, словно он вмещал в себя всю галактику. Он знал, что это был оптический и психологический обман,

вызванный необычными свойствами насыщенного ша'эйль пространства, а также он понял, что эльдарам Нэвир из Сентриума было бы приятно думать, что целая галактика отделяет их от внешних домов с его стороны Стикслина. Он подозревал, что многие из них были бы только рады, если бы катастрофический разлом в структуре Каэлора никогда бы не был восстановлен. Но вместо этого, маленький Проход Улы сидел у них словно заноза в теле, как крошечный осколок Паутины.

- Что происходит с теми, кто упадёт в разлом? – спросил Силти, скорее ради интереса, чем из страха.

- Большинство попадает обратно в материальное пространство, которое ты видишь, хотя даже провидцы Ютран не в состоянии сказать нам куда именно, - ответил Хукулин, глядя на восхитительную картину с огромным удовольствием.

- А другие?

- Другие захватываются нитями ша'эйль, которые пронизывают разлом.

Они становятся потерянными для пространства и времени. Легенда гласит, что демоны Великого Врага скрываются внутри тех нитей варпа, ожидая терцание души эльдара, которой можно попировать.

Силти вздрогнул при открытом упоминании Слаанеши, особенно в преддверии битвы, было что-то правильное в этой идее, что Великий Враг нашёл пристанище в самом сердце искусственного мира: ибо самое лучшее убежище находиться под носом у твоего врага. Внезапно у него молнией сверкнула одна мысль.

- Хукулин, насколько глубок разлом? Какая длина Прохода Улы?

- Проход Улы двести метров в длину, от входа до выхода, но у Перимитра Стикслин вообще нет никакой глубины. Если бы это было не так, то ты был бы в состоянии пройти через тектонический разлом, который расколол Каэлор во время Войн кораблей. Конечно, если бы перимитр исчез, то искусственный мир раскололся бы на две части и развалился. Если бы ты попытался пересечь его сейчас, ты бы упал

в пролом. Нет пути в обход него, и нет пути через него за исключением проходов, в структуре которых используется тот же принцип, что и в Паутине, таких как Проход Улы. Попытка пересечь его в любой другой точке была бы нереальной из-за огромного и, возможно, бесконечного расстояния между тобой и другим краем разлома, - объяснил Хукулин, восторгаясь поразительным мастерством, с каким был выполнен Проход Улы, лежащий перед ним.

Бросив последний долгий взгляд на гигантскую стену ша'эйль, Силти повернулся к Хукулину и положил руку на плечо ветерана. Он ничего не сказал, но одно мгновение смотрел в глаза других участников похода, обратив внимание на гордые знамёна, которые реяли над войском выше плеча воина. Затем он кивнул и направился обратно к Волновой Змее, запрыгнул на командную платформу на её крыше, чтобы присоединиться к остальным. Они успокоено посмотрели на него, у каждого были свои предположения, почему он заставил их сделать остановку в таком специфическом месте.

Малышка Эла посмотрела на него и увидела спокойную решимость, сквозившую во всех его движениях. Она ещё не видела его столь собранным с того последнего учебного боя с её братом в Храме. Сдержанно улыбаясь, Эла задавалась вопросом, была ли у её кузена возможность, в конечном счёте, сыграть свою роль в пророчестве.

- К Проходу Улы! К смерти и будущему, - сказал он, чувствуя возбуждение от того, что грядущее начинает бурлить в его мыслях, когда Волновая Змея снова пришла в движение.

ОН НЕ МОГ ПОВЕРИТЬ, что они оставили его. Сначала они отдали предпочтение этому слабаку, старшему кузену Силти, только потому, что он уже прошёл Ритуал Тюйриан. Этого арахнира - Адсулату - даже не заботило, что его кузен счёл приемлемым слукавить, чтобы выиграть схватку. Словно вокруг него сплели заговор, целью которого было оставить его запертым в Храме и держать вдали от сражений, куда рвалась

его дамашир. Это была своего рода пытка, словно существо варпа приковали цепью в позолоченной клетке. Найс чувствовал, что такое принуждение шло вразрез с его нравом. В его голове постоянно бурлила ярость Каина, где-то в глубине его подсознания, она скреблась в мыслях, оставляя невидимые шрамы на его разуме.

К тому же эти жалкие дураки сплотились вокруг Силти, как если бы он и был наследником Ансгара! Они были слепы так же, как и глупы? Разве они не видели несовершенство боевого духа его кузена? Он был ничтожеством!

Найс вдруг понял, что должен был убить Силти, вместо того, чтобы позволить ему покинуть отцовский домен. Силти был лишь чуть лучше себялюбивого болвана, купающегося в отражении славы правящего дома и стремящегося сиять в его свете. Ему хотелось немногим больше, чем славы и власти, и возвращение славных дней Ансгара во главе с ним. Он не сражался, ощущая вкус крови на своих губах. Он сражался в надежде на награды, сияющие в его разуме. Возможно, он

родился Тейрту!

Мысленно бранясь, Найс услышал внутренний голос, говорящий ему, что Силти сбежал. Он сбежал от сражения, когда Бедвир нуждался в нём больше всего, оставив патриарха стоять в одиночку в Проходе Улы, предпочтя жить, чтобы сражаться в другой день. Когда сталкиваешься с выбором между жизнью и смертью, выбора быть не должно: заканчивается жизнь, начинается смерть. Это — путь Каина. Без войны для эльдар нет жизни, есть только медленное, неминуемое угасание и упадок, излишества и жалкое прозябание. Почему только он смог понять это?

Даже Эла пошла с ними. Она должна была лучше знать.

Это должен быть я! — Его мысли эхом отразились от арены и бились в коридорах храма в поисках разума, который мог быть открытым для них.

Он пнул песок на полу, стирая сложный узор в виде паутины, который вызвал так много шума вокруг него у Эйнгил и Адсулаты. Они выглядели столь

потрясёнными и взволнованными, и он видел, что в их разумах возникли невысказанные вопросы. Даже суровая и могущественная экзарх пришла в волнение.

Они знали, и всё же они поступили так, словно были слепы. Они говорил друг с другом о значение узоров на песке и призрачных кристаллах, которые испещряли арену перед ним, но они ничего не сказали ему, словно у него не было возможности понять то, что происходило с ним. Они обращались с ним, как с младенцем, как с дорогим, несносным и жалким зомой, который нуждается в их защите. Они думали, что его нужно защитить от самого себя, тогда как это они сами нуждались в защите от него.

С Элой они вели себя по-другому. Она пугала их. Он видел это в их поведении, когда они обходили её стороной, стараясь не замечать её присутствие, как вода могла бы стремиться игнорировать луну. Она привлекала и отталкивала их в равной мере, но они не заботились о ней. Они просто смотрели на неё так, словно она была пустым местом, которое не

могло взаимодействовать с ними, как если бы она была повелителем своего собственного мира, который лишь отчасти и временно присутствовал в их собственном. Найс понял, что на самом деле это было не далеко от истины.

Они все знали, почему Дом провидцев Ютран отчаянно пытался избавиться от этой маленькой женщины. Они называли её вох, терзость, но никто из Ансгара ни разу не высказал эти соображения. Они приняли её без вопросов и без слов; о ней не было даже никаких слухов. Словно эльдары Ансгара решили вести себя так, как если бы Элы даже не существовало. Просто само её существование было слишком тревожащим. Она была среди них и в то же самое время далеко от них.

Что делает её такой особенной? – бранился Найс, позволив своим мыслям метаться по арене, словно отражённые звуки. По сути, он никогда ранее не говорил вслух, и даже мысль сделать это наполняла его отвращением, граничащим с тошнотой. Это казалось унизительным и неуместным для сына Каина. Он даже

больше не был уверен, сможет ли произнести слова вслух.

Что делает её такой особенной? – Повторил он громче и сильнее. Он был одним из очень немногих, кто знал ответ, но истина и страсть были ненадёжными товарищами, и его разум был полон грубыми эмоциями.

Почему она столь свободна? – Так как разум пришёл в возбуждение, его серебряные глаза вспыхнули.

Он в негодовании пнул песок, волоча ногу сквозь пыль и скребя ей по полу ниже. На мгновение под пылью сверкнуло металлическое основание, словно его нагрело быстрое и интенсивное трение, вызванное движением Найса. Почти в тот же миг что-то взорвалось по ту сторону серповидных дверей, которые закрывали ему выход из храма. Посмотрев вниз, он увидел тропинку из прозрачных кристаллов, образующих линию от его ноги до взрыва, где удар молнии, который он высек из пола, перегрел песок, и тот час же превратил его в спёкшуюся слюду. Низкая, мерцающая полоса пламени

пронеслась по тонкому узору паутины из песка на полу арены.

Найс откинул голову назад и издал пронзительный ментальный крик в полумраке, окружавшем внешнюю границу арены, позволив своему негодованию заполнить пространство и насытить им всё грандиозное здание. Изгибы строения храма возвратили назад его неслышимый вопль, наполнив арену ментальной какофонией и увеличивая его гнев.

Пока его ярость беззвучно металась и била рикошетом вокруг него, Найс подошёл к запертым серповидным дверям и толкнул их, налегая всем своим худым телом на древние и неописуемо прочные створки. Эти двери выстояли в течение бесчисленных веков, с того времени, когда Династические войны были ещё смутным намёком в бесчисленном множестве вариантов будущего Каэлора. Их усеивали знаки силы и руничесские печати, которые защищали их от любого мыслимого проникновения. Серповидные двери Пауков Варпа невозможно было открыть, пока все их секретные замки не были сняты. За всю

их историю никому ещё не удавалось проникнуть в храм без позволения. Запоры также действовали и с другой стороны, как только новичка впускали в храм для обучения, у него не было возможности уйти до тех пор, пока он не закончит обучение или не будет посвящён в тайны серповидных дверей. Один или двое потерпели неудачу и остались в храме, запертые храмовыми служителями до конца своих жизней. Большинство либо изучило бы секреты, либо умерли, пытаясь их открыть.

Поскольку его негодование достигло критических пределов, Найс был не в состоянии найти в себе того терпения, которое требовалось от Паука Варпа. Он бил в двери кулаками и пинал их, пытаясь заставить разойтись перед ним. Обломки посоха из ятбалы, которые он метнул во время последнего приступа гнева, прочно застряли, словно сплавились с паутиноподобной структурой. Он схватился за обломки посоха и попытался вытащить их обратно, надеясь использовать в качестве рычагов, чтобы

открыть двери, но они даже не шелохнулись. Он снова выругался и дёргал обломки посоха из умбалы со всей силы, пока они с треском не выскочили в его руки, и он, кипя от гнева, упал на пол.

Вскочив снова на ноги, Найс собирался начать вставлять под двери обломки посоха, но тут он увидел два тонких луча света, проникавших сквозь отверстия, которые они оставили. Он с любопытством посмотрел в них, заметив в отверстиях микроскопическое движение блестящих искорок. Когда его дыхание стало успокаиваться и пришло в норму, он наклонился ниже, чтобы лучше рассмотреть крошечные признаки активности. Там копошились целые флотилии очень маленьких паучков, прокладывающие себе путь в отверстиях в дверях, прядя тысячи сияющих паутинок в беспорядочной последовательности внутри образовавшихся полостей, до тех пор, пока в мгновение ока отверстия не были запечатаны снова, и свет снаружи полностью исчез.

Глава пятая. Йзульт

ДОЖДЬ ОГНЯ обрушился не сразу. Поначалу царила жуткая и напряжённая тишина, до тех пор, пока воинство Ансгара продвинулся до середины Прохода Улы. После этого, без видимого сигнала, потоки сюрикенов и лазерных стрел начали сыпаться на них сверху градом. Одновременно с этим, входной портал прохода позади войска с шипением закрылся, запечатав их. Моментом позже портал в дальнем конце прохода плавно открылась, и из него показалась линия Призрачных стражей Тейрту, сверкающих зелёной с золотом бронёй из психопластика. Без колебания и церемоний Призрачные стражи навели свои Призрачные пушки и открыли испепеляющий шквал огня по носу Волновой Змеи Силти.

Только теперь Силти действительно понял, насколько фатальным может быть Проход Улы. Глядя на источник лазерного огня и сюрикенов, он смог увидеть только

разрыв пространства, наполненный звёздами и вращающимися туманностями. Орудийные платформы, с которых извергались яростные потоки огня, были совершенно не видимы из-за необыкновенных оптических и психических странностей Перитетра Стикслин, в котором они теперь были пойманы в ловушку. Несмотря на яростные залпы ответного огня, который открыло войско Силти, у Ансгар не было возможности сказать, попадали ли их выстрелы в цель или даже было ли возможным стрелять через эту пустоту.

Только дорога под ногами колонны казалась твёрдой и реальной, но невероятно хрупкой и тонкой. Бесконечный простор открытого космоса простирался с обеих сторон, над ними, под ними и впереди. Ощущения того, что стоишь посреди галактики на тонком, как лист бумаги, настиле, было бы достаточно, чтобы свести тон'кея с ума.

За исключением самого пути, единственной точкой, которая казалась неизменной в непрерывном космосе

материального мира, был портал в дальнем конце прохода. Он сиял как круговой маяк, реальный и манящий. Но окружавшее его, блокирующее надёжный, насыщенный свет Каэлора отделение призрачных стражей выделялось резкими силуэтами, вызывая огнём из своего оружия непрерывные пульсации искажений в варп-пространстве. Они стояли, словно колоссальные привратники, преграждающие выход из затерянных уголков космоса, а также проход из внешних доменов Каэлора в Сентриум.

Несмотря на то, что ожили сдвоенные сюрикеновые пушки и катапульты, установленные спереди на Волновой Змее, как только появились призрачные стражи, стрелки, кажется, испытывали трудность захватить цель сквозь трясину заполненного ша'эйль пространства, и широкие полосы сюрикенового огня с грохотом проносились мимо призрачных стражей, не нанося заметного ущерба. В то же самое время Волновая Змея получала невероятное количество повреждений не только от

деформирующего оружия призрачных стражей, но и от непрерывного града огня с невидимых позиций, расположенных выше. Спустя лишь несколько мгновений транспорт начал содрогаться и трястись от непрекращающихся атак. Из-за узости тропы, у него не было пространства для манёвра, превращая его, по сути, в неподвижную цель.

Осознав, что от Волновой Змеи толку было, как от покойника, Силти и другие попрыгали вниз с её крыши и за один момент укрылись позади неё, пока вырабатывали план своей атаки. После этого пилот открыл дроссель и направил транспорт вдоль прохода, оставляя его орудия в режиме автоматического огня, в то время как Змея, увеличивая скорость, понёслась к призрачным стражам, которые блокировали выход. Так как дистанция сокращалась, орудия Волновой Змеи начали находить свои цели, и двое призрачных стражей внезапно споткнулись и разлетелись на части, когда двойные линии сюрикенового огня прошили их с ближнего расстояния. Другие стояли на

своих местах, словно были неподвержены страху.

Мгновение спустя Волновая Змея содрогнулась, так как интенсивность огня усилилась ещё больше. Огненные трещины быстро расползлись по её фюзеляжу, когда антигравитационные установки начали разрывать её изнутри. Даже когда отказали двигатели, по инерции она продолжала двигаться вперёд, на высокой скорости несясь к строю призрачных стражей, и в тот же миг превратилась в огненный шар.

Адское пламя охватило дверь в дальнем конце прохода, поглощая призрачных стражей и откатываясь назад вдоль тропы. Используя преимущество, которое давал взрыв, Силти и Хукулин бросились в атаку вдоль прохода вслед за ним. Когда они нырнули вглубь расцветшего пламени, Хукулин выхватил из-за плеч оба ведьминых клинка, вращая ими в полной боевой готовности. Силти размахивал смертоносным веретеном из стороны в сторону набегу, словно придавая себе скорость ритмичными движениями.

Они оба мчались, чтобы первыми вступить в драку.

В то же время джетбайки, которые следовали позади Волновой Змеи, молнией пронеслись мимо Элы, Лира и Эйнгил, промелькнув с обеих сторон вдогонку двум бегущим воинам впереди них. За ними последовали две Гадюки, маневрируя из стороны в сторону в одной вертикали ограниченного пространства, их главные орудия были направлены в космос, поливая скрытые позиции наверху дождём сюрикенов. Ещё одна Волновая Змея появилась позади колонны, уменьшая вдоль тропы потоки лазеров и сюрикенов, отскакивающих от её брони. Стражи Ансгар и Пауки Варпа выпрыгивали из её задних дверей и люков, карабкались на крышу, а затем мчались вперёд, отчаянно торопясь присоединиться к битве.

Сквозь проход протиснулся двигающийся за ними в тылу колонны тёмно-синий с серебром гравитационный танк Сокол. Установленная на его башне звёздная пушка извергала огромные струи плазмы в невидимые высоты прохода, но

линия огня расположенных на его носу сюрикен-катапульт блокировалась волновой Змеёй спереди. Пилот бессильно дёргал носовые установки танка в ограниченном пространстве Прохода Улы.

ОН МОГ ЧУВСТВОВАТЬ биение битвы, пульсирующее внутри Флюиргерна. Пение смерти и убийственные слова отзывались эхом и шелестели в дыхании фаэрула. Символы Каина, которыми были украшены стены святилища храма, слабо светились, наполняя святыню божественным жаром и ароматом крови.

Найс пересёк арену храма и пошёл по узкому, искривлённому туннелю, который вёл внутрь святилища в сердце храма. Там он встал перед Алтарём Паука-Экзарха, и понял, что на Каэлоре началась война. Он смог ощутить это. Посмотрев вверх на алтарь, Найс увидел вспыхивающие и сверкающие руны, которые светились вокруг зала. Казалось, они плавали внутри узоров, складываясь в древние надписи, словно сам храм пытался говорить с ним. В воздухе кружилась

слабая музыка, словно тихо пел хор из бесчисленного количества голосов.

С левой стороны Алтарь Паука был украшен церемониальной посмертной маской провидца храма -- Колдуна Араконида. Она занимала почётное место рядом с переплетённой и сотканной конструкцией самого алтаря, сердито глядя на него сверху вниз совершенно безжизненными глазами. Выше на правой стороне алтаря, словно распятый спаситель, висела нестареющая и фантастическая броня Ликосидая -- легендарного Призрачного Паука Каэлора. На протяжении памяти кого бы то ни было, эта броня безжизненно висела в святилище храма, немногим более чем сверкающий золотой символ мистического происхождения замкнутого Аспекта. Однако в этот день, она, казалось, смотрела вниз на Найса с негодованием, словно наполненная собственной жизненной силой.

В святилище появился голос вне предела слышимости. Он был похож на шёпот фаэрула, трепещущий в самых

отдалённых уголках бассейна душ, почти за пределом восприятия даже самых чувствительных и открытых разумов. Он был похоронен под массой беспрестанного бормотания жизни на Каэлоре, скрыт в хоре войны, который пульсировал и пел внутри духовной матрицы древнего искусственного мира.

По какому-то совпадению рока, беззвучный голос, казалось, нашёл пристанище в доспехе Ликосидая. Сдвиг был незаметен, но Найс смог ощутить, что за мгновение будущее галактики внезапно изменилось. С обидой он медленно поклонился символам своего Аспекта, а затем отвернулся от алтаря. Возможное значение незримого метастаза занимало его разум во вторую очередь по сравнению с огорчением от того, что его оставили в тылу. Он чувствовал битву своего поколения, бушующую в далёком Проходе Улы, но его оставили в одиночестве, как ребёнка, запертого в святилище храма.

Оружейные полки стояли в полной готовности по обе стороны от входа в коридор, который вёл обратно на арену.

Там лежало множество смертоносных веретён, и располагались ряды ножен, содержащих в себе энергетические клинки – дополнения к перчаткам Пауков Варпа. Ряд посохов из утбалы стояли с противоположной стороны от входа в коридор, каждый из них был отполирован до столь яркого блеска, что они, казалось, были сделаны из какого-то металлического сплава.

Он внимательно разглядывал оружие, и его мысли возвращались в прошлое к поединку с Силти. Лукавый жулик сражался с ним, как если бы он использовал характерные для Пауков Варпа смертоносное веретено и энергетические клинки, даже притом, что он был не более чем новичком с посохом. Он победил обманным путём.

С неожиданной решимостью Найс шагнул вперёд и схватил два посоха их утбалы, по одному в каждую руку, а затем помчался по коридору обратно на арену. В сражении, сказал он себе, пренебрегать реальностью означает потерпеть поражение и позор. Возможно, Силти

одурачил арахнира, но он не сможет скрыть своё истинное лицо от самого жнеца. Война делает честными всех эльдар.

КОГДА ОГОНЬ погас, Силти увидел ряды Стражей Тейрту, направляющихся сквозь дым к ним, пламя, облизывающее их плащи и доспехи, было подобно ореолу силы. Гибкая и изящная фигура Маршала Йзульт была во главе них, на несколько шагов впереди знамён и других воинов. Её знаменитый лютый меч покоился на боку, а она мчалась впереди своих отрядов со спокойной и всеобъемлющей решимостью. Вопреки самому себе Силти почувствовал восхищение идущей у него на глазах сквозь пламя воительницей.

Клубы дыма катились через тропу, несясь через останки разбитой Волновой Змеи и нескольких уничтоженных призрачных стражей. Оглядевшись по сторонам, Силти увидел готового к сражению Хукулина, стоящего наизготовку со своими ведьминым клинками, скрещенными перед грудью.

Внушающая страх фигура Эйнгил стояла с другой стороны, смертоносное веретено свободно висело у её ноги, словно она не видела потребности развернуть его для боя. Позади них он мог чувствовать давящее присутствие других Стражей Ансгара и быстрые, спорадические перемещения группы Пауков Варпа. Джетбайки и Гадюки двигались за авангардом, а большая часть танков ещё грохотала далеко позади.

Разорванные клубы дыма плыли назад вдоль тропы, размывая очертания продвигающейся линии Тейрту и превращая звёзды в дымке Стикслина во вспышки света. Окружающая картина внезапно стала мрачной и нечёткой, но Силти мог видеть, что фигура Йзульт остановилась и ожидала Стражей, которые подтягивались по обе стороны от неё.

В течение одного долгого мгновения два войска стояли лицом к лицу, друг против друга, в дыму и сверкающем пламени. Знамёна Тейрту, Ансгара и Ривалина развевались в восходящих

потоках нагретого воздуха. Заполненный звёздами вакуум со всех сторон блестел вокруг них, и заградительный огонь с небес прекратился, первый бой сражения подошёл к завершению.

Настала тишина, нарушаемая лишь шипением огня, поглощающего кислород.

Затем все взгляды устремились на крошечную фигурку Элы'Ашбэль, когда она вышла из рядов Ансгара и остановилась в пространстве между противостоящими силами. Она была одета в обшитое золотой тесьмой простое синее платье, которое колыхалось в потоке дыма и делало её похожей на привидение.

Никто не знал, как реагировать. И Ансгар, и Тейрту смотрели на ребёнка-провидицу, словно прикованные к месту, дивясь странно крутящемуся, как в водовороте, и клубящемуся вокруг неё дыму, пока она шла. Как будто бы её присутствие внезапно заставило остановиться само время, и никто не был в силах разрушить этот застой, который струился вокруг неё, словно вихрь.

Она остановилась и повернулась на

месте, обводя сапфировыми глазами всех собравшихся, позволяя свету своих глаз коснуться лица каждого воина на линии фронта каждой из сторон. Это сражение – эхо незабытого будущего. Оно не имеет значения. Ваши жизни стоят меньше и больше, чем оно. Отступите и позвольте пройти настоящему. Дайте дорогу тому, что должно быть.

Силти почувствовал эти мысли в своей голове, также как и все присутствующие. Они оставили неизгладимый отпечаток в его разуме, как крошечные, но тяжёлые следы на снегу, но он не мог понять их значение, и их след медленно таял, оставляя его разум пустым и чистым, словно его внезапно вычистили. Он обернулся к Эйнгил и заглянул внутрь её золотой маски.

Истина часто говорит на языках, которые мы не можем понять, - ответила экзарх, не опуская взгляд, и не сводя глаз с младенца-провидицы перед ними. – Непонимание, однако, не является оправданием, чтобы принять это за ложь.

- Вам здесь не рады, Сыны Ансгара и

Пауки Варпа. Вы возвратитесь назад, или ты обратим вас вспять, - объявила Йзульт из своей линии позади Элы. Словно она не слышала слов юной провидицы или просто проигнорировала их.

Клубящееся облако дыма закрыло Элу, скрывая её из вида. Почти сразу противники, кажется, совершенно забыли о ней, словно со временем дым стёр её.

Кто ты, чтобы отказывать нам в гостеприимстве, служительница Тейрту? -- ответила Эйнгил очевидным и ритуальным повторением их последней встречи.

- Я -- Йзульт Тейрту-ан, - оповестила Йзульт, делая шаг вперёд из своей линии так, чтобы её могли ясно видеть обе стороны. -- И я имею должные полномочия, чтобы приветствовать наших друзей, также как я более чем в состоянии дать отпор нашим врагам. Ты готова сразиться со мной в этот день, Экзарх Каина?

Силти вышел перед своими товарищами, предупреждая ответ экзарха.

- Я буду сражаться с тобой в этот

день, - заявил он, придавая голосу уверенное звучание. – Я – Силти Ансгар-ан, Паук Варпа Храма Ликосидая. Это достойно твоей крови, дочь Тейрту?

Вместо слов Йзульт ответила поклоном, картинным движением отбрасывая свой плащ, закрутив его вихрем, в результате чего он упал позади, оставив её стоять перед строем в низкой боевой стойке, её рука коснулась рукояти великолепного меча.

В тот же самый момент Силти сложил руки на груди и исчез со своей позиции во главе сил Ансгара. Он снова появился лишь в нескольких шагах от Йзульт, где он поклонился в ответ, демонстрируя уважение к знаменитой воительнице Тейрту.

Как только они собрались ринуться в бой, из рядов Ансгара раздался другой голос, который заставил их остановиться на полпути. Это стало неожиданностью, всё должно было произойти не так.

- Я больше не буду томиться ожиданием, чтобы пролить кровь Тейрту! – страстно воскликнул низкий голос. –

Ожидания и так было более чем достаточно.

Хукулин вышел вперед перед линиями противников. Его ведьмины клинки уже были обнажены и готовы к бою, ярко демонстрируя пренебрежение к обычному этикету начала сражения.

- Есть ли средь вас кто-либо ещё, который выйдет вперёд и сразится со мной? Или вы будете и дальше прятаться за женщиной Мстительницей?

В его голосе кипели страсть и неистовство, словно его чувство такта было полностью стёрто жаждой крови. Отражение глаз Бедвира вспыхнуло в небесах вокруг него, и он знал, что должен сделать, чтобы вернуть покой его душе. Встав перед выбором, он выбрал смерть.

Никто из Стражей Тейрту не двигался, даже когда идущий воин сорвался на бег по направлению к ним, размахивая своими двойными клинками поперёк тела и вниз по бокам, приближаясь к ним.

Тогда один голос заставил его остановиться.

- Я сражусь с тобой, Хукулин,

доблестный сын Ансгара!

Это был Лир.

Страж Тейрту оглядел собравшиеся силы Дома Тейрту, и почувствовал у себя в животе тяжёлый груз смеси противоречивых эмоций. Он видел знамя Ривалина, гордо развевающееся над головами своих родичей, и он знал, то же самое знамя реяло над жалкими силами Ансгара позади него. Его руки вручили плащ ясновидца мятежному дому; он был инициатором этого сражения, вырвав его из тумана возможного будущего и приведя в настоящее. Даже ясновидец не был в состоянии сделать это в одиночку; Лир стал посредником войны. Он видел только смерть в своём будущем, вне зависимости от того, какой путь он избрал.

Когда Хукулин медленно обернулся, то оказался лицом к лицу со своими родичами, Лир сделал пару шагов в сторону из рядов Ансгара. Вероятно, в тот момент всем присутствующим показалось, что оба воина поменяли союзников: старый ветеран Ансгара стоял перед строем Тейрту, а безупречный

молодой Тейрту-ан был готов защищать честь Ансгара.

Взволнованный шёпот прокатился по рядам Стражей Тейрту, когда некоторые из них опознали Лира среди врагов. На мгновение хладнокровие Йзульт поколебалось, так как множество недостающих частей внезапно встали на свои места. Должно быть, Лир нёс ответственность за передачу знамени Ривалина домену Ансгар; он был одним из личных стражей ясновидца, но что могло расшатать веру и верность такого безупречного и благородного Стража, как Лир? Она не могла предположить, что он был развращён жадностью или честолюбием, и его нынешнее положение также доказывало обратное. В глубине своей души она знала, что это, должно быть, имело отношение к смерти Кервина, но она подавила тревожные мысли, чтобы сосредоточиться на имеющейся проблеме. Вопрос об обращении Айдена с наследником ясновидца мог подождать, пока сражение не было выиграно.

Когда он пошёл назад к своим

собственным родичам, вспышка гнева на лице Хукулина внезапно сменилась удовлетворением. Он никогда не доверял намерениям чужака из Сентриума, он всегда полагался только на собственные инстинкты. Это был прекрасный противник, чтобы обрести вновь толику своей потерянной чести.

СНОВА ВСТАВ В центре арены, молодой Найс раскинул руки в стороны, словно показывая себя богам. Он держал посохи из умбалы на раскрытых ладонях, затем запрокинул назад голову и посмотрел на купол потолка. Высоко над ним трещины на потолке начали светиться, словно дыхание жизни коснулось кучи тлеющих угольков. Трещины сначала тлели, а потом вспыхнули, обрисовывая скрытый узор в виде паутины, которая украшала внутреннюю поверхность купола, освещая его подобно вспышке гнева.

В то же самое время Найс начал двигаться. Он чувствовал принуждение оболочки святыни вокруг него, когда глаза

остановились на спиралевидном рисунке над ним. Сначала неуверенно, а затем с окрепшей уверенностью и скоростью он начал чертить на песке, который тонким слоем лежал на полу под его ногами, отражение тарантула, начертанное наверху горящими трещинами. Он вращал посохами, словно они были продолжением его рук, проводя ими по земле и рисуя запутанный узор, который его конечности вряд ли бы смогли изобразить сами. Казалось, посохи вращались вокруг его рук, словно каждый конец каким-то образом стал автономным и жил своей собственной жизнью, придавая ему вид восьминогого арахнида, когда он скользил, едва касаясь земли, и танцевал на арене.

Он двигался всё быстрее и быстрее, совершая танцевальные движения из боевых фигур, которые узнал от Адсулаты и Экзарха Эйнгил, пока его движения не стали более размытыми и менее ритмичными, как у паука. Концы посохов из утбалы втыкались в пол, разбрасывая по арене горсти песка и комья горящей земли.

Когда он двигался, он чувствовал, что

святыня говорила с ним. Она делилась с ним своими знаниями, наполняя его шёпотом бесчисленного множества дамашир-душ, которые непередаваемым образом плавали в матрице Флюир-герна, куда был частично погружен Храм Пауков Варпа. У Пауков Варпа связь с душой Каэлора была особенно хороша, поскольку они брали свои техники у крошечных кристаллических существ, которые бродили по большим дорогам и тихим тропам бесконечного цикла, уничтожая все психические загрязнения.

Он вращался и прыгал, двигаясь в воздухе по спирали и волоча за собой ультбалу сквозь невероятные искривления в материи пола, нарушая связи и вещество металлической структуры и оставляя их пронизанными пламенем.

Он чувствовал гнев и отчаяние, балансирующие на краю контроля. Голоса Каэлора сказали ему, что Эйнгил и Эла были уже в Проходе Улы. На мгновение он смог увидеть их в своём разуме. Видение галактик и звёзд вспыхнуло в его сознании, показав Паука Варпа и эвилин, неподвижно

стоящих в пустоте. Затем появился Силти, сражающийся с грациозным Стражем Тейрту, и Найс мельком увидел самого преданного стража своего отца, Хукулина, который ходил кругами вокруг противника, имени которого он не мог назвать.

После взрыва темноты сцена изменилась. Он увидел, что Эйнгил в броне лежит мёртвой, охваченная демоническим пламенем. Он увидел, что Силти сидит со скрещенными ногами рядом с трупом, глядя вниз на свои окровавленные руки, и рыдает. Он увидел искалеченное тело Хукулина, изуродованное, поломанное и выброшенное, падающее в бесконечную пустоту, а также он увидел фарфоровое лицо Элы, испачканное красным, с реками крови, которые стекали из её глаз как слёзы. Её лица коснулась рука, чтобы вытереть кровь. Это была рука Ахирна Ривалина. Он странно улыбался, Найс никогда ещё не видел такой улыбки и не смог понять её значения.

Это было так, словно ритм войны, который Найс имитировал в неистовстве

бессильного гнева на арене, каким-то образом создал связь с бассейном душ и его неиспользуемым потенциалом, которая позволила смотреть сквозь пространство на Каэлоре и сквозь время. Это видение не успокоило его. Скорее подпитывало его гнев.

Это должен быть я! Он не мог поверить, что они оставили его, в то время как отправились навстречу своей гибели в Проход Улы. Даже он знал, что они не смогут одержать победу на том месте, где едва не погиб сам Бедвир. Если они отправились без каких-либо видений или надежд на победу, если они отправились, имея в душе только стремление к героической гибели, подобно Маугану Ра, тогда почему оставили его браниться и трястись от гнева в святилище храма. Это не имело никакого смысла. Словно бы Эйнгил хотела разозлить его и оставить наедине со своим отчаянием.

Он резко взмахнул посохами, вращаясь на одном месте в середине арены, фокусируя свою ярость вдоль деревянных

посохов и разбрасывая вереницы призрачных нитей, срывающихся с их концов. Спустя мгновение он выпустил их, давая возможность взмыть вверх и пронестись сквозь сгустившуюся вокруг него паутину, пока они не вонзились в купол потолка, проникая в него на всю длину вплоть до самого конца. Затем он резко рухнул на покрытую слюдой горящую землю, обессиленный и истощённый.

Кровь зовёт! Я слышу это. Это должен быть я. Они поступили со мной несправедливо, оставив меня пленником в моём собственном убежище.

СИЛТИ СНОВА ПОВЕРНУЛСЯ к Йзульт, обдумывая, как продолжить их поединок. Церемония Начала предполагала участие только по одному представителю с каждой стороны, но нетерпение Хукулина и поступок Лира нарушили установленный порядок. Каждый из них мог чувствовать неловкость, испытываемую их товарищами, которые находились в замешательстве с оружием наизготовку, неуверенные, нужно ли ждать, когда их

маршалы завершат свой поединок или ринуться в бой вслед за двумя другими. Казалось, что ситуация застыла во времени, словно бесценная ваза за мгновение до того как упасть на землю и разбиться.

Со своего места в центре войска Ансгара экзарх Эйнгил обдумывала сложившуюся ситуацию. Она размышляла, почему вмешательство Элы было проигнорировано, но затем быстро выбросила из головы этот вопрос. Не было никакого способа, чтобы другие смогли понять эту маленькую мерзость. Часть её задавалась вопросом, сможет ли хоть кто-нибудь вспомнить нелепую фигуру ребёнка, который бродил в зоне военных действий, одинокий и, по всей видимости, беззащитный, говорящий на безмолвном языке, который могли слышать все.

Кроме того, она поняла, что сражение больше не было битвой за Каэлор или сражением Ансгара и Тейрту. Это было битвой личных, невысказанных страстей, которые бушевали внутри Силти, Хукулина и Лира. Только намерения

Йзульт, казалось, были чистыми и простыми. Когда Йзульт и Силти понимающе кивнули друг другу, Лир вскинул свой сюрикен-пистолет и навёл его на наседающую фигуру Хукулина, чьи двойные клинки сверкали с угрозой и жаждой смерти.

Был короткий миг перед тем, как начались эти два поединка. Он повис в воздухе со значимостью, которая не было пропущена ни кем из присутствующих, но тут же был разбит вдребезги, лишь только Йзульт подалась вперёд. Она обнажила свой лютый меч и замахнулась им по гладкой смертоносной дуге одним непрерывным движением. В то же самое время, но на расстоянии двадцати шагов, Хукулин резко развёл клинки в разные стороны, когда он подошёл ближе к Лиру, а затем снова повернул их к себе, нанося рубящий удар по направлению к Стражу.

Кровь брызнула сразу отовсюду.

Силти быстро нырнул в сторону, чтобы избежать удара лютого меча, одновременно приводя в действие своё смертоносное веретено и выстреливая

тонкой нитью в контратаке. Сильный удар монолекулярной проволоки пробил броню Йзульт, как раз когда её клинок нанёс рубящий удар прямо сквозь оружие Паука Варпа и глубоко проник в его предплечье. Они оба отпрянули назад, обливаясь кровью, и ошеломлённые свирепостью друг друга.

Тем временем Лир стоял на своей позиции перед наступающим Хукулином. Его пистолет был направлен прямо между глаз старого Стража Ансгара, и он, казалось, слабо улыбался, словно не сомневаясь, что его прицел был точен и верен, но не стрелял. Вместо этого он просто стоял со своим оружием, приведённым в боевую готовность, когда клинки Хукулина одновременно нарезали воздух по обеим сторонам от его живота, издавая пронзительный вой в психическом отголоске силы его оружия.

Наступила другая короткая пауза, когда Йзульт и Силти вышли из боя и переменили свои позиции, бродя друг против друга, стараясь скрыть раны и показать исключительно свою силу. Они

искали слабые места или бреши в обороне друг друга.

В это же самое время Хукулин застыл в ужасе: Лир даже не вступил в бой. Страж Тейрту по-прежнему стоял со своим поднятым пистолетом и со слабой, угасающей улыбкой на лице. На его животе по диагонали расплывались две глубокие смертельные раны, прорезавшие его с двух сторон сразу. Неистовые клинки Хукулина нарезали его на три части, прежде чем старый воин понял, что молодой Тейртуан не намеревался оказывать сопротивление.

Лир кивнул потрясённому Хукулину, словно благодаря его за освобождение. Потом струйка крови появилась в уголке его губ, и глаза потускнели. Мгновение спустя его тело просто развалилось на три кровавых куска, рухнувших на землю у ног Хукулина.

Эйнгил ощутила, что душу Хукулина заполнил неподдельный ужас. Старый Страж ожидал найти в этом бою свою собственную смерть. Он желал её. Он жаждал этого, и Эйнгил увидела

бессильный гнев, вспыхнувший в его разуме, словно он чувствовал себя обманутым этим самопожертвованием Лира. Он не хотел ничего иного, кроме как искупить свою собственную вину, отдав жизнь за Ансгар.

Встав перед выбором между жизнью и смертью, он выбрал смерть, но у него отобрали этот выбор. Желание Лира умереть было куда сильнее, чем его собственное. Он даже не считал себя достойным гибели в пылу сражения. Смерти было достаточно, даже такой бесславной смерти как простая, бессмысленная сдача.

С другой стороны, Хукулин должен был попытаться умереть. Его ужас быстро превратился в гнев, и он развернулся на пятках, чтобы предстать перед рядами Стражей Тейрту. Он бессвязно закричал на них, размахивая в ярости своими клинками и разбрызгивая капли крови Лира, пятнавшие землю. Затем он снова начал наступать, поначалу медленно, но неуклонно ускоряясь, желая лишь с головой броситься в омут битвы, и погибнуть в

безнадёжном бою. Однако, следуя его примеру, другие Стражи Ансгара бросились в атаку позади него, пронзительно крича, воя и размахивая обоими знамёнами Ансгара и Ривалина.

Эйнгил смотрела не двигаясь. Это была не её битва, но она могла бы оказаться полезной. Она выжидала, в то время как начавшаяся атака обошла стороной сражающихся в поединке Силти и Йзульт, а затем расступилась вокруг нелепой фигурки Элы, промчавшись мимо неё словно стихийное наводнение вокруг скалы. Она на мгновение поймала трагический, сапфирный взгляд ребёнка, а затем подала сигнал другим Паукам Варпа. Спустя мгновение, они один за другим быстро исчезли из реальности.

ОПУСТИВ ВЗГЛЯД на свои руки, Найс понял, что он всё ещё привязан к посохам из умбалы, на всю длину вонзившимся в крышу, тонкими лентами призрачной паутины, которые, казалось, выходили прямо из его плоти. Его тело было покрыто множеством сверкающих

чешуек, словно внешним слоем змеиной кожи, но крошечные, прозрачные чешуйки каким-то образом сложились в длинные, тонкие цепочки. Вскинув вверх руки, Найс поднял себя в воздух, используя прочные эластичные паутинки, перекрещивающиеся вокруг него. Он остановился в середине тщательно сделанной и запутанной паутины, которая окутывала и заплетала всё пространство над ареной храма.

Спустя несколько мгновений он обнаружил себя висящим в самом сердце сверкающей призрачной паутины, которая простиралась от начертанной на земле паутины до паутины из ярко светившихся трещинок на куполе потолка. Это выглядело так, словно внутреннее пространство храма было превращено в логово гигантского паука.

Впервые с того времени, как он мог вспомнить, его охватило чувство спокойствия. Он внезапно почувствовал себя дома, словно был в контакте со всем Каэлором. Его негодование из-за того, что кузен и сестра оставили его одного в тылу,

постепенно рассеялось, и он наклонился из своего сплетения вниз.

Казалось, нити его гигантской, сверхъестественной паутины вибрировали и дрожали, когда он лежал на них. Мельчайшие колебания пульсировали вдоль них и вибрировали рядом с его кожей, где блестящая пряжа касалась его испещрённого кристаллами тела. В то же самое время вокруг него вился многоголосый шёпот, словно каждая нить говорила с ним.

Успокоив свой разум, Найс услышал мириады душ, которые скользили внутри блестящих паутинок, и он понял, что сеть проникла внутрь самого бесконечного цикла, как точные укусы паука в вены огромного тела. Паутина пульсировала энергией, словно сеть капилляров, пронизывающая материальную сферу.

В тот же момент перед его глазами вспыхнуло видение разбитых и уничтоженных паутин внутри Святыни Флюир-герна, в очередной раз наполняя его разум гневом. В призрачных отражениях недавнего прошлого он увидел Айдена

Тейрту, разрушающего древние и тонкие структуры своим странным мечом, обращая ярость на паучков варпа и давая выход гневу на саму душу Каэлора. Он почувствовал неистовое противодействие, распространяющееся по артериям искусственного мира и пульсирующее в его разуме. Как если бы сам Каэлор хотел остановить этого эльдара. Словно бы флюир-герн искал посредника, который исполнит его волю.

Видение чередовалось с другими картинами и голосами, которые мерцали одна за другой и вливались в его разум с неослабевающей силой. Фрагменты прошлого Каэлора смешивались с шёпотом отражений будущего, пока голова Найса не пошла кругом под их напором. Он видел голодающий народ во внешних пределах Каэлора, испытывающий лишения и страдания после многих лет угнетений и пренебрежения со стороны двора. Он видел великолепное сияние Сентриума, и упадок не замечающих ничего Нэвир. Он видел Экзарха Эйнгил, истекающую кровью, он видел ясновидца внезапно упавшего в своей

башне под гнётом прожитых лет. Он видел посреди поля боя Элу, стоящую в безопасности и неприкосновенности, в её сапфирных глазах пылало красное пламя, в то время как сюрикены и лазерные лучи хлестали со всех сторон вокруг неё.

Затем эти подробные картины уменьшились до размеров светящихся точек, вращавшихся в темноте внутри спиральной галактики до тех пор, пока они не взорвались внутри изображения самого Каэлора. Искусственный мир висел в прачных глубинах пустоты, огромный и не поддающийся описанию, каким могло только быть сооружение древних. Но он балансировал на краю пропасти, как океанское судно в точке падения за край мира. Крики демонов доносились из бездны и огромные, жаждущие крови, щупальца тянулись, чтобы вцепиться в величественное тело искусственного мира, подтягивая его ближе и присасываясь к его бронированной оболочке, словно вытягивали саму его сущность.

Вихрь, - понял Найс, его глаза быстро распахнулись и неестественно

расширились. – Каэлор движется к бурлящим водоворотам вихря варпа, а Ахирн слеп, чтобы заметить это, или слишком слаб в настоящий момент, чтобы позаботиться о нём.

ПРОХОД УЛЫ разрывали огонь лазеров и падающие градом залпы сюрикенов. Они лились дождём вниз со скрытых высоко над проходом орудийных установок, видимо замаскированных среди звёзд и туманностей, которые сверкали внутри Периметра Стикслин. Потоки огня также хлестали вдоль тропы, вырываясь из танков, которые стояли друг перед другом с обоих концов узкого коридора, вспыхивая вокруг и над головами десятков эльдарских воинов, которые рубились и танцевали в сражении друг с другом.

Только маленькая провидица Эла'Ашбэль бесцельно бродила, неприкосновенная и невозмутимая, по насыщенной насилием грязи, которая заполняла проход. Она проходила сквозь огонь и дым, проталкиваясь мимо

сражающихся воинов и скользя между вспыхивающими полосами боевого огня. Словно бы ни Ансгар, ни Тейрту даже не замечали её присутствия. Или, если и могли заметить, они просто были не в состоянии поднять на неё руку.

В тылу линий Тейрту Эла увидела помпезный Сокол Айдена. Он был безвкусно украшен цветами Тейрту с ужасающим золотым змеем, ползущим вокруг его корпуса цвета тёмного нефрита, зубастый рот змея широко открывался на носу танка. Медленно и деликатно, и в тоже время решительно Эла начала пробираться к нему через поле яростной битвы.

После нескольких шагов она вышла на маленький участок, нетронутый битвой. Стражи обеих сторон инстинктивно оставлял его чистым, словно хранили для некой более высокой цели. Его не заливал огонь сверху, яростные перекрёстные залпы, которые прорезали остальную часть прохода, казалось, скользили вокруг него. Внутри этой области Эла увидела кружащиеся фигуры Йзульт и Силти, всё

ещё занятые своим поединком.

Смертоносное веретено Силти лежало, разрубленное на куски, от варп-генератора на его спине отвалились большие части, и дымящиеся останки потрескивали от освобождённой и неконтролируемой энергии. Руки Силти кровоточили из-за множества ран, которые нанёс клинок Йзульт, пробив прочную броню и глубоко разрезав плоть, многие силовые клинки на его рукавицах отломились, но он всё ещё двигался, прочно держась на ногах.

Со своей стороны Йзульт двигалась с редкостным изяществом. Её лютый меч был размытым пятном, грациозно двигающимся вокруг неё, создавая энергетическую сферу, которая угрожающе потрескивала. Она казалась по-прежнему проворной и почти не подверженной напряжению поединка. Клинки Силти оставили на её лице множество тонких порезов, и струйки крови стекали по шее. Длинное остриё торчало из её плеча, куда вонзился один из энергетических клинков Силти и затем

отломился прямо в её броне.

Неожиданным движением Силти сделал обманный манёвр с правой стороны, а затем резко повернулся в обратном направлении, нанося клинками правой руки удар по широкой дуге прямо в голову Йзульт, но Страж Тейрту оказалась быстрее. Она отклонилась назад, позволив удару пройти на безопасном расстоянии рядом с её лицом. В то время, когда его движение ещё продолжалось, она взмахнула своим клинком по вертикальной дуге, направляя его острую кромку на внутреннюю сторону руки Силти. Он мгновение сопротивлялся, но затем предплечье Силти полностью отлетело, разбрызгивая кровавую дугу, пока не упало на землю.

Паук Варпа издал продолжительный вопль и развернулся, инстинктивно поднимая другую руку в попытке защититься, но Йзульт плавно сделала шаг вперёд и блокировала поднятую руку рукоятью своего меча, одновременно она сильно ударила плечом в грудь Силти, мгновенно сбивая его с ног и отправляя с

грохотом на землю у ног Элы. Прежде чем он смог снова встать на ноги, Йзульт уже была над ним, перешагнув через его живот и прижимая оставшуюся руку Силти коленом.

Страж Тейрту подняла лютый меч над своей головой, занеся его для колющего удара в шею Паука Варпа. В этот самый момент её глаза уловили синее с золотом сияние края одежд Элы рядом с ней. Мгновение она колебалась, глядя на неуместное здесь и спокойное лицо дитя, которое стояло в одиночестве, призрачное и совершенно не взволнованное сражением, бушующим вокруг неё. В течение доли мгновения она пыталась придумать разумное объяснение присутствию ребёнка. В этот момент она заглянула в сверкающие сапфирные глаза Элы и почувствовала, будто что-то сдвинулось внутри неё, словно внезапно разошлись облака, закрывающие луну.

СНАЧАЛА ПОЯВИЛАСЬ рябь в пространстве, а затем Экзарх Эйнгил бесшумно ворвалась в коридор. Мгновение

спустя позади неё в бытие прорвались ещё пять Пауков Варпа. Они появились так близко к покоям ясновидца, как только смогли подобраться. Сама зала была хорошо защищена от любых психических проникновений, вне зависимости от того насколько малы они были, и прыжок отряда Пауков Варпа сквозь варп едва ли вызвал большое возмущение. В действительности это стало возможно благодаря тому, что огромное возмущение в пределах ша'эйль по всему Каэлору было вызвано сражением, которое бушевало в Периметре Стикслин, откуда отряду удалось проникнуть так далеко Сентриум незамеченным.

Теперь их неизбежно обнаружат.

Прокравшись в конец нарочито украшенного коридора, Эйнгил заглянула за крайний угол. В конце безукоризненно отполированного коридора у тяжёлых дверей стоял караул из четырёх Стражей Тейрту. По диагонали через грудь они держали заряженные и готовые к бою сюрикен-катапульты. Эйнгил со своей командой быстро отпрянула назад внутрь

коридора.

Сколько? – спросила Адсулата.

Четверо.

На этом этаже будут и другие.

Да. Всё должно быть сделано тихо, – согласилась Эйнгил. – Часть из вас останется здесь. Когда придут другие, не позволяйте никому пройти.

Экзарх и её Арахнир молча кивнули друг другу и исчезли.

Мгновение спустя они снова появились перед дверным проёмом в покои ясновидца, оказавшись между двумя парами Стражей. Прежде чем у Тейрту был хотя бы шанс изменить положение своего оружия, Эйнгил ударила обеими руками одновременно, пробивая или насквозь грудные пластины обоих Стражей, разрушая их позвоночники силой своих пылающих кулаков. В то же самое время Адсулата провела энергетическими клинками по горлу одного, одновременно отсекая ноги другому. Когда падающий Страж ударился о землю, она уже разрядила в него мерцающее облако моноволокна из своего смертоносного

веретена.

Как один, оба Паука Варпа повернулись лицом к дверям. Они быстро осмотрели их каркас в поисках признаков руничесих печатей, которые воспрепятствуют несанкционированному доступу, но ничего не увидели. Обменявшись взглядами, они на пробу толкнули двери, не ожидая, что те откроются.

Двери скрипнули, а затем со скрежетом подались, медленно открываясь внутрь комнаты.

В комнате повисла внезапная тишина, словно все находящиеся внутри резко прекратили разговаривать. Ахирн стоял рядом с длинным столом, опираясь на свой посох, словно утомившись. Несколько Нэвир сидели за столом, удобно откинувшись назад. Наполовину пустой графин с вином Эдрисиан стоял на почётном месте в центре стола, и вокруг было расставлено множество бокалов различной степени наполненности. На месте ясновидца во главе стола сидел наследник Айдена Морфрэн, положив ноги

на его поверхность.

С различной скоростью, определяемой их степенью опьянения и чувством собственного достоинства, Нэвир обернулись посмотреть, кто потревожил их. Первым отреагировал Ахирн, поднимая взгляд, чтобы увидеть Эйнгил за мгновение до того, как двери полностью открылись. Его глаза вспыхнули, заставив экзарха мгновение помедлить на пороге. Во взгляде ясновидца было что-то неожиданное.

После затянувшегося момента, потребовавшегося на медленное осознание происходящего, Морфрэн уронил ноги на пол и встал, потянувшись за сюрикен-пистолетом, который он церемониально носил у своего бедра. Он возился с застёжкой на кобуре до тех пор, пока не вынужден был посмотреть вниз и отстегнуть её обеими руками. Тем временем двое из придворных за столом бросились к ясновидцу, вставая между ним и Пауками Варпа, стоящими в дверном проёме. Ещё двое остались на месте, наблюдая за происходящим с неподдельным

интересом.

Мы не причиним ясновидцу никакого вреда, - сказала Эйнгил, позволив своим мыслям коснуться разума каждого в комнате. Неуклюжие попытки нападения со стороны Морфрэна она просто проигнорировала. -Мы пришли по его просьбе. Отдайте его нам, и мы не сделаем вам ничего дурного.

Синния и Селиддон, двое придворных, которые стояли перед ясновидцем подобно живому барьеру, внезапно потеряли уверенность, но их колебания выглядели через чур драматично, что заставило Эйнгил почувствовать себя некомфортно. Они не были сильно удивлены её заявлением, как они претворялись, но у экзарха не было времени волноваться по поводу сложной политики Олипсина. Эти запутанные несовпадения эмоций и разума были одними из основных причин, почему Храмы Аспектов поклялись не вмешиваться в политические дела Каэлора.

Между тем Уйшнех Эйнион и Триптри Парак только кивнули со своих

мест за столом, показывая, что они всё поняли. Лишь Морфрэн выказывал некоторые признаки агрессии. Он, наконец, сумел достать свой драгоценный пистолет, и неустойчиво навёл его через зал в основном направлении Пауков Варпа.

- Я не могу позволить вам совершить этот произвол, - сказал он. Его голос немного дрожал, но скорее просто заплетался язык. -- Мы защитим сиятельного ясновидца от вашего варварства стикс-тан, как мы делали это на протяжении многих лет, отродья варпа.

Он слегка покачнулся. Экзарх не обратила на него внимания. Отойдите в сторону, Советники Олипсина. Мы не будем спорить с вами, - тон Эйнгил был ровный и ясный. Нэвир были слабы, изнежены и совершенно не опасны, когда были лишены политической власти, которую давало им присутствие ясновидца. На протяжении сотен поколений они ничего не знали о мече или о данир воина. Сентриум и весь Каэлор существовали в постоянном мире. Только

за последнее поколение положение вещей заметно изменилось. Не было необходимости причинять вред этим живым анахронизмам, пока они не решат вызвать затруднения.

Послышался слабый щелчок пистолетного выстрела. Затем ещё один. Маленький сюрикен зарылся в нагрудную броню Адсулаты, а второй просвистел мимо головы Эйнгил и ударился в стену позади них. Адсулата мгновенно исчезла и вновь появилась прямо позади раскачивающейся фигуры Морфрэна. Казалось, он ощутил её присутствие, потому что он попытался повернуться, чтобы встать лицом к ней. Однако резкое движение нарушило и без того уже неустойчивое от опьянения равновесие, и он повернул своё тело не отрывая ног от пола. Во время одного неуклюжего, трудного движения Морфрэн Тейрту споткнулся и упал плашмя лицом вниз на поверхность стола, где он потерял сознание.

Не думай, что мы не знаем, что получим от этого, Экзарх Каина. — Мысли

пришли от Синнии Ютран, когда она отступила, открывая сгорбленную и стареющую фигуру Ахирна Ривалина, который проковылял мимо неё к Паукам Варпа, неравномерно щёлкая посохом по отполированному полу.

НА ГОЛОГРАФИЧЕСКОМ оптико-усилительном устройстве в чреве своего танка Сокол сразу за Проходом Улы Айден наблюдал за тем, что происходило, словно в замедленном темпе. Он отфильтровал общую свалку, которая кипела повсюду в узком коридоре прохода, и предельно сосредоточился на поединке между его великолепной Йзульт и исчадием варпа Силти, отродье Ангара. Он наблюдал за своей любимицей, бродившей вокруг добычи подобно хищнику, сохраняя дистанцию до удобного момента, а затем атакуя своим клинком и оставляя отметину на теле противника. Он видел, что Силти ранен и обильно кровоточит. Её победа была только вопросом времени.

Лишь только Йзульт сделала свой финальный выпад, разрубая Ангара и

наступая на него во время жалкой попытки сопротивления, бросив его на землю и придавив как последнего слабака, Айден в замешательстве увидел, как по экрану его проектора перемещается маленькая девочка. Незнакомка была немного больше младенца, с выбритой головой, как неофит Ютран, но одетая в струящиеся, дорогие и без излишеств синие цвета Ансгара. Она была похожа на призрак чего-то давно забытого, и завладела его внимание, как чёрная дыра поглощает свет. Она была беззащитным лучом умиротворения в бушующей буре.

Эла? Имя всплыло в его памяти как подавленный страх. Он не видел этой терпости со времени казни Бедвира на Площади Ваула, но его уверенность возрастала с каждым её крошечным, неуверенным шагом. Что она здесь делала? Почему она не мертва? Почему ни один из Стражей не порвал маленькое искажение надвое и не избавил его от неё?

Затем случилось это. Ицульт подняла лютый меч для смертельного удара, нацелив его остриё прямо в шею

упавшего и придавленного Силти, но в самый последний момент любимица Айдена увидела маленькую Элу. Она промедлила слишком долго, каким-то образом прикованная к месту этим отвратительным ребёнком. Это колебание дало Силти достаточно времени как раз для того, чтобы вырвать на свободу свою оставшуюся руку и погрузить клинки в живот Йзульт.

Хотя он не мог слышать крика Йзульт, он завопил сам. Он увидел, как она качнулась назад от предательского удара и затем выронила свой великолепный лютый меч. Он медленно выпал из её рук, словно сопротивляясь разлуке с таким достойным воином, но затем с грохотом ударился о настил рядом с Силти.

Паук Варпа вырвал свою рукавицу из внутренностей маршала, волоча за собой наружу длинный след из тканей и крови, пока Йзульт просто не рухнула на него сверху. Она была мертва.

Айден кричал и вопил не в силах поверить в случившееся. В прошлый раз, когда он сражался в Проходе Улы, он

потерял больше воинов, чем думал, что это возможно, но Бедвиру каким-то образом удалось прорваться на другую сторону бури, которую он развязал в этом сверхъестественном коридоре. Он не хотел быть свидетелем повторения того провала.

Всем орудийным установка открыть огонь. -- Его мысли моментально вспыхнули в разумах стрелков Сокола, а также Стражей, которые занимали приподнятые орудийные платформы над проходом. Они исполняли приказ Маршала Йзульт ограничить стрельбу так, чтобы возможно было сражаться с подобающей честью, но у них были средства, чтобы закончить всё это раз и навсегда в случае необходимости.

Жоган, твои собственные Стражи всё ещё находятся в проходе.

Никого не оставляйте в живых. -- Его ярость затмила рассудок. -- Никого. - Этика боя ничего не значила. Слава искусно одержанной победы не значила ничего. Всё, что имело значение, было кровь и смерть. - Убейте их всех.

Когда он вглядывался в неистовом, маниакальном неверии в голографическую проекцию оптического усилителя, он увидел маленькую мерзость. Эла'Ашбэль обернулась от трупа Йзульт и посмотрела на него, как если бы вдруг узнала, что он смотри на них сверху откуда-то из другого места. Мгновение он смотрел в её сияющий сапфирные глаза и увидел сам ужас.

Почему Айони спасла этого ребёнка-слир?

Часть II: Memacmaz.

Глава шестая. Найс

КАЗАЛОСЬ, ЧТО Храм Пауков Варпа бомбили. Богато украшенные, резные стены потрескались и обвалились. Крупные куски каменной кладки свалились в кучу вокруг фундамента, притяв зелень и покрыв большую часть окружающей Храм растительности слоем пыли. Центральный шпиль, который когда-то возвышался над многоугольным величественным зданием, усеивали проломы и трещины, и казалось, он был на грани разрушения. Толстый, чешуйчатый слой кристаллов покрывал шпиль, словно сохранял его в целостности. Под ним легендарные серповидные двери Ликосидая висели открытые и без охраны. Они раскачивались на своих сломанных петлях, подобно дверям сарая.

Даже ступени, которые сбегали вниз на поляну перед храмом, были покрыты трещинами и разбиты. Металлические украшения выпали из выемок, и осколки были разбросаны по всей поляне.

Это работа Айдена? – Ясновидец был неподдельно шокирован. – Я понятия не имел.

Ахирн Ривалин с трудом вышел из блестящего, открытого транспорта, с одной стороны опираясь на Адсулату, а с другой – на ещё одного Паука Варпа. Экзарх Эйнгил была уже впереди них, стояла на поляне и рассматривала свой опустошённый храм. В течение кратчайшего момента она спрашивала себя, была ли на самом деле у Жогана возможность сделать это, так глубоко во внешних пределах и так далеко от Периметра Стикслин.

Нет, ясновидец, - наконец ответила она. – Мы не можем обвинить в этом Айдена. По крайней мере, его прямой вины в том нет.

Не дожидаясь ответа от ясновидца, экзарх запрыгнула на разрушенные ступени и устремилась через серповидные двери. Она почувствовала, что что-то изменилось. Словно бы храм сделал всё это сам. Атмосфера была заряжена энергией, потрескивающей между молекулами и

атомами воздуха, наполняя всё место происшествия электрическими импульсами, которые вызывали у экзарха беспокойство. Она вдруг поняла, что её древний храм взорвался изнутри, словно там что-то выросло больше его размеров и заставило здание лопнуть, словно кокон, из которого вырвался паук.

Было чувство, что произошла какая-то трансформация. Энергия самого храма была поглощена метастазом, оставив на месте святыни нечто совершенно иное.

Когда она входила в разрушенные двери, Эйнгил резко остановилась. Во внутренней тени, прорезанной лучами света, было натянуто огромное число сверкающих кристаллических нитей, закручивавшихся во множество концентрических спиралей, которые поднимались к центру когда-то безупречного купола потолка. Они сформировали захватывающую дух конусообразную паутину, на фоне которой знаменитые нити Святыни Флюир-герна выглядели неупорядоченными, незначительными и хрупкими. Огромная

сеть мерцающей призрачной паутины накрыла всю арену, перекрыла доступ ко всем другим коридорам в храме, и открывалась огромным сужающимся отверстием только на пороге разрушенных серповидных дверей. Она естественно притягивала взгляд к узкому раструбу, где висело тело эльдарского воина, словно захваченная добыча какого-то исполинского паука. Позади вытянутого тела Эйнгил могла видеть только прожилки купола, горевшие энергией и жизнью.

Уже в течение многих лет Экзарх Пауков Варпа не испытывала страха. Конечно, освобождение от страха перед врагами было одним из результатов её возвышения до положения Экзарха Каина. Смерть больше не составляла для неё тайн. Тем не менее, окинув взглядом невероятную паутину, Эйнгил испытывала волнующую и выводящую из равновесия смесь эмоций. Она чувствовала благоговейный страх перед своим собственным Аспектом, когда увидела, что породил её храм с помощью своей собственной сущности и неукротимой

воли. Осознание того, что ничего подобного никогда не происходило с ней, избранной представительницей Аспекта на Каэлоре, посвящённой в сан экзарха, наполнило её негодованием. Она также чувствовала незнакомое и холодящее прикосновение страха, веющее вокруг её путевого камня, подобно ледяному бризу. Какое порождение варпа получило жизнь в этом коконе? За плечом Экзарха появилась Арахнир Адсулата, поддерживающая ясновидца, в то время как он с трудом перебирал ногами. Они сгорали от любопытства увидеть, что заставило внушительную фигуру экзарха резко остановиться на пороге своего храма.

Адсулата открыла рот от изумления. Ликосидай?

Эйнгил не ответила, так как этот вопрос снова и снова прокручивался в её собственном разуме, падая раскалёнными угольями сквозь холодный снег. Она не хотела этого касаться.

В течение долгой паузы Ахирн вообще ничего не говорил. Он рассматривал руины храма и

внимательно изучал причудливые сети из призрачных кристаллов, которые покрывали всё вокруг, подобно тонкому морозному узору. Затем он обернулся и посмотрел назад поверх ступеней, через поляну снаружи и внутрь чахнущего леса позади неё. На земле и на листве деревьев были пятна, где недавно пролилась кровь, и растительность уже покрылась рябью ядовито бурого цвета.

Он ожидал увидеть цветы и необычайно красивых существ, пестревших на восхитительных полянах, отражающих естественное великолепие потерянного края Эльдарских Рыцарей из легенды Нэвир.

Вопреки самому себе, его губы скривились в гримасе недовольства.

Почему вы привели меня сюда? – спросил он. – Я не могу жить в этой грязи.

Пауки Варпа не обратили на него никакого внимания. Они устремили взгляды внутрь плетёной воронки, видя, что подвешенное и заплетённое паутиной тело начало двигаться на глазах. Они могли видеть только спину, когда его руки

и ноги медленно согнулись. Оно повернулось вокруг собственной оси, вращаясь так, словно было свободно от действия гравитации, а затем запрокинуло свою голову назад так, что его лицо смотрело вниз на двери. Его серебряные глаза вспыхнули среди сверкающих кристаллов.

Найс. – Эйнгил назвала имя существа, висящего под куполом храма. Волнение от того, что было найдено имя неизвестному, не улеглось. Был только ужас от узнавания, который она не знала с тех пор как почувствовала неутолимый зов Каина.

Мы не должны были оставлять его одного. – Это было признание ошибки, словно она знала, что случиться.

Адсулата была охвачена благоговейным трепетом. – Найс? Найс и есть Ликосидай?

Воцарилась долгая тишина, в течение которой Найс с негодованием смотрел на них вниз со своей позиции в сердце плетёного кокона. Весь свет в разрушающемся храме, казалось, исходил из его серебряных глаз, как если бы все остальные источники погасли или стали

каким-то образом несущественными. Он притягивал их взгляды, словно тащил добычу, чтобы съесть. Он удерживал их.

Ясновидец снова протиснулся между ними, аккуратно продвигаясь внутрь храма и устремляя взгляд в направлении, куда смотрели Пауки Варпа, в сердце хаотического сплетения нитей и призрачных кристаллов. Он наклонил голову, словно под таким углом ему было лучше видно.

Наследник Ансгара, - кивнул он, невозмутимый и спокойный, как если бы просто поражённый логикой того, что он видел. - Кажется, что Айони была права относительно него. Ликосидай? Я могу вспомнить старинный цикл с тех дней до того, как на Каэлор пришла война. Возможно, даже Бедвир рассказал мне эту сказку, хотя не исключено, что это был и давно ушедший Касвэллан.

Он сделал паузу, словно вспоминая эту историю, вероятно не осознавая значимость события, разворачивающегося вокруг него. Ликосидай -- это что-то вроде экзарха, не так ли? Он, как говорят,

является проявлением агрессивной силы самого ша'эйль в образе Паука Варпа?

Ахирн смотрел то Адсулату, то Эйнгил, словно ожидая, что кто-то из них подтвердит или опровергнет его воспоминания, но они по-прежнему не обращали на него внимания, словно едва ли замечали его присутствие рядом с ними. Их глаза были направлены на паукообразную фигуру Найса, которая удерживала их своим серебристым взглядом, в то время как он по паутине подобрался ближе.

- Я думал, что это было лишь мифом, - произнёс Ахирн вслух, чувствуя себя, словно ребёнок, которого проигнорировали при важном событии. -- История, чтобы пугать детей, когда они ведут себя без должного почтения к Флюир-герну. Ликосидай, как предполагается, является Стражем бассейна душ Каэлора!

Это не миф, Ясновидец Ривалин, как ты можешь видеть, - ответила Эйнгил, не отрывая своего взгляда. -- Ликосидай -- Призрачный Паук -- является к нам во

время величайшей нужды. Его доспех хранится в самом святилище этого храма. Говорят, что он сражался на стороне Гоури Сияющего во время Войн кораблей, сиятельный, но с тех пор он не появлялся в течение долгих веков.

- Где это уже было? -- усмехнулся Ахирн, словно бы нарочно отказываясь верить в то, что он мог видеть собственными глазами. Всю свою жизнь он провёл, не выходя за пределы утончённого Сентриума, и не готов был пожертвовать так быстро своим рафинированным чувством реальности. Уже достаточно скверно то, что он был вынужден приехать в эту грубую и дикую внешнюю область, но он не обязан принимать её жестокую и грубую космологию.

Он ждёт подходящее время, - объяснила Эйнгил, сознавая свою обязанность Стража и хранителя храма, и всё ещё пронзённая взглядом Найса. -- И подходящего хозяина.

- Он пришёл, чтобы помочь в сражении и избавить меня от этого отвратительного Тейрту! -- решительно

объявил Ахирн, моментально приспосабливая образы легенды для своих собственных целей.

- Возможно, - сказала Эйнгил, неохотно отворачиваясь от вселяющего ужас взгляда, поскольку она услышала снаружи приближение транспортных средств из леса.

Следуя за взглядом экзарха, Адсулата тоже обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как грав-танк Сокол появился из-за пролетленной и оборванной линии деревьев. Он был испещрён отметинами и рубцами, словно перенёс серьёзный артиллерийский обстрел. Блестящий, тёмно-синий фюзеляж имел вмятину и погнулся, орудийная башня была сорвана, оставив повреждённый танк с открытой крышей. Его двигатели надсадно ревели, и из выхлопных отверстий валили струи дыма. Когда он затормозил внизу у ступеней храма, останавливаясь сбоку от транспорта Пауков Варпа, он качался и дрожал, словно умирающее животное.

Крышка люка на задней части Сокола с грохотом отвалилась, неуправляемо упав

на землю в виде пандуса. Спустя несколько секунд по пандусу на поляну спустилась крошечная фигурка Элы'Аибэль, тот час же устремившей свой сапфирный взгляд на ясновидца и на ужасающее зрелище разрушенного храма. Позади неё показалась пёстрая процессия эльдарских воинов. Окровавленный Силти, хромая, спускался вниз по пандусу, цепляясь за плечо Хукулина, и за ними шли ещё только трое других воинов. Все они тяжело двигались и выглядели изнурёнными, словно столкнулись с гневом Каэлиса Ра, Несущего Смерть.

Глядя на малое число прибывших, Адсулата посмотрела поверх искорёженной крыши Сокола на линию леса, ожидая появление Гадюк и джетбайков Ансгара, но больше никого не было. Сокол был единственным транспортом, который вернулся из Прохода Улы.

С БАЛКОНА НЭВИР Дворца Ясновидца Синния наблюдала за процессией воинов Тейрту, когда они

маршировали вниз по широкому бульвару Приток Багаррота, который вливался в Площадь Ваула. Подразделение тёмно-зелёных с золотом гравитационных танков Сокол сопровождал небольшой флот Гадюк и джетбайков. Они блестели и сверкали так, словно только что подготовленные для парада, демонстрирующего силу, и свет, который отражался от них, наполнял величественный Приток Багаррота роскошным изумрудным сиянием.

Во главе колонны шли два отделения высоких призрачных стражей, каждый шёл размашистым шагом с естественной плавностью, которая противоречила их искусственному строению. Множество сложных сенсоров светились на их каплевидных шлемах, а на груди сияли камни душ некогда великих воинов Тейрту. Каждый гигант Стражи Душ Тейрту нёс большое знамя победы, на которых были либо изображение змея Тейрту, либо сияющая звезда Ривалина. Около двадцати таких знаёт красиво реяли во главе колонны, заполняя бульвар рукотворными

волнами гордости и величия.

Айден Тейрту ехал между двумя отделениями своих Стражей Души на орудийной платформе с открытым верхом, впитывая слабый энтузиазм толп, которые были заранее проинструктированы и препровождены на улицу, чтобы приветствовать своего вернувшегося Жогана.

Наблюдая с балкона в компании других Нэвир, Синния поняла, что Айдену ещё не сообщили о похищении ясновидца. Казалось, что никто не осмеливался поделиться новостями с великим и ужасным Жоганом. Он возвращался как назначенный Ривалином Победитель Порока, и, тем не менее, он возвращался в Сентриум, лишённый самого Сиятельного Ривалина.

Даже на расстоянии с высоты балкона Синния могла видеть огорчение Айдена этим вынужденным и не слишком тёплым приёмом. Его боль и возмущение, несомненно, усиливались и тем фактом, что эта процессия была также и похоронным кортежем горячо любимой

Йзульт Тейрту-ан. Если бы это стало известно, то в таком случае каждый Нэвир соизволил бы присутствовать при её возвращении домой. После перехода Айони Йзульт осталась единственным членом Дома Тейрту, на которого придворные Олипсина смотрели с чем-то вроде восхищения или уважения. Большинство эльдар Сентриума считало утрату Йзульт подлинной трагедией, хотя в её гибели многие обвинили бы Айдена, а не сочувствовали ему. Столь чистая и верная душа не должна быть так бездарно потеряна в бессмысленной демонстрации военного превосходства. Никакой необходимости в тщательно продуманном и практически чисто церемониальном бою в Проходе Улы не было, так как Периметр Стикслин был укреплён более чем достаточно, чтобы отразить столь малые силы.

Нэвир шептались, что Айден сделался столь жалким с наступлением мира после его победы в Династических войнах и отчаянно нуждался хоть в каком-нибудь шансе, чтобы выпустить на волю

насилие, которое бурлило в его даташир-душе. Они говорили, что он становился неуравновешенным, вынужденный вести тирную жизнь в Сентриуме. Сражение в Проходе Улы рассматривалось некоторыми как не более чем потворство своим капризам. Айден просто играл в великого воина. Он поигрывал мускулами для вульгарной, театральной демонстрации силы, рискуя жизнями своих эльдар, в том числе столь доблестных и горячо любимых, как Йзульт. Это было показным и неэффективным, словно вырезать тому с помощью светового копья. Он без причины был мстителен, словно гнев Азуртена, который, как говорили, обманом заключил душу своего брата Тетезиса в первый лютый меч для того, чтобы причинять больше страданий своим врагам.

Хотя он любил Владычицу Айони, никто не мог поверить, что действия Айдена были вызваны лишь вмешательством Паука Варпа в Церемонию Перехода Айони. Ненависть Айдена к Бедвиру и Ансгару сделала его

чудовищем Каина, и стоила ему души лучшей воительницы.

Если бы их спросили, множество эльдар Нэвир на балконе Дворца Ясновидца выразили бы некую симпатию и восхищение ничтожному отряду воинов Ансгара, которые оказали сопротивление перед лицом значительно превосходящей огневой мощи, так и не покорившись. Они вошли в Проход Улы, зная, что идут на смерть. Они предпочли умереть, чем жить в тех условиях, на которые их обрёкли Тейрту. Рассказ о том, как благородно Йзульт пыталась сражаться с ними в честном бою, отдавая должное их мужеству и осознавая высокую ценность всех эльдарских душ, уже распространился по всему Сентриуму, подобно порыву фаэрула. Все уже знали, что Айден приказал открыть массированный артиллерийский обстрел, пренебрегая церемониями сражения из-за ужасной потери Йзульт, выказав неуважение к культурным и установленным эстетическим традициям войны из-за личной утраты.

Уйшнех Эйнион наблюдал с балкона с неприкрытым выражением отвращения на своём лице, как парад вошёл на Площадь Ваула. Его простой серый плащ противоречил утончённости его разума, но также говорил о строгости нрава того, кто когда-то сам был воином. Многие данир тому назад, Уйшнех прошёл цикл обучения в Храме Аспекта Пикирующих Ястребов, в одной из самых престижных и древних Святынь Аспектов на Каэлоре. Возможно, из-за природного изящества Крылатого Феникса Багаррота, который основал этот Аспект, Пикирующие Ястребы были самым уважаемым и вызывающим восхищение Аспектом среди Нэвир Каэлора. Посвящение в этом Храме, который располагался в переделах Сентриума, было открыто только для представителей Нэвир в тех редких случаях, когда кто-то из них вдруг чувствовал зов Каина. Хотя Уйшнех знал, что такой социальный контроль приёма в воинский аспект был одной из неприятных особенностей Каэлора, тем не менее, он одобрял этот путь, который

гарантировал, что утончённые Нэвир будут в состоянии пройти данир воина, не теряя своей изысканности и хорошо развитых эстетических ценностей.

Обучение в Храме Пикирующих Ястребов тщательно контролировалось и управлялось специальной комиссией Олипсина, и Уйшнех был старшим советником этого так называемого Крыла феникса. Побочным следствием такой исключительности было, однако, то, что другие Святыни Аспектов смотрели на Пикирующих Ястребов с некоторым подозрением, которое иногда граничило с насмешкой. В частности Яростные Мстители — самая большая из Святынь Аспектов на Каэлоре, как и на многих других искусственных мирах — не скрывали своего презрения к рафинированию аспекта Каина, которое они видели у Пикирующих Ястребов Каэлора.

Уйшнех когда-то стоял во главе армии ясновидца в разгар Династических войн. Единственный в своём роде среди Нэвир Каэлора он осознал императивы и эмоции сражения. Он был одним из

немногих Нэвир, которые отдавали себе отчёт в неумолимом подъёме военной мощи на Каэлоре в конце Блистательного Века, и был одним из немногих, кто пытался создать собственную армию Стражей в своём домене Эйнион. Он был едва ли не единственным Нэвир, который положил собственную жизнь и своих Стражей к ногам ясновидца, когда начались Династические войны. После первых столкновений ясновидец вступил в союз с Домом Тейрту, и Уйшнех покорно сражался на стороне Айдена.

Он знал способности Жогана. Он знал, что Айден был выдающимся воином, но он также знал, что склад ума патриарха Тейрту не был приспособлен для политики и жизни в Сентриуме. Он знал, что в душе великого воина имеется конфликт между стремлением к власти и уважению с одной стороны, и жаждой крови с другой. Он не был обучен разрешать противоречия между этими двумя стремлениями, и он также не был одарён от природы способностями к этому. Возможно, он родился не на том искусственном мире.

Айден мог бы сделаться прекрасным лидером Клана Диких Наездников на Сейм-Ханне. На Каэлоре, в Сентриуме, среди Нэвир он казался диким зверем.

Однако противнее, даже чем вульгарность Айдена, для Уйшеха был тот факт, что Жоган - так называемый Победитель Порока -- позволил себя обмануть с помощью дешёвой уловки. Он был настолько поглощён драмой Сражения в Проходе Улы и своей ненавистью к Ансгару, что даже не задумался, что и Ула, и Ансгар могли быть просто отвлекающим манёвром.

Задним числом казалось невероятным, что Айден хоть на минуту поверил, будто бы Силти Ансгар-ан добровольно и сознательно пошёл в Проход Улы, зная, что в этом бою у него нет никаких шансов на победу, если бы не имел скрытых мотивов. Айден допустил типичную ошибку, полагая, что его противником владеют те же эмоции и страсти, какими был охвачен он сам. Проход Улы был самым символичным местом для сражения между Тейрту и

Ансгаром, и молодому Силти было известно, что Айден примет этот вызов. В этом была суть боевого духа. Это был вопрос воинской чести. Для Силти гибель лучших воинов Айдена должна быть лишь бонусом.

Айдена подставили. Он не только выглядел вульгарным и неотёсанным в глазах Нэвир из-за своей неконтролируемой жестокости, а также его ещё выставили дураком. Пока он играл мускулами и позёрствовал в Проходе Улы, Экзарх Науков Варпа Эйнгил перенеслась в Сентриум и похитила ясновидца. Хотя Уйшнех тайно радовался такому исходу, он не мог не презирать Тейрту за его недальновидную глупость. «В самом деле, так ему и надо, - подумал он. -- Этот дурак даже оставил своего отвратительного сына Морфрэна отвечать за безопасность дворца.»

Одно мгновение Уйшнех обдумывал своё предположение, и понял, что, возможно, оказал молодому Силти слишком много чести. Не было причин подозревать, что юный ученик сам

разработал этот план, который так хорошо сработал. Более того, эмоциональная действенность плана скорее зависела от искренности Силти. Уйшнеху вдруг стало ясно, что это смелое предприятие целиком было задумано лукавым умом самого Экзарха Пауков Варпа.

Она поощряла в Силти того же простого воина, которого Уйшнех оплакивал в Айдене. Они оба шли на Сражение в Проходе Улы, думая, что они возрождали последнюю эпическую битву между Тейрту и Ансгаром, и они оба были готовы поставить на кон всё, что у них есть. Силти выбрал смерть за эту смешную честь. Между тем у Эйнгил был совершенный план.

Его подозрения и интерес возросли, когда Уйшнех задался вопросом, планировала ли экзарх что-либо ещё, что может произойти в это же время. Внизу на Площади Ваула Уйшнех и Синния могли видеть церемониальную платформу Морфрэна и Орианы, которая легко выплыла за ворота дворца и повернула по

направлению к движущейся платформе Айдена. Сиятельная Ориана как обычно держала на руках маленького Тьюри, словно они были неразлучны.

Он немного нервничает, - пробормотала Синния, как будто сама с собой. -- Он собирается выйти, чтобы встретить своего отца.

Она задавалась вопросом, как Морфрэн собирается объяснить похищение ясновидца своему уже рассерженному и потерявшему рассудок отцу.

Возможно, у него хватит ума сообщить новости в публичном месте, - в ответ предположил Уйшнех, не спуская глаз с Морфрэна.

Несомненно, он сделал большое событие из своей раны. -- Синния смотрела вниз на медицинскую повязку вокруг правой ноги Морфрэна. Она была, безусловно, свежая, но уже было заметно проступившее пятно крови. -- Я думаю, он надеется, что Айден прежде всего отец, а потом уже лидер.

Уйшнех молча кивнул. В этот момент они одновременно осознали: Он не

был ранен во время похищения! Пауки Варпа не тронули его! Он выстрелил себе в ногу, чтобы это выглядело так, словно он сражался, защищая ясновидца!

Нэвир на балконе насилу смогли сдержать отвращение, вызванное поведением этих стикс-тан Тейрту среди них. Они наблюдали, как платформа Морфрэна приблизилась к платформе Айдена, и они могли видеть ритуальный обмен приветствиями, предписанный для общественных церемоний, но они были слишком далеко, чтобы слышать, что было сказано. Спустя несколько мгновений они увидели, как и без того уже мрачное и искажённое страданием лицо Айдена побледнело от гнева. После чего он набросился на своего сына и наследника, ударив его по лицу посреди переполненной Площади Ваула, заставляя весь Сентриум замереть в шоке от такого ужасного нарушения внешних приличий.

СВЯТИЛИЩЕ Храма Пауков Варпа пережило разрушение остальной части святыни почти нетронутым. Руны и

символы, которые испещряли стены, пылали ярким светом жизни, который Эйнгил прежде никогда не видела в своём храме. Паутина на алтаре была словно в огне, светясь с большой интенсивностью, и её свет преобразовывал реликвии до неузнаваемости.

Посмертная маска Колдуна Аракнида пристально смотрела слева от алтаря, её глаза светились прошлым величием и властью, словно бы маска внезапно ожила. С другой стороны алтаря висевший над ним славный золотой доспех Ликосидая сверкал невыразимым внутренним светом. Он был путеводной звездой. Он звал и притягивал своего избранника. Казалось, словно бы сам Флюир-герн проходил через этот древний психопластик и звал нового героя, чтобы тот снова дал ему жизнь.

- Храм ожил, - пробормотала Эйнгил, придавая своим мыслям звучание, словно закрепляя их в реальности. Она в удивлении оглядела святилище, чувствуя себя так, словно бы вошла в самое сердце своего Аспекта. Впервые со своего

возвышения она почувствовала некоторую отчуждённость от святыни, хранителем которой была все эти годы. Она не могла объяснить, что происходило, и она не знала, почему такого никогда не происходило с ней. Она не испытывала чувства зависти насколько могла помнить, с тех пор, как стала Экзархом Каина, и её обычная эльдарская жизнь закончилась. И всё же в её чувство благоговейного страха закралось что-то похожее на горечь.

«Почему это была не я?» - мысленно спросила она себя.

Ясновидец и Архнир Адсулата хлопотали вокруг алтаря, укладывая странно изменившееся тело Найса на его пылающую, покрытую паутиной поверхность, словно подношение Каину или Флюир-герну, кто бы ни пожелал. Юный ученик потерял сознание и вывалился из огромной плетёной корзины над ареной. Он был истощён и полностью обессилен, словно бы его напряжение за время отсутствия остальных вытянуло из него всю энергию. Его кожа выглядело как-то

неестественно, словно была керамической, как если бы сразу под ней сформировался слой тонких кристаллов, и Найс, казалось, был не в состоянии закрыть свои серебряные глаза, которые покрылись чёрными прожилками в виде отражения паутины, захватившей его душу. Его взгляд был прикован к золотому доспеху над алтарём, глаза остановились на нём и всё ещё были расфокусированы.

Силти стоял рядом с Хукулином в проходе, который вёл в святилище, всё ещё опираясь на старого воина. Они наблюдали за происходящим не в силах поверить в случившееся. Прошло всего несколько часов с того времени, когда они отчаянно сражались за честь Анскара в Проходе Улы, а теперь они были в святилище Пауков Варпа с Сиятельным Ясновидцем, и наследник Анскара балансировал на краю зловещего метастаза. Где-то в глубине своего разума Силти задавался вопросом, являлось ли это конечной целью событий прошедших дней: его собственное возвышение от статуса ученика раньше, чем Найс -- чем он так гордился -- а затем

безнадёжное сражение с Тейрту. Все эти события были тайно подстроены лишь для того, чтобы вызвать трансформацию Найса? Всё это было в конечном итоге ради Найса, а не ради него? Несмотря на явное страдание своего кузена на алтаре, Силти не смог подавить волну огорчения, которое тонкой струйкой сочилось в его душу. Он всегда будет оставаться в тени Найса?

Даже из прохода они могли видеть конвульсии Найса. Его тело внезапно затвердело, а затем обмякло, словно все его мышцы по очереди испытывали спазм. Его тело изменялось на их глазах, а глаза, казалось, кричали от нестерпимой и ужасной боли, словно бы в муках перерождалась сама его душа.

Когда Эйнгил поспешила вперёд, чтобы помочь Адсулате удерживать юношу, ясновидец отступил от алтаря и начал шептать песнь. Он касался своими пальцами друг друга в сложной последовательности фигур и движений, порождающими тонкие пучки ша'эйль, срывавшиеся с его рук и стекающими по

бьющемуся телу Найса, покрывая его запутанной сеткой из нитей, которые, казалось, успокаивали его и сдерживали беспорядочные движения.

В это же время маленькая Эла протолкнулась между Силти и Хукулином внутрь святилища. Она медленно подошла к ясновидцу и остановилась сбоку от него, наблюдая за его действиями с искренним интересом. Она, казалось, была спокойна, и состояние брата нисколько не удивляло её, она совершенно спокойно стояла рядом с Ясновидцем Ривалином, словно бы это место принадлежало ей. Со своей стороны Ахирн искоса бросил на ребёнка-провидца короткий взгляд со слабым намёком улыбки на своём лице, прежде чем снова вернуться к субъекту, лежащему поблизости.

Через несколько мгновений конвульсии Найса ослабли и затем совсем прекратились, оставив его лежать на алтаре в умиротворении, покрытым плотной паутиной ша'эйль. Эйнгил и Адсулата отпустили его конечности и отступили назад, позволив вздоху

облегчения пронестись по святилищу. События, казалось, находились под контролем.

Очень медленно, тело Найса начало светиться. Свет струился по нитям сети ша'эйль, которые покрывали поверхность его тела, словно усиливая их и питая энергией от некого невидимого источника. Скоро он купался в свете, и паутина, которая покрывала его, превратилась в кокон, который обёртывал его как куколку.

Тем временем Ахирн продолжал монотонно петь, и тонкие струйки энергии струились с его рук. Спустя несколько мгновений пространство вокруг Найса начало пульсировать, словно становясь нестабильным, а затем тонкие вьющиеся ростки света стали ползти вверх в поисках доспеха Ликосидая, который уже ярко пылал золотым светом.

Скоро тянущиеся ростки света слились в сверкающий ствол энергии, соединив иссушённое тело Найса с всё ярче сияющими очертаниями доспеха над ним. Он пульсировал и вспыхивал с гармоничным ритмом, словно бы

святилище Пауков Варпа заполнило течение самой жизни. Руны и символы на стенах вспыхнули ещё ярче, так как в этом месте мощные потоки ша'эйль кружились возле тонких сосудов бесконечного цикла, как если бы в храме разыгрался сам дух Каэлора, тело же Найса слабело на глазах и становилось всё более и более прозрачным.

Вспышка сверкнула, подобно взрыву, а затем из священной залы словно бы внезапно высосало весь свет. Когда руны снова вспыхнули, тело Найса исчезло с алтаря, оставив лишь спутанный клубок призрачных нитей, трепещущих подобно жертвенному пламени в лёгких порывах фаэрула, который повеял прохладой в святилище. Казалось, словно бы вся энергия из юноши была выпита без остатка.

Осторожно, словно завершая деликатный процесс, Ахирн прекратил пение и разжал руки. Прежде чем посмотреть вверх на блеск золотого доспеха, он опустил взгляд на крошечную фигурку Элы Аш'бэль сбоку от него. Словно внезапно исполнившись отеческой

гордостью и участием, он протянул руку и положил её на гладкое плечо девочки.

Другие в изумлении смотрели на золотой доспех с нескрываемым трепетом. Он медленно повёл плечами и повернул шею, словно просыпаясь от долгого сна и разминая ноющие суставы и одеревенелые мускулы. После этого с лёгкой непринуждённостью он освободился от приспособлений, которые удерживали его в крестообразном великолепии над алтарём, и спрыгнул на пол.

Он был ниже, чем ожидали другие, возможно на целую голову ниже Силти. Его облик был величественно прост, он походил на Паука Варпа в доспехе, только без громоздкого ранца варп-генератора на спине. Из его предплечий торчали, подобно клыкам, длинные, изящно изогнутые клинки, а конечности были покрыты крошечными, ядовитыми, похожими на волоски, щетинками, немногим более пары микрон в диаметре, но внимание присутствующих эльдар всецело привлекли его глаза. Несмотря на то, что шлем доспеха на его плечах был полностью

закрыт, его глаза, казалось, светились живым светом. На нём не было никакого намёка на визор или аугментические вставки. Казалось, что у самого доспеха были глаза, и они сияли серебряным светом, в плену которого находились все собравшиеся. На них был заметен чёрный узор в виде паутины, словно это были смертельные ловушки для любого, кто имел неосторожность сбиться с истинного пути.

Казалось, только Эла не была поражена присутствием этого ужасного существа. Она стряхнула руку Ахирна и пошла прямо к Ликосидаю, протянула руки и обвила их вокруг золотой талии доспеха, словно обнимала родственника. В ответ, не произнеся ни слова, он положил рукавицу на её голову, мягко прикоснувшись к ней.

Эла кивнула и махнула рукой в сторону алтаря, который тут же задрожал, а затем провалился под землю, словно его опустили вниз с помощью какого-то механического устройства. Позади него в нише стены святилища показались три трона. Тот, что в центре,

который был украшен ядовитыми клыками, был Троном Призрачного Паука, и величественно сиял золотым блеском. Слева за посмертной маской, ниже стоял трон меньшего размера, который принадлежал Колдуну Араконид. На последнем троне, который стоял на земле ниже двух первых, был вырезан знак экзарха.

Найс в молчании поднялся на подножие Клыкастого Трона и занял место легендарного Призрачного Паука, маленькая Эла аккуратно уселась рядом с ним на сиденье трона колдуна. Их взгляды были направлены на ясновидца и экзарха, их поразительно сапфирные и серебряные глаза светились яростью Ансгара. В храме раздалось резкое потрескивание молний варпа, словно надвигалась ужасная буря. Адсулата глубоко поклонилась, а Хукулин упал на колени, увлекая за собой Силти.

ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО

Святыни Флюир-герна сильно изменилось. Айден приказал очистить его от всех

следов присутствия Пауков Варпа, из Храма Огненных Драконов прибыл отряд Воинов Аспекта, чтобы очистить пространство своим священным огнём. Экзарх Фуэрган мгновение колебался, прежде чем согласился исполнить просьбу, обдумывая последствия ритуального очищения для Договора Руля Азурия. Он был прекрасно осведомлён о том, что Эйнгил уже нарушила соглашение, но он также знал, что другие экзархи оставались едины в свое неприятии бесцеремонных действий Пауков Варпа. Он не хотел следовать её примеру.

В итоге Фуэрган решил, что очищение было просто церемониальной обязанностью, а не политическим вмешательством, и чувствовал себя вынужденным предоставить очищающий огонь своего Аспекта как наиболее благоприятный способ очистить самое священное место на Каэлоре. Было лучше, что Огненные Драконы сделали это должным образом, чем позволить Стражам Тейрту всё испортить. Тот факт, что очищение представляло собой

главным образом разрушение тонких, старинных призрачных сетей, которые с давних пор пронизывали полумрак святыни, было случайностью или чем-то вроде этого, сказал он себе.

Хранителей, которых убила Эйнгил, заменили новички из школы святыни, и группа из шести облачённых в мантии с капюшонами эльдар стояла перед знаменитым Четырёхгранным Алтарём в конце главного прохода. Натренированная неподвижность делала их лишь немногим менее похожими на прекрасные статуи, пока они ожидали, когда Айден и его свита проследуют вдоль прохода.

Жоган Каэлора важно шагнул в проход, держа перед собой подобно слезе Иши горящий бледным светом драгоценный камень души Йзульт. С одной стороны его сопровождал Экзарх Яростных Мстителей Лэйргнен, который прибыл, чтобы отдать последний долг уважения погибшей дочери мести, а с другой стороны шла Ориана, которая несла своего сына, словно подношение богам. Позади них несли оболочку Йзульт, которая лежала на

той же самой платформе антигравитационных носилок, на которых её в спешке увезли из Прохода Улы. Это было простое и грубое устройство, с отметинами и царапинами, оставшимися после долгого использования, его края окаймляли капли пролитой крови, и оно вряд ли подходило для возвышенной церемонии в Святыне Флюир-герна.

Позади носилок следовал почётный караул Йзульт. Несмотря на обожжённые и поцарапанные боевые доспехи, поверх их плеч были почтительно наброшены плащи. Ни у кого не было возможности переодеться в церемониальную одежду. Айден был настолько рассержен похищением ясновидца и так убит горем из-за перехода Йзульт, что он направился прямо в святыню, как только парад победы достиг Площади Ваула.

Из-за его неподобающей поспешности у Нэвир не было возможности присоединиться к кортежу и, таким образом, ни один из них не присутствовал. В отличие от положения дел во время Церемонии Перехода Владычицы Айони,

Айден даже не остановился, чтобы подумать о политических последствиях такого неуважения.

В конце, позади процессии шёл Морфрэн. Он припадал на простреленную сюрикеном ногу, изо всех сил стараясь не отставать от других, отметина от руки отца на его лице всё ещё оставалась свежей и красной.

В тишине Айден поднялся по ступеням к Четырёхгранному Алтарю и опустился на колени. Его сопровождали четыре хранителя святыни, по два с каждой стороны, тихо напевая могущественные заклинания, чтобы очистить его путь и подготовить Флюиргерн к переходу Йзульт. Просто и сурово, без церемоний, как это следовало из его военного наследия, Айден поместил камень души Йзульт в небольшое отверстие в виде слезы на алтаре и склонился в почтительном поклоне последнего прощания. Он пробормотал клятву мести и затем медленно поднялся на ноги. Даже хранители святыни, казалось, были удивлены краткой и грубой церемонией его

прощания, обычно Церемония Перехода такого прославленного эльдара могла занимать несколько часов, и не была столь стремительной. Она обязана быть церемонией прощания, ритуалом перехода как для тех, кто остаётся позади, так и для тех, кто уходит. Для Айдена это, казалось, было просто необходимой формальностью: дамашир Йзульт должна быть предана святыне Флюир-герна.

Повернувшись лицом к кортежу, он подал знак, чтобы хранители святыни спустились вниз со ступеней и оставили его стоять в одиночестве у алтаря. После этого он посмотрел в дальний конец прохода поверх голов экзарха, Орианы и почётного караула, поймал взгляд покрасневших глаз Морфрэна и заглянул в них с нескрываемым отвращением. Он всё ещё помнил восторженное возбуждение, которое его сын выказал, когда они находились в святыне в прошлый раз, и невольно подосадовал от мысли, что это был его собственный наследник. Что он сделал неправильно? Морфрэн всегда был таким развращённым и потворствующим

своим прихотям тьюрейр-йугом, или он так изменился, когда Тейрту сделали Сентриум своим домом? За одно мгновение Айден осознал, что многое изменилось в Доме Тейрту, с тех пор как он пришёл ко двору, и не все эти изменения были к лучшему. Конечно, их жизнь стала богаче и комфортней. У них появилось больше времени для изысканных, художественных и чувственных занятий, которые доставляли удовольствие и служили отличительными признаками Нэвир на протяжении веков каэлорской истории, но они утратили дисциплину и строгость Пути Воина; он почувствовал, что они утекают сквозь пальцы, как талая вода. В этот миг откровения, он понял, что что-то вроде истерии таится и в его разуме. Ненормальная и неожиданно неукротимая жажда войны начинала пожирать его душу. У него ещё оставалось достаточно самообладания, но он чувствовал, что оно уменьшается, и он стал рефлексивен настолько, чтобы спросить себя, было ли осуществление его амбиций стать Жоганом ясновидца

одновременно и началом его безумия?

- Сегодня мы стали свидетелями больших перемен на Каэлоре, подобно тем, каких мы не знали со славных и ужасных дней Династических Войн, - объявил он, его голос резонировал и разносился эхом по святыне и дальше на Площадь Ваула. Он не спускал своих застывших в ярости глаз с Морфрэна.

- Сегодня мы потеряли великого воина и сильную душу. Йзульт Тейрту-ан, дочь мщения, была безупречным и достойным эльдаром, подобно которому нам редко выпадало счастье встречать. Я сожалею. -- Он сделал паузу, с негодованием глядя при всех на своего сына. -- Я сожалею, что она принесла обет верности моему Дому, и что я не принял её в свою собственную династию, чтобы я смог назвать её своей наследницей. Несмотря на то, что сегодня была одержана великая победа Дома Тейрту и Сиятельного Двора Олипсина, от имени которого мы побеждаем пороки Каэлора, сегодня мы также потерпели поражение.

Он не был уверен, что смог выразить

это. Тяжесть потери была больше, чем его способности оратора.

- Мы также лишились нашего ясновидца. -- Он всегда считал, что простота подходит воинам лучшим образом, и хотя он знал, что Нэвир сочтут это вульгарным, других инструментов в его распоряжении не было.

Поскольку по кортежу и толпе снаружи прокатился шёпот сдерживаемого потрясения, Айден продолжил, практично пользуясь сложившейся ситуацией, в которой они теперь оказались.

- Сиятельный Ривалин, от имени которого я был назначен Жоганом Каэлора, не ушёл из этого мира, он просто был похищен из своего домена. Его увели насильно вероломные Пауки Варпа из домена Ансгар, - продолжал он, с обвинением глядя на Морфрэна. -- Я клянусь вам, что вызволю его у негодяев, и что нечестивцы будут повержены моим клинком. В настоящее время, чтобы продемонстрировать нашу верность и преданность династии Ривалин и славному дому ясновидца, мы присвоим

титул ясновидца нашему собственному наследнику, так чтобы мы могли продолжать идти в бой от его имени.

Ропот возмущения послышался снова, на сей раз он был громче и враждебней. В это же время глаза Морфрэна округлились от радостного изумления. Он едва мог поверить, как здорово всё устроилось. Он думал, что его отец был действительно взбешен тем, что он потерял ясновидца, но, оказалось, это было лишь уловкой для толпы, и что он должен быть вознаграждён величайшим из всех возможных призов. В конце концов, как, в самом деле, мог возражать Айден против устранения последней помехи неограниченной власти Тейрту на Каэлоре. Сначала они отделались от Кервина, а теперь и от старого Ахирна. Он оказал услугу своему отцу! Он начал проталкиваться вдоль прохода к алтарю сквозь почётный караул Йзульт, спотыкаясь и хромая на своём пути.

- В этой нерушимой Святыне Флюиргерна, во имя священного имени Сиятельного Ривалина, чьим законным

представителем в Сентриуме я теперь являюсь, - объявил Айден, подавая знак хранителям святыни к действию. -- Я сим присваиваю юному Тьюри титул и привилегии ясновидца, и клянусь служить ему в качестве Жогана так долго, сколько на это будет воля Азуриана.

Как и Нэвир, Айден знал, что не смог бы удерживать контроль над Каэлором без имени и символики Дома Ривалина на своей стороне. Один представитель этого Дома всегда должен быть покровителем Тейрту, подобно тому, как сам Ахирн был его покровителем во время Династических войн. Теперь, когда Кервин скончался, могло статься, что его собственный глупый и неуклюжий сын фактически открыл двери к трону перед Тьюри Тейрту из династии Ривалин. Даже если он не сможет вернуть живого Ахирна, у Айдена должны оставаться карты, чтобы выиграть эту партию.

Морфрэн замер на своём пути и посмотрел вверх на тонкую, рассчитанную улыбку отца с оскорблённой ненавистью во взгляде. Тем временем волны слухов,

толвы и тайн захлестнули Сентриум подобно наводнению.

Глава седьмая. Хукулин

СТОЯ У основания треснувших ступеней Храма Пауков и глядя вверх на сломанные серповидные двери, Хукулин ждал с дрожью в сердце. На его плече всё ещё висело израненное и шатающееся тело Силти, и вокруг них уже начинали собираться другие эльдары домена. По лесу быстро распространились слухи о прибытии ясновидца, и многие уже слышали о силе, которая сотрясла храм. На поляне перед обвалившимся храмом собрались десятки эльдар различных данир, и к ним постоянно продолжали присоединяться другие. Атмосфера была насыщена нетерпением, словно бы толпа знала, что должно было произойти что-то важное.

Как и другие, Хукулину в юности рассказывали истории о Призрачном Пауке – легендарном Ликосидае. Он знал мифы о фантастическом происхождении и пророчествах о появлении странного существа, но никогда по-настоящему не

верил в них. Он всегда предпочитал доверять реальной, материальной силе своих ведьминых клинков. Он следовал за Бедвиром в бессчётное множество сражений без потребности в чём-либо мифическом или сверхъестественном, чтобы поддерживать его. Преданность лорду и его дому сама по себе была наградой, и поклясться в верности кому-то ещё было либо тщеславным заблуждением, либо трусостью. Верность была заслужена мужеством и делом, а не одним лишь видом сверкающего золотого доспеха. Молодой Силти заслужил своё место во главе дома в сражении со Стражами из Предела. Инфантильный Найс не выдержал испытания, и сейчас было не время гоняться за призраками, не зависимо от того чьими призраками они были.

Он до конца не знал, что произошло в святилище с сыном Бедвира, но он не собирался поклоняться вымышленному герою только из-за притягательной красоты легенды. Ему были нужны какие-то доказательства. Он ругал свою собственную слабость, когда осознал, что

упал на колени после того как Найс занял своё место на троне. Это зрелище внушило ему благоговейный страх, но он не был одним из изнеженных Нэвир, которые будут любить до безумия только лишь из-за красоты или эмоционального резонанса легенды. Правда должна быть найдена на наконечнике меча, а не на выбитой долотом ремесленника мифической истории.

На толпу опустилось молчание, когда Найс и Эла вышли наружу из разрушенных дверей. Позади них из внутренних покоев храма появилась внушительная фигура экзарха Эйнгил, а рядом с ней, тяжело опираясь на посох, словно находясь в состоянии полного упадка сил, едва волочил ноги ясновидец. Словно во время триумфального выхода на театральную сцену четыре фигуры остановились на верхней ступени, купаясь во внимании публики перед ними.

Хукулин мог чувствовать желания собравшихся эльдар; они хотели верить, что эти дети были их спасителями. В воздухе витало отчаяние, родившееся за

годы лишений, и новой тревоги, вызванной разрушением Храма Пауков и неожиданным прибытием ясновидца. Эмоции были накалены до предела, и они искали выход. Вспышка надежды до краёв заполнила поляну, смешиваясь с могущественной силой, которая стремилась захлестнуть все разумы. Это был тот вид крайнего возбуждения толпы, к которому были способны только эльдары, их чувства были настолько сильны, что они могли оказывать воздействие на материю мироздания. Принимая во внимание значительное количество сосредоточенных на одном и том же эльдарских душ, они могли изменить галактику, как они это однажды сделали во время Падения. Печально и одновременно к счастью, более не осталось достаточного количества детей Иши, способных вызывать изменения такого масштаба, хотя внутри Флюир-герна содержалась мощная сила для одного, кто мог совладать с этим.

Найс ничего не сказал, когда обвёл взглядом множество эльдар, которые

собрались перед ступенями. В первый раз с того дня, когда его привезли из Сентриума после казни отца, он переступил порог серповидных дверей. Домен выглядел по-другому, но и его глаза также изменились.

Он шагнул вперёд, оставив Элу одну с Эйнгил и Ахирном, и медленно поставил свою бронированную ногу на первую ступень, ведущую вниз. Когда он сделал шаг, собравшаяся перед святыней толпа опустилась на колени. С поляны поднялась тихая, почти неслышная песнь, возносящаяся к святыне, подобно приливу, притягиваемому луной. Это был дух посвящения. Только Хукулин и Силти остались стоять на ногах, пристально глядя на внушающую страх золотую фигуру.

Игнорируя благоговение оставшихся в живых эльдар Ансгара, внимание Найса было немедленно привлечено к краям поляны. Он окинул серебристыми глазами внешнюю границу, словно со всех сторон увидел промелькнувшее движение. Едва различимый, отражённый блеск мелькнул из полутрака редкого леса, выдавая

присутствие эльдар, которые предпочли бы остаться незамеченными. Из тени сверкнули блеск отполированного оружия и слабое сияние старой, но хорошо сохранившейся брони.

В течение долгой паузы никто не двигался. Верная толпа ждала знака или слова от своего мессии. Они просили этого, их разумы кричали в тишине, умоляя Найса сказать, что он пришёл, чтобы привести их к спасению. Найс не подал виду, что услышал их призыв, и не выказал никакого признака, что видит их преданность. Его глаза продолжали внимательно изучать лес, разыскивая признаки угрозы, которая скрывалась в тенях.

В тишине Силти с трудом оторвался от плеча Хукулина и поднялся на три ступени вверх к серповидным дверям, усердно избегая поднимать взгляд от своих ног. Он остановился, обильно поливая кровью ступени храма, из которого совсем недавно вышел в потрескавшейся и повреждённой броне. Контраст со сверкающим золотом героем

мифов, стоящим на ступенях выше его, возможно, никогда не был столь разительным, и не в первый раз в сердце Силти вскипело негодование к избалованному сыну Бедвира. Повернувшись обратно к толпе, он изо всех сил старался сдерживать свои чувства.

- Смотрите сами и судите, - сказал он на грани слышимости. -- Ясновидец вернул своё благословение Дому Ансгара, и наследник Бедвира оказался в храме своих предков. Некогда, не так давно, Владычица Скрытой Радости Айони сделала пророчество, которое спасло жизни Найса и Элы. Нам остаётся предположить, что это пророчество претворяется в жизнь.

Он замолчал, внезапно осознав, что что-то тут не так. Как пророчество Айони могло спасти Найса и Элу от мстительной ярости Айдена, если бы оно гласило о возвышении Ансгара под их руководством?

- Я преклоняю колени перед законным наследником, - продолжил он, откладывая мысль в сторону, словно она была устройством, установленным в его разуме,

чтобы намеренно исказить его намерения.

Пока он говорил, он обернулся к храму, поднял свой взгляд вверх на золотой доспех, который величественно возвышался перед ним и вздрогнул, когда понял, что Найс даже не смотрел в его сторону. Словно Найс даже не замечал его. Он вглядывался вглубь леса как моряк, обозревающий горизонт.

По толпе пронёсся ропот, поскольку эльдары высоко оценили значение уступки Силти, отдававшего своё недавно завоёванное положение во главе дома младшему родственнику. Это был смелый и благородный поступок.

- Я не признаю этого вульгарного щенка! -- Низкий голос прозвучал с уверенностью и вызовом. -- Я не последую за этим юнцом только потому, что на нём столь красивый доспех! Он должен доказать, что достоин быть нашим лидером, как Лорд Силти уже сделал это, и как это сделал его отец до него. Мы не принадлежим к Дому Ривалина; наш дом опирается на силу и достоинство, а не на тщательно продуманные спектакли и

ритуалы.

Найс медленно повернул голову, наконец оторвав взгляд от деревьев и переведя свои серебристые глаза на стоящую перед ним дерзкую и гордую фигуру Хукулина, эльдары вокруг него расступились, оставив его стоять одного в пустом круге.

Подобно внезапному снегопаду, на поляну упала тишина, окутав затаивших дыхание эльдар, когда толпа пыталась предугадать, почему был брошен этот вызов. Большинство из них знало Хукулина. Они знали, что он ничего не делал без серьёзной причины, и что его вызов имел какую-то цель. Он был воином чести. Дух недоверия быстро распространился по толпе, ведь если Хукулин имел какую-то причину, они не могли сказать, что он не прав.

Со своего места на ступенях Силти оглянулся, чтобы убедиться, что его слух не обманул его. Он не мог поверить, что Хукулин это сказал, особенно после того как он сам публично отказался от своих прав. Хукулин был с ним в святилище

храма, когда произошёл метастаз. Он видел превращение Найса. В чём могла состоять его цель? Оставалось ли в действительности какое-то место для сомнений?

Его убьют, подумал Силти, словно такой исход был уже неизбежен. Спустя мгновение паники он быстро оглядел край поляны со своего возвышения, глядя поверх голов толпы, чтобы понять, был ли какой-нибудь способ вытащить благородного воина из этой ситуации. Там ничего не было, но в полумраке деревьев он увидел металлический блеск: это было оружие в умелых руках. Он прищурился, стараясь разобрать больше деталей, а затем понял, что эльдары, прячущиеся среди деревьев, носили изодранные в лохмотья одежды цветов Ансгара. Их были десятки. Возможно, более сотни скрывались в лесу вне поля зрения.

Что ты делаешь? – спросил он, быстро возвращая своё внимание к Хукулину. – Каким образом ты надеешься остаться в живых?

Если я останусь в живых, то в этом

не будет никакого значения. Если я умру, я покажу Ансгару как жить, - ответил Хукулин, его глаза сияли обещанием смерти.

Внезапно Найс спрыгнул с верха лестницы, переворачиваясь в медленном, закрученном сальто, когда он по дуге перелетел поверх ступеней и приземлился на поляну посреди быстро расступившихся эльдар. Он стоял лицом к лицу с Хукулином и отвесил ему короткий поклон, отдавая ветерану дань уважения из-за его возраста. На мгновение их глаза встретились, и Хукулин увидел ужас, который притаился в центре чёрных паутин в глазах Найса.

УДЕРЖИВАЯ ГОРИЗОНТАЛЬНО перед собой древний лютый меч, словно драгоценную реликвию, Айден стоял в середине центрального четырёхугольного двора Храма Яростных Мстителей. Внутри было темно, лишь слабый фиолетовый свет заливал пространство, и Айден вдыхал воздух, как засыхающее растение впитывает воду. Впервые за

долгие годы он чувствовал себя так, словно был один в этом мире. Его нелепый сын вернулся во Дворец Ясновидца, а почётный караул покинул его в главных воротах храма, зная, что на Каэлоре есть не много мест более безопасных, чем Святыня Мщения.

Прекрасный клинок, не правда ли? – Мысли исходили словно бы из ниоткуда и одновременной отовсюду.

Айден улыбнулся, но он не обернулся и не посмотрел вокруг. Прошло уже много времени с тех пор, когда он зависел от милосердия Экзарха Лэйргнена, и в течение одного мгновения он наслаждался беспомощностью жертвы. У Лэйргнена был особый талант заставить склонить голову даже прославленных посетителей своего храма, в котором он был бесспорным хозяином, и Айден почувствовал свою собственную уязвимость подобно бодрящему порыву ледяного ветра. Это вызвало у него дрожь. Скучная, роскошная безопасность Сентриума уже почти заставила его забыть, что значит чувствовать страх смерти. Он почти

забыл, что значит быть живым.

Это был подарок моему лучшему ученику.

- Это был поистине редкий подарок, квихан, - ответил Айден, обращаясь к своему бывшему наставнику как ученик.

Позади него раздался лёгкий, но отчётливый звук, и Айден понял, что Лэйргнен только что спрыгнул с одного из балконов, которые окружали внутреннюю поверхность полого шпиля над площадью. Это было одно из его типичных приветствий, и оно всегда производило впечатление.

Много времени прошло с тех пор, как ты удостаивал посещением эти стены.

- Я пришёл, чтобы возвратить тебе этот клинок, - продолжил Айден, поворачиваясь лицом к экзарху. -- Лютый меч -- символ вашего Аспекта, и он должен быть здесь, с вами.

Лэйргнен молча протянул руку и взял у Айдена меч, глядя на него с любовью, словно это был потерянный ребёнок.

Я благодарен, что ты совершил эту поездку в такое время, как сейчас, чтобы

возвратить меч. -- В тоне экзарха сквозило недоверие. У него не было причин опасаться этого Жогана, и его прямая манера говорить была лишь самую малость окрашена формальной почтительностью.

Это прекрасный клинок, - признал он, словно объясняя мотивы Айдена.-- Он когда-то принадлежал твоему отцу, Айден, утверждают, что он содержит душу Нэлзара, одного из вождей Диких Наездников Сейм-Ханна, захваченного во время Войн кораблей. Несомненно, он обладает неукротимой яростью такого дикого воина, и ему требуется владелец, обладающий исключительной дисциплиной и умением. В любом случае я рад иметь напоминание о моей потерянной Йзульт. Признаюсь, я надеялся, что в назначенное время она вернётся к Мстителям. Она могла бы стать грозным и справедливым Экзархом Каина, но Владычица Айони предупредила меня, что этого не произойдёт.

- Я приехал сюда не только, чтобы возвратить меч, квихан, - признался Айден

более резко, чем ему бы хотелось. -- Я приехал сюда, чтобы попросить твоей помощи.

Ты хочешь, чтобы Мстители сражались на твоей стороне. Ты хочешь, чтобы мы обратили наше мщение против Ансгара и против Пауков Варпа в их пределах. -- Лэйргнен поднял взгляд от меча и уставился на Айдена. -- Твои мысли открыты, мой лорд. Ты всегда был эмоциональным воином, Айден; в этом состоит и твоя самая пьянящая сила, и твоя наиболее огорчающая слабость. Это делает тебя могучим воином в сражении, но оно также делает тебя предсказуемым.

- Они должны заплатить за то, что сделали, квихан. В данном случае ты не можешь отрицать значимость или силу мщения. Меня учили использовать её в этом самом зале. Они оскорбили Тейрту, и они оскорбили Каэлор, а я -- Победитель Порока. Также они лишили нас звезды во тьме нынешних времён, и мы должны отомстить за уход Йзульт.

Она приходила ко мне перед кончиной, - медленно ответил Лэйргнен, словно не

слыша слова Айдена. – И она просила, чтобы я нарушил соглашение и встал рядом с ней на твоей стороне. Я отказал, Айден. Имеются куда большие проблемы, чем рок Йзульт или Дома Тейрту в этой истории, и роль Соглашения Шлема Азуриа должна быть сыграна на Каэлоре в будущем. Разве ты не видишь, что происходит в Сентриуме? Ты был настолько одержим местью и делами поверженного Дома Ансгар, что не обратил внимания на то, что происходит прямо под твоим носом? Разве ты не замечаешь потрескивающую энергию Вихря, бегущую по венам Каэлора? Искусственный мир находится в опасности, Айден Тейрту, Жоган Двора Ривалина. Есть грешники, которых нужно одолеть, и ты должен набраться решимости и увидеть, что произошло.

– Ты поддержишь меня или нет, Экзарх Лэйргнен? – спросил Айден прямо.

Он не нуждался, чтобы этот Экзарх Каина читал ему лекцию. Было достаточно того, что он был вынужден терпеть перешёптывания и двуличную

критику Нэвир. Владыкой Сентриума был он, а не они. Он был Жоганом.

- Я не прошу, чтобы вы пошли на войну с Домом Тейрту, так как я знаю, что вы поклялись не делать этого, несмотря на предательство Эйнгил. Я прошу только помощь, чтобы совершить набег, отомстить за убийство Йзульт и вернуть ясновидца. Обе цели достойные Мстителей, квихан.

Ты не намереваешься захватывать домены Ансгар?

Айден сжал зубы.

- Я понимаю, что ты был бы не в состоянии принять участие в такой акции, экзарх, и я не прошу тебя об этом.

Ты не ответил на мой вопрос, лорд Айден.

- Ты не хочешь, чтобы я отвечал на твой вопрос, Лэйргнен! Ты хочешь отомстить за смерть своей ученицы, и то, что я сказал, поможет тебе сделать это с чистой совестью, не нарушая соглашение. Если в то же самое время идиот Морфрэн решить начать вторжение, это будет просто печальным

совпадением, вызванным неуклюжим дураком. Я прошу лишь об ударе мести, а не поддержки в политической войне. Что ты совершаем в неведении, то мы делаем без греха, - улыбнулся Айден.

Ты совсем стал политиком с тех пор, как переселился в Сентриум, Айден, - кивнул экзарх. - У тебя будут Мстители.

В ОТСУТСТВИЕ ясновидца Морфрэн сидел за столом на его месте. Его забинтованная больная нога опиралась на край стола, производя впечатление расслабленности, а не боли. В его руке был почти пустой графин с Эдрисианом, который, несомненно, помог облегчить страдания его раздробленной конечности, которые он нанёс сам себе. Напротив него сидела восхитительная Синния, одетая в изысканное платье из шифона красного цвета сестёр Ютран. Она держалась свободно и без чувства неловкости. Рядом с ней сидел статный Селиддон Оссиан, чьи великолепные одежды и золотые глаза заставляли других думать о роскоши всякий раз, когда они смотрели на него.

Каждый из них в первый раз был высоко в башне в палатах ясновидца без Ахирна, тяжело волочащего ноги рядом со своим посохом, достающего напитки и удостоверяющегося, что его гостям комфортно.

- Я не могу поверить, что ты выстрелил себе в ногу! -- смеялась Синния, откидываясь назад в кресле, словно это был диван. -- Это было настолько ясно. Даже этот сдержанный ханжа Уйшнех видел тебя насквозь!

- Мне больно, - стонал Морфрэн, словно напрашиваясь на некое сочувствие.

- Поделом тебе, неповоротливый тьюрейр-йуг, - возразил Селиддон.

- Возможно, я должен был выстрелить в тебя? -- засмеялся Морфрэн, осушая графин, а затем швырнул его через стол в Селиддона.

- Зачем тебе было надо стрелять в кого-либо? -- спросила Синния. -- Ты действительно думал, что Айден поверит, будто бы ты боролся с Пауками Варпа, и что они выстрелили тебе в ногу, когда ты стоял между ними и Ахирном?

- Имеет ли значение, чему он верит? - ответил Морфрэн. - В любом случае для него уже почти слишком поздно, чтобы что-то изменить.

- Почти, но не совсем, - сказала Синния, становясь внезапно серьёзной. Она наклонилась вперёд над столом. - Пророчество ещё не свершилось. Мы должны сохранять бдительность, иначе всё будет потеряно.

Она обвела комнату расслабленной рукой, указывая на то, что она имела в виду.

Остальные замолчали, как если бы внезапно осознали важность ситуации, а Синния поднялась на ноги. Она провела рукой по поверхности стола, стряхивая с него бокалы и пустые графины, которые зазвенели по полу и разбились в лужицах дымящейся жидкости. После этого она забралась на стол и села со скрещенными ногами в середину, разложив свои одежды вокруг себя в несоответствующем приличиям виде.

Закрыв глаза и переплетя пальцы на коленях, провидица Ютран завела

шепчущее, усиливающееся песнопение, которое быстро наполнило палату трепещущим вибрациями. Остальные посмотрели вверх на потолок, где в сиянии начало появляться, словно написанное маслом, изображение. Вначале оно было размытым, но быстро приобрело плотность и завершённость, открывая вид звёздных глубин космоса, в которых плавала массивная конструкция Каэлора. Звёзды сдвинулись в сложном параллаксе, показывая движение гигантского искусственного мира, но в характере этого движения было что-то странное, как если бы путь Каэлора был каким-то образом закрученным или искривлённым. Звёзды, казалось, двигались по пологой дуге, словно искусственный мир мало-помалу закручивался по широкой спирали.

Когда сцена сдвинулась, картину окаймила грань пурпурного цвета. Она становилась всё более яркой и насыщенной, когда обширное, клубящееся облако энергии варпа подобно крови выступило в центре картины. Его подчёркивали глубокие раны, светящиеся тёмным светом, и яркие

болезненные шрамы, которые, казалось, закручивались и сгущались в вызывающие тошноту хаотические узоры. На границах огромного варп-шторма ледяная материя космоса реального мира, казалось, скручивалась и кровоточила, словно пустоту глубокого космоса затягивало в кипящий водоворот.

Морфрэн посмотрел внутрь движущейся картины и широко улыбнулся.

- Осталось не слишком много, - сказал он, в волнении с трудом проглатывая воздушный пузырь, когда говорил. -- Мы почти там.

- Ты уверен, что это сработает, Морфрэн? -- спросил Селиддон.

Вид вихря заставил его вдруг усомниться в их плане. Это не было похоже на небеса чувственных и изысканных удовольствий, которые были ему обещаны. Это было похоже на ад.

Синния задохнулась от внезапного волнения и открыла глаза, которые от концентрации горели кроваво красным цветом.

- Это сработает, Селиддон Оссиан.

Мы заключили соглашение, и оно будет исполнено. - При этом её голос стал необычно резким, словно бы вообще не принадлежал Синнии. Он звучал так, как если бы что-то говорило через неё. -- Всё идёт в верном направлении, и скоро будет много душ, чтобы утолить нашу жажду.

Морфрэн устехнулся от такой перспективы, но по его телу прошла невольная дрожь, словно бы сама его плоть восставала против окончательного упадка его разума. В течение короткого момента он пристально разглядывал невозмутимую демоническую фигуру Синнии, мысленно прикасаясь к её коже, которая проглядывала из-под её шифонового платья, а затем поднял взгляд на крутящийся вихрь. Он не мог поверить, что Каэлор подошёл так близко к этому кипящему котлу варпа без какого-либо предупреждения или сопротивления. Ведь сыны Азуриана потратили все эти долгие века, начиная с Падения, в попытке избежать похотливых прикосновений Великого Врага, а теперь Каэлор оказался балансирующим на самом краю жаждущей

преисподней. Словно бы Ясновидец Ривалин сам подстроил это, потворствовал или, как минимум, позволил этому случиться.

В глубине души Морфрэн даже задавался вопросом, а не создали ли этот крутящийся ураган потакающие свои страстям души Нэвир, как проявление их совокупной развращённости. Эта мысль была настолько восхитительной, что заставила его поёжиться на своём кресле. Синния моргнула, закрыла пылающие глаза, а когда снова открыла, они имели свой обычный чистый зелёный цвет.

- Нам только надо ещё несколько душ, - сказала она, ложась на спину вдоль стола между ними обоими, словно была физически истощена от потусторонних и загадочных усилий. Она вздохнула, чувствуя последние покалывания удовольствия, дыхание которого ощущалось на её фарфоровой коже под невесомыми одеждами.

ВОЗВРАТИВ НАЙСУ его поклон, Хукулин резко взмахнул ведьминым клинками над своими плечами и легко

покрутил их в руках, играя плечами и разогревая мышцы. Тем временем толпа эльдар перед Храмом Пауков отодвинулась назад от дуэлянтов, оставляя широкий просвет в качестве арены для боя.

Без дальнейших церемоний Хукулин бросился вперёд, на бегу выписывая своими клинками восьмёрки. За пару шагов до Найса он выставил оружие вперёд и сделал выпад, устремляясь к противнику, словно брошенное копьё.

Для Найса это выглядело как в замедленном движении. Он видел, как старый воин мчался к нему, а затем всю свою энергию вложил в смертельный бросок, но он наблюдал за этим без интереса, как если бы его это совершенно не касалось. За момент до того, как острия клинков Хукулина должны были проткнуть его броню, он отступил в сторону, тогда как его противник продолжил двигаться по инерции мимо, споткнулся и упал вперёд. Это было смешно.

Он наблюдал, как Хукулин поднялся на ноги и снова бросился в атаку, с силой

выписывая сверкающими ведьмиными клинками сложные фигуры, одновременно нанося рубящие удары по диагонали сверху вниз, с выражением крайней ярости на его лице.

В этот раз Найс наблюдал за ним с большей долей любопытства. Вид этой атаки был оригинальным и интересным, и он видел страсть, рвущуюся наружу из Хукулина, но в ней не было никакой злобы, и Найс не чувствовал опасности. Он отступил на шаг назад, позволив клинкам просвистеть мимо его лица, отколов небольшие фрагменты от его маски, и насмешливо наклонил голову в сторону.

Хукулин ускорил своё движение, закручивая сверкающие клинки во всё более и более неистовые и стремительные фигуры, нарезая воздух вокруг невероятно быстрой фигуры Найса, который просто отступал в сторону всякий раз, словно выпады Хукулина не производили на него никакого впечатления.

Это приводило в бешенство. Найс даже не отбил ни одного выпада, не говоря уже о контратаке. Он только уклонялся

от всех ударов Хукулина, словно хотел совсем избежать сражения. На мгновение Хукулин усомнился, считает ли сын Бедвира его достойным противником. Он просто насмехается над ним?

Это не имело значения. Значение имело лишь то, что он посвятил свою жизнь на благо Дома Ансгара. Если Найс действительно был Призрачным Пауком из легенды, тогда Хукулин охотно отдаст свою жизнь, чтобы доказать это тем, кто усомнится в этом. Ансгару понадобятся все его силы, если он когда-либо снова бросит вызов Тейрту, и эта сила никогда бы не смогла быть собрана, если останутся сомнения относительно лидера дома. Даже Силти оказалось недостаточно, чтобы заставить воинов покинуть свои убежища в лесах.

Если бы он не был Ликосидает, то Хукулин бы уничтожил его и спас Ансгар от судьбы идти в безнадёжный бой за претендентом на трон. Если бы он убил Найса, сына Бедвира, то он сделал бы это на благо Ансгара, хотя он знал, что дом никогда бы не простил ему этого.

Так или иначе, жизнь Хукулина была закончена, но он давно выбрал смерть. Он выбрал её, увидев обвинение в глазах Бедвира, когда он умер на Площади Ваула. Он выбрал её в Проходе Улы, когда бросился в битву с одними клинками, но его обманули, лишив искупления благородной смерти. Или, возможно, его пощадили для того, чтобы он мог умереть лишний раз доказав преданность Бедвиру. Он уже был мёртв, и смерть больше не содержала для него тайн или страхов.

Он сделал выпад правой рукой, а затем развернулся назад вокруг своего левого бока, стараясь предугадать манёвр уклонения Найса, но оба выпада не достигли цели, поскольку золотой доспех легко увернулся от ударов.

- Сражайся со мной! -- завопил Хукулин, когда понял, что Найс даже не вытащил оружия. -- Не выставляй меня на посмешище!

По крайней мере, он думал, что достоин почётной и честной кончины, а не смерти неуклюжего дурака.

«Я заслуживаю большего, чем эта

насмешка,» - думал он, когда бросился вниз и замахнулся обоими клинками параллельно ногам Найса.

Следующие несколько мгновений для Хукулина прошли, словно в замедленном темпе. Он увидел, как золотые сапоги доспеха Найса поднялись в воздух в прыжке, приземляясь прямо на его качающиеся ведьмины клинки. Он наблюдал, как тело Найса приближается с невероятной скоростью, с хрустом опускается подошвами сапог на плоские стороны обоих его мечей, и выхватывает их из его рук. Автоматически Хукулин прыгнул вперёд, всем телом устремившись на золотого воина перед собой. На этот раз даже Найс не смог достаточно быстро уклониться, чтобы избежать столкновения, и Хукулин со всей силы врезался в него.

Найс даже не шелохнулся. Он был на целую голову ниже, чем старый страж, который врезался в него, но с тем же успехом Хукулин мог протаранить неподвижный столб. Он с треском ударился о живот Найса и обхватил руками его за пояс, стараясь повалить юношу на землю,

но это было бесполезно.

В свою очередь Найс протянул руки и захватил Хукулина за шею, откидывая Стража прочь от себя, и со щелчком сломал его мощную шею, как соломинку. Это было почти не намеренно.

Мгновение Найс стоял прямо с вытянутой рукой, с которой, словно тряпичная кукла, свисал обмякший Хукулин. Он посмотрел на меркнущий свет в глазах Хукулина и увидел в них вспышку ответной благодарности. Его собственные покрытые чёрной паутиной серебристые глаза смотрели безучастно и без понимания произошедшего, а затем он бросил мёртвого Стража Ансгара бесформенной кучей у своих ног.

Над всей поляной перед храмом повисла тишина, когда собравшиеся эльдары пытались понять то, что произошло.

Хукулин Ансгар-ан лежал мёртвый у ног наследника Ансгара, который отвернулся от самого преданного воина своего отца, словно бы он был ничем. Казалось, внутри этой величественной

золотой фигуры не было никаких чувств, ни раскаяния, ни боли, ни гнева и ни сострадания. Что это могло значить?

Когда Найс поднялся на первые несколько ступеней, проследовав мимо потрясённого Силти, и направился обратно к испуганному ясновидцу и маленькой Эле, по спокойному лицу которой бежали слёзы, он внезапно остановился. Он увидел, что экзарх отвернулась и шагнула назад через ворота внутрь разрушающегося храма. Но было что-то ещё. Он медленно возвратился к толпе и обвёл взглядом открытое пространство, внимательно исследуя линию деревьев, словно сканируя их взглядом.

На дальней стороне поляны послышался шорох листвы, и появилась одинокая фигура. Она стояла прямо и гордо на краю между лесом и поляной. В одной руке она держала длинную винтовку следопыта, в то время как вторая рука лежала на рукояти пистолета в кобуре, которая висела на ремне сбоку от её груди. Фигура была покрыта длинной мантией с

опущенным капюшоном, которая когда-то, вероятно, была роскошным плащом тёмно-синего цвета, вышитым серебристой нитью, но теперь материал был грязным и рваным, словно его не зашивали или не меняли долгие годы.

Спустя мгновение примерно в четверти расстояния от изгибающейся линии леса появилась ещё одна так же одетая фигура. Обеими руками она держала меч палач с длинным клинком, поместив его диагонально поперёк своей груди. Тогда как плащ и одежда эльдара были в плохом состоянии, элегантный клинок палача сиял безукоризненным блеском, словно его точили и полировали каждый день.

Затем ещё одна фигура выступила из листвы, на сей раз с большой сюрикен-катапультой, которую она держала, обхватив обеими руками. Затем другая, с богато украшенной огненной пикой, и ещё одна с чем-то походим на поющее копьё. Затем ещё и ещё, пока их не стало шестьдесят или семьдесят эльдарских воинов, которые выстроились серпом перед

Храмом Пауков Варпа.

Словно по единому, но невидимому сигналу более дюжины воинов, которые были скрыты среди толпы, собравшейся ранее, сбросили свои рваные, блёклые и бесцветные плащи, чтобы открыть синеву Ансгара, и вышли, чтобы присоединиться к своим собратьям у линии леса.

Более сотни Стражей Ансгара, как один перекинули когда-то великолепные тёмно-синие плащи через одно плечо и опустились на одно колено, ударяя кулаками в землю в знак уважения и преданности своему новому лидеру.

Найс стоял на ступенях храма, рядом с Силти, глаза которого расширились в изумлении от количества Стражей, которым удалось выжить в лесной зоне на протяжении всех этих лет. Затем его глаза снова сузились, поскольку он осознал, что они оставались в убежище, когда он пытался собрать силы для похода на Тейрту всего несколько дней назад. Они вышли ради Найса и его золотой брони. Они вышли из-за Хукулина, но они ничего не предложили ему.

Не произнося ни слова, Найс быстро обвёл взглядом коленопреклонённых воинов, словно в знак признательности. Затем он снова развернулся и пошёл по ступеням храма, легко пройдя мимо Ахирна и Элы, и скрылся из вида внутри, оставив толпу и Стражей в неопределённости относительно того, куда им следует направиться.

Глава восьмая. Эйнгил

СОБРАНИЕ ЭКЗАРХОВ не проходило уже с незапамятных времён. Много лет назад Храмы Аспектов пришли к соглашению, что их мощь нельзя использовать для достижения политических целей на Каэлоре. Они были полностью осведомлены, что тот или иной храм имели полную власть на других искусственных мирах, и что некоторыми самыми могущественными из величественных кораблей, такими как легендарный Биель-Тан, управляли советы воинов, в которых заседали вместе все экзархи. На Каэлоре это было сознательным решением, возвращением к мирным дням после ужасных Войн кораблей, которые и так едва не раскололи весь мир на две части. Гоури Сияющий созвал Собрание, вызвав каждого экзарха в палаты Олипсина, и представил перед их взорами потери Каэлора.

Войны кораблей продвинули Храмы Аспекта и великие дома из внешних

пределов в центр могущества, жизнь и безопасность всего Каэлора зависела от их воли. Они накопили обширные ресурсы, истощая материальные и экстрасенсорные запасы искусственного мира, чтобы создать как можно большие и лучшие армии. В конце Войн кораблей, когда Сейт-Ханн был окончательно отброшен, а Каэлор сорвался в свободное падение сквозь необъятность глубокого космоса, экзархи и патриархи домов оказались балансирующими на краю гражданской войны. У них были великолепные армии, готовые к действию и ждущие от них лишь единого слова. Они ждали, готовые выпустить на волю свою жажду крови против любого врага, на которого укажут их лидеры. Годы боевой готовности и постоянного сражения глубоко укоренили дыхание Каина в душах многих каэлорцев, поддерживавшее в них огонь и жажду битвы.

Судьба Каэлора балансировала на лезвии ножа. Достаточно было лёгкого толчка в этом направлении, и корабль-мир существовал бы в состоянии вечной

войны, как если бы смешались воинственность Биель-Тана с яростными внутренними конфликтами Сейм-Ханна. Толчок в другую сторону привёл бы пути будущего к эрам мира и процветания. Для первого Ясновидца из династии Ривалин этот выбор казался столь же очевидным, как выбор между жизнью и смертью. Он выбрал жизнь.

Гоури Сияющий призвал Экзархов Каина на рассыпающиеся останки Олипсина и попросил, чтобы они принесли присягу династии Ривалин в его лице и поклялись поддерживать мир на Каэлоре. Он составил Соглашение Шлема Азуриа, и проследил, чтобы каждый экзарх возложил руки на шлем и произнёс клятву никогда не вмешиваться в политические дела искусственного мира. Это было гарантией на будущее, и благодаря этой клятве, будущее казалось обеспеченным.

В тот же день раздробленные, потрескавшиеся и опустошённые развалины Каэлора были доверены рукам Ривалина. Те, кто, возможно, выступал против будущего, остались в стороне и

позволили этому произойти, то ли измученные войной, то ли просто были слепы и не видели возможных последствий того, что было сделано. Каэлор стал наследственным владением, которое управляется единственной династией во имя мира и процветания. Все главные претенденты на власть были связаны по рукам и ногам своими собственными клятвами, а также заботой о самом выживании искусственного мира, на котором они жили.

Почва для упадка была приготовлена так же, как и для мира.

Когда Эйнгил медитировала в святилище своего Храма Паука, посылая призыв созвать второе Собрание Экзархов, она не могла не задаться вопросом, послужило ли на пользу Каэлору то, что они отказались от власти много столетий тому назад. Она была там. Она принесла свою клятву вместе с другими. Она была одной из тех, кто высказался в защиту видения сиятельного ясновидца. Она была одним из первых экзархов, кто будет бороться свободным от ярости,

навязанной голосом Каина, который бился в её разуме в течение предыдущих лет беспрестанных сражений, руководя ею, словно она была одним аспектом самого бога войны. Она была одной из первых, кто осознал, что Путь Эльдара не состоял только из войны, так же как и Путь Воина не ограничивался лишь одним Путём Паука Варпа. Он нуждался в изменении и упорядоченных циклах Айнио, как и предсказывали после Падения Азурмен и Рыцари Эльдар. Редкая дамашир была способна неизменно выдержать единственный данир, всегда придерживаясь его в качестве Следующего одним Путём. Дамашир-душа эльдара не была предназначена или подготовлена для вечной войны. Для роста и процветания ей был нужен мир. Эльдары были странствующим народом. Они должны были двигаться от данир к данир, как диктовали потребности их душ. Даже Экзархи Каина должны были видеть это в тех, кого они были поставлены охранять.

Также как душа эльдара не может жить в состоянии вечной войны, задумчиво

размышляла Эйнгил, таким же образом она не может жить и в состоянии вечного мира. Из склонности к крайностям, которая была особенностью эльдарского характера, вытекало, что единственным стабильным состоянием, которое могло быть благотворным, являлось постоянное изменение. Опасности таились в любых крайностях. Для эльдар крайняя привязанность к любому занятию могла привести к будущему, которое было хуже смерти.

Когда экзарх нашёптывала свой призыв, проталкивая свои мысли сквозь мириады линий связи бесконечного цикла в поисках других экзархов, часть её разума блуждала в другом месте. Перед мысленным взором она удерживала неясное изображение космоса, словно смотрела глазами кого-то другого. Кто-то где-то на Каэлоре контролировал курс корабля-мира в космосе.

Изображение было тусклым и ужасным, пронизанным штормами ша'эйль и клубящимися облаками варпа. Каэлор двигался по краю вихря, но Эйнгил это не

удивило. Она уже видела столь тесное соседство в течение многих лет. Этот процесс был долгим и медленным. Это случилось не из-за того, что после прыжка сквозь паутину Каэлор внезапно оказался так близко к этому ужасному катаклизму. Он был там на протяжении длительного времени, дольше, чем Эйнгил могла помнить. Возможно, он уже был там во времена Гоури Сияющего. Возможно, цинично думала экзарх, именно во время первого Собрания вихрь впервые появился на видимом расстоянии, незаметный для не желающих ничего видеть глаз каэлорцев.

Другие тоже должны были видеть его. Экзархи и их колдуны должны были это знать, также как она, но Шлем Азуриа не позволял им вмешиваться в указания ясновидца в Олипсине. Несомненно, провидицы Ютран видели его? Они должны были видеть его даже лучше, чем она, так почему же они ничего не сделали? Ничего так и не было сделано?

Учитывая необычные пространственные и временные свойства

варпа, Эйнгил часто задалась вопросом, было ли возможно измерить истинное расстояние от искусственного мира до смертельного шторма снаружи. Хотя частично он был в реальном пространстве, однако большая часть вихря просто не являлась реальной и не была материальной, это была просто грубая проекция варпа, вытекающего и просачивающегося в реальное пространство в результате жуткого осмотического процесса. Варп просачивался, а затем выливался в видимые измерения сквозь постоянно расширяющиеся отверстия в ткани пространства и времени. Он бился и бушевал, стараясь отыскать себе проход, но должна быть причина тому, почему он оказался так близко к искусственному миру. С каждым толчком Эйнгил задавалась вопросом, была ли для этого и внутренняя причина.

Случайное стечение обстоятельств были древними и запрещёнными словами на Каэлоре. Эльдары уже переросли его века тому назад.

Так как расстояние было трудно оценить, Эйнгил много лет назад поняла, что она не может быть уверенной в том, что сам Каэлор медленно приближается к далекому вихрю или маленький разлом в пространстве-времени перед ним постепенно превращается в адскую бурю, которая бушует вне досягаемости. Было ли так, что это не Каэлор постоянно приближался к удалённому ужасу, а скорее наоборот, ужас сам постепенно создавался на его пороге и всякий раз следовал за кораблём-миром в его попытках сбежать?

В любом случае каждый вариант содержал ужасные последствия, Эйнгил казалось ясным, что уже пришло время вмешаться. Экзархи больше не могли оставаться в стороне, прячась за своими устаревшими клятвами, и ничего не делать. Они уже проглядели возвышение великих домов во внешних пределах. Они видели, что на окраинах Каэлора воцарились бедность и озлобленность, так как сияние Гоури всё больше и больше сосредотачивалось в одном только в Сентриуме, оставляя внешние пределы ни

с чем. Они наблюдали, как героические воины Тейрту и Ансгара поднялись против несправедливости феодальной наследственной системы и принесли сражение в вечный мир, который был запланирован Ривалином, неизбежно сохраняя некий баланс в душе Каэлора.

Искусственный мир изменился, и Эйнгил могла видеть, что нынешняя ситуация напоминала разорённое войной время и неустойчивое состояние, которое было в конце Войн кораблей. Точно также как душа эльдара, дух Каэлора испытывал циклические движения, вне зависимости от того, что пытался сделать Олипсин, чтобы предотвратить это. Он не мог существовать в состоянии вечного мира; оно было таким же сильным отклонением от нормы, как и вечная война. Постоянно могли продолжаться лишь сменяющиеся циклы.

Так как это происходило на протяжении всех прошедших эпох, Каэлор снова балансировал на лезвии ножа, колеблясь на краю своего собственного уничтожения. Экзархи больше не могли

притворяться, что они не имеют никакого влияния на пути, которые выберет искусственный мир, чтобы двигаться в будущее. Однако также как ранее души каэлорцев были столь пропитаны кровью, что им было трудно снова вернуться к миру, так сейчас они стали привычными к радостям мира, что им было бы трудно вновь броситься в объятья войны. Правление Нэвир настроило Каэлор против ценностей экзархов, и их последняя надежда была на военные дома из внешних пределов.

На Каэлор должна возвратиться война. Эльдары снова должны узнать, что значит истекать кровью.

Наконец разум Эйнгил отыскал местоположение последнего экзарха, Вэндри из Пикирующих Ястребов, и она направила свой призыв с просьбой встретиться в Храме Пауков Варпа для второго Собрания Экзархов.

ТАКУЮ СЦЕНУ в Сентриуме не видели со времён последних дней Династических войн, когда Айден Тейрту

во главе своей армии прошёл вдоль Притока Багаррота и далее к вратам Дворца Ясновидца, чтобы потребовать своих почестей. С тех пор военное могущество Тейрту скорее декларировалось, чем подтверждалось на деле, поскольку Нэвир и другие эльдары Сентриума считали присутствие военных слишком оскорбительным и вызывающим отвращение. Кроме минимально необходимых сил для обеспечения безопасности, которых было достаточно, чтобы заглушить свою прогрессирующую паранойю, Айден пытался позволить жизни в Сентриуме продолжаться обычным чередом, даже если это означало отправку большей части его прославленной армии назад в области Тейрту.

Каэлор снова изменился, и Айден более не мог позволить себе роскошь потакать изнеженным правилам приличия Нэвир. Площадь Ваула была заполнена Стражами количеством в пять сотен или более. Повсюду сияли их изумрудные плащи и покрытая золотом броня, и над их головами гордо реяли знамёна. Боевые

порядки усеивали Соколы, орудийные платформы, Гадюки и джетбайки. Имелось три танка Огненная призма и целая эскадрилья Волновых Змей. С одной стороны были построены печально известные Стражи душ Тейрту: подразделения Призрачных стражей, которые Айден создал в течение Династических войн, используя камни душ его самых лучших воинов, погибших в бою, чтобы снова вызвать их к жизни. Неорганические, искусственные конструкции в равной мере были великолепны и ужасны, когда они стояли с суровым, механическим спокойствием, ожидая приказов. На поле битвы они олицетворяли верную и неустрашимую решимость смерти.

С балкона во Дворце Ясновидца Айден осмотрел свою армию с гордостью, наполняющей его грудь. Это было похоже на возвращение домой. В этот момент, глядя на Сентриум, изобилующий тёмно-зелёными доспехами и блистающим золотом змея Тейрту, Айден чувствовал, что позабытое спокойствие возвращается

в его душу. Мощь и военная угроза, которые олицетворяла его армия, были словно бальзам для его измученного разума. Он потратил слишком много сил, пытаясь подавить свои страсть к битве и жажду войны только для того, чтобы угодить ясновидцу и его отвратительным, изнеженным придворным. Он страдал долгие годы только для того, чтобы почувствовать себя низшим и варварским существом просто потому, что был очарован богатством и чувственной роскошью Олипсина. Ныне, глядя вниз на самые могущественные вооружённые силы, которые только видел Каэлор в мирное время, Айден вновь осознал, кем он был. Он снова понял, что мощь его меча была не более отвратительной, чем лживые политические махинации Нэвир. В самом деле, он видел, что его меч был более честен, более правдив и куда более действенным, чем морализаторство бессильных, избалованных дураков.

- Дети мои! – закричал он с балкона во весь голос, бросая вызов культуре Нэвир, которые считали грубой такую громкость

слышимого звука.

Как один, пять сотен Стражей Тейрту круто развернулись и посмотрели вверх по направлению к балкону.

- Дети мои! Вы долго терпели бесславное забвение и безвестность. Там, где вы однажды разожгли пламя, которое увидели сами боги, вы после были скрыты под покровом предубеждения других, но довольно! Ныне вы снова вернулись к свету. Ваши мечи блистают, как око Каина и стремительный бросок змея Тейрту. Вы призваны, чтобы закалить свои души силой ваших тел. Ещё раз вы получили шанс жить: выбирайте смерть! В это мирное время вы были унижены. Вы не были вознаграждены, как вы того заслужили, за героические деяния во время Династических войн. Вместе мы поставили на колени врагов Тейрту, и мы захватили Сентриум в свою собственность. Сентриум пока что не принял нас. Вы всё ещё – гордая и славная армия Тейрту. Вы – моя армия!

Громкое, оглушительное приветствие прогремело из пятисот

глоток, заставляя Площадь Ваула вздрогнуть, и Айден оскалил зубы в злобной усмешке при мысли о шокированных Нэвир на верхнем балконе дворца. Он подумал о жеманном возмущении ведьмы Синнии и о стыдливой, хрупкой матери нового ясновидца, Ориане. Более всего он думал об умилительно серьёзном Уйшнехе Эйнионе, который отказался собрать свою армию, чтобы встать рядом с Тейрту, как раньше они сражались во имя ясновидца.

- В этот день вы снова выступаете против старого врага. Сегодня мы идём против Ансгара! Они украли нашу победу и оскорбили наше положение, украдкой пробравшись в Сентриум и похитив ясновидца, после того как мы снизили нашу защиту в надежде на новый мир. Сегодня мы закончим войну, которую в нашем милосердии мы не довели до конца. Теперь мы закончим Династические войны!

Ещё один сильный приветственный клич вырвался у воинов на площади, грохочущий и резонирующий, словно звук мощного двигателя. Эльдары начали топать ногами и стучать оружием по

земле, заставляя площадь пульсировать в неистовстве жизни и жажде смерти. В этот момент безумства врата Дворца Ясновидца с треском распахнулись, и на площади появился отряд воинов в сомкнутом строю. Они носили одежды Ривалина и над ними реяли двойные знамёна Дома Ясновидца и Дома Тейрту. Во главе отряда шёл Морфрэн, вышагивая с неловкой решимостью и прикладывая все усилия, чтобы имитировать непоколебимую харизму лидера. Стражи Тейрту расступились, чтобы пропустить сына и наследника Айдена во фронт армии. Несмотря на заразительную эйфорию, которая отзывалась эхом и пульсировала в возбуждённых дамашир собравшихся воинов, Айден ощутил лёгкую рябь сомнения, внезапно прошедшую по толпе. Разве он сделал недостаточно, чтобы возбудить в них неизменную страсть? Сколь многие из них имели бы вескую причину отвергнуть руководство его неуклюжего сына?

Волна неуверенности схлынула. Она разбилась потоком страсти и едва сдерживаемым неистовством, которое

подавлялось в течение многих лет, и теперь слова Айдена дали ему выход. Ничто иное кроме смерти или поражения не отвратило бы теперь эту армию от её цели, с удовлетворением понял Айден. Даже его глупый сын не смог испортить этого, думал он, и если бы он действительно мог навредить, то был бы уже мёртв, так что будущее сулило только наилучший из возможных исходов. В то же время у Айдена была ещё одна битва.

ТОЛЬКО ЛЭЙРГНЕН из Аспекта Яростных Мстителей отказался откликнуться на призыв, однако это никого не удивило. Было хорошо известно, что Айден и многие из Тейрту проходили обучение в Храме Мщения и, хотя никто не отважился поставить под вопрос честность Лэйргнена, для него было бы почти немыслимым принять участие в собрании в текущих обстоятельствах. Эйнгил задолго до этого чётко обозначила свою позицию, и её положение, казалось, было противоположным позиции

Мстителей почти по всем возможным направлениям.

Святилище Храма Паука оставалось окутанным полумраком, а яростно сияющие руны и символы на стенах скорее подчёркивали темноту, нежели уменьшали её, как и призрачные проекции семи экзархов, которые явились на собрание.

Что ты хочешь от нас, Эйнгил из варпа? – изображение Вэндри стояло рядом с его голографическим, украшенным крыльями и когтями, троном. – Пикирующие Ястребы вблизи видели постепенное снижение военного духа Нэвир. У нас всё меньше и меньше новобранцев из благородных семей. Только Эйнион сохраняет своё праведное служение. Наша численность уменьшается, и наша сила слабеет. Есть только один, кто может однажды сменить меня на Хищном Троне, но даже он пока что ещё не знает об этом возможном будущем.

Нэвир никогда не были воинами, Ястреб Вэндри, - ответило изображение Моренн-кар из Аспекта Воющих Баньши.

Она не поднялась с древнего и великолепного Трона Бури, и по праву говорила с невольным презрением. – Они всегда рассматривали данир Каина как вульгарный и лишённый изысканности. Они столь же несведущи, как и слабы. Ты впустую тратишь на них время. Мы защищаем слёзы Иши, не их.

Воющая Мореин права, – согласился Фуэрган, резко поднимаясь с Пылающего Трона Огненных Драконов. Его изображение сияло ярче всех остальных, словно огонь его Аспекта придавал его дамашир-изображению необычную и особенную силу. Он стоял с чувством собственного достоинства и был горд тем, что когда-то имел дело со старыми Рыцарями эльдар. – Нэвир ослабили Каэлор и оставили его бессильным перед лицом зла, с которым мы должны столкнуться.

Положение даже хуже, чем это, – прошипела смутная и почти невидимая проекция Куарво, зловещего и мрачного Экзарха Тёмных Жнецов. Его изображение слегка сдвинулось, словно обозначая его

присутствие, но его призрак был столь тонок, что было невозможно увидеть его отчётливо, и выглядел как колеблющееся масляное пятно. – Неумеренное потакание придворных своим прихотям и породило это зло. Блеск их нынешнего разложения делает будущее тёмным. – Он сделал паузу, зная, что другие могут не понять значения его слов. – Я здесь не единственный, кто видел этот вихрь снаружи. Это не случайное совпадение.

Ты думаешь, что видение Сияющего Гоури было ошибочно? – спросило сверкающее, серебряное очертание Андрасти, стройного и изящного Экзарха Сияющих Копий. – Ты считаешь, что для Каэлора было бы лучше, если бы он был ввергнут в ещё один век непрекращающихся войн?

Война – мой господин, смерть – моя госпожа, - произнёс Куарво.

Я полагаю, то, что произошло, привело нас к настоящему положению, и что это время мира и процветания только для самих Нэвир, ни для кого более, – со спокойной силой сказала Мойна из

Жалящих Скорпионов, как если бы привыкла заставать других врасплох. – Каэлор никогда не предназначался для того, чтобы стать летающим дворцом наслаждений. Изначально корабль-мир был построен для того, чтобы сбежать от таких пороков. Каэлор двигается во мрак далёкого прошлого, не в будущее. Видение Гоури было не полным. Его осмысление было ошибочным.

А что с великими домами? Что с Айденом Тейрту? Разве не он подтолкнул Каэлор ещё ближе к краю? – сказала Эйнгил со своего трона, сидя рядом с пустыми тронами Ликосидая и Колдуна Араконида. – Мы должны были противостоять ему раньше, чтобы защитить Ансгар. Если бы Бедвир остался жив, на искусственном мире сохранился бы баланс. Айден слишком слаб. Он был опьянён Олипсином. Теперь дела обстоят ещё хуже.

Крайности порождают крайности, – мысли Куарво текли как масло. – Ты говоришь о своём любимце Ликосидае? Призрачном Пауке? Ты возлагаешь

ответственность за его метастаз направление Тейрту?

Жоган подготовил почву для пророчества. Он это сделал сам, - просто ответила Эйнгил.

Ах, пророчество, - воскликнул Куарво. - - Ты говоришь о видении Владычицы Айони? -- Мистический смех разнёсся по залу. -- Интересно, ты действительно понимаешь её мотивы? Разум этой Провидицы Ютран был проницательным и непостижимым. Будущее не простое дело даже для воина; насколько более сложным оно должно быть для прорицателя?

Она стремилась сохранить баланс! - настаивала Эйнгил. -- Спасение наследников Ансгара гарантировало, что упаднический мир нашего времени, который был до Династических войн, не вернётся. Она сказала Айдену, что помилование его самых величайших врагов означало бы спасение его души и укрепление его власти. Если бы все Ансгар были мертвы, как Бедвир, тогда и Дом Тейрту не избежал бы упадка, как Сентриум! В отсутствии врага, зачем

нужен Победитель Порока и его армия?

В то время как Айден внимал её мольбам о милосердии, он не понимал её мотивов, и его душа стягчилась. Он погряз в наслаждениях двора, и привёл Ансгар на грань уничтожения, тогда как его отвратительный сын потакал своим прихотям до самой крайней степени. Он нажил куда более сильных врагов, чем даже могла предвидеть Айони.

Другие экзархи внимательно слушали страстную речь Эйнгил. Они видели возможность того, что в этом могла содержаться истина.

В том, что ты сказала, есть много правды, Паук Варпа, - в конце концов согласился Куарво. -- Но я думаю, что Айони не была настолько слепой, чтобы не понимать, как Айден будет трактовать это и действовать в ответ на её пророчество. Она обладала могущественным даром предвидения. В другом месте, возможно, она бы стала ясновидцем. Ты пренебрегаешь возможным коварством её разума и независимостью её духа. Она была провидицей Дома Ютран, а

не воином Пауков Каина. Её мотивы совсем иные, чем твои.

Ты предполагаешь, что Владычица Скрытой Радости предназначала нам конец наших дней? – возразила Эйнгил с горячим скепсисом, окрасившим её мысли.

Ты думаешь, что мы стоим на пороге последних дней? – с недоверием спросила Андрасти. – Это именно то, чего Гоури намеревался избежать. Он предвидел это в бесконечных войнах наших родичей, но не в созидательном мире Нэвир.

Его предвзятость сделала его слепым! – резко ответила Эйнгил. – Оба его пути в будущее были нереальны и ошибочны. Нет никакой надежды на утопичный вечный мир для сыновей Азуриана. Нет никакого рока вечной войны и кровопролития для детей Иши. Это был неверный выбор. Он не учитывал саму суть Каэлора: он не учитывал того факта, что мы – эльдары! Даже самый праведный хранитель святыни не может избегать битвы вечно, но даже экзархи Каина не могут всё время сражаться; насколько меньше для этого приспособлены обычные путники Каэлора?

Гоури был политик, а не спаситель. Вы не понимаете, что его величайшим достижением было заставить всех нас перепутать одно с другим? Он использовал волнения и неопределённость в конце Войн кораблей, чтобы укрепить свою власть и увековечить своё имя в памяти потомков. В то время все мы верили ему, но это не преступление, сказать, что он был не прав!

Ты говоришь, что Соглашение Шлема Азуриа было обманом? -- спросил Вэндри.

Не обманом, а политической уловкой.

И теперь ты желаешь, чтобы мы разбили Шлем и выступили с тобой против Дома Тейрту. Это верно? -- мысли Мойны вводили в заблуждение своей мягкостью.

Айдену нельзя позволить вернуть ясновидца, - ответила Эйнгил, чувствуя колебания в зале. То, о чём она просила экзархов, не было простым или незначительным выбором, и она знала, что просила от них больше доверия, чем заслуживала. Несколько недавних вмешательств в союзе с Ансгаром

заставили её казаться пристрастной и не заслуживающей доверия. Её аргументы были плохо сформулированы и бессвязны, и она полагалась на эмоциональный резонанс от своих выводов. – Тирания должна закончиться прежде, чем она создаст для нас противника, слишком ужасного, чтобы противостоять ему.

СИЛЫ АНСТАРА беспрепятственно и тихо перемещались вдоль Линии Айннис, продвигаясь по Равнинам Фаэрула подобно армии призрачных наездников на призрачных конях. Там были две эскадрильи серебристых с тёмно-синим цветом по краям джетбайков. В центре колонны размещался плотный строй старых Волновых Змей, их краска покрылась пузырями и облупилась так, словно за ними не ухаживали в течение многих лет. Остатки листвы всё ещё крепко держались на броне, выдавая то, что эти транспорты до нынешнего времени были спрятаны в лесу. Два сияющих Сокола сопровождали по бокам орудийную платформу с открытым

верхом, которая шла в авангарде колонны чистого красного с золотом цветов Пауков Варпа. На самой орудийной платформе находилась невероятная команда, состоящая из омерзительного ребёнка Элы, перевязанного и истекающего кровью Силти, изысканной и настороженной Арахнира Адсулаты и устрашающе величественного в своей золотой броне Найса.

Над этой необычной колонной развевались знамёна Ансгара, Ривалина и Пауков Варпа, при движении каждое из них величественно колыхалось на ветру. Также было ещё одно знамя, которое возносилось высоко впереди колонны, словно стараясь, чтобы тень его осеняла каждое из других знамён. Оно было сделано из мерцающей ткани, похожей на жидкое золото, слегка колеблющееся в порывах фаэрула, и на его полотнище была изображена чёрная паутина такой невероятной сложности, что слёзы приливали к глазам тех, кто смотрел на него. Это было знамя Ликосидая, и он держал его высоко вверху с такой

непреклонной решимостью, которая не оставляла места для ошибки в чью честь он шел в битву. Призрачный Паук сражался под своим собственным знаменем. Его компаньоны просто шли рядом в то же самое время.

В удалении, над обширным, бесплодным, металлическим пространством Равнин Фаэрула, вставала гигантская вертикальная стена энергии варпа, которая обозначала Периметр Стикслин, едва заметная, словно светящаяся линия восхода над океаном. Пропитанный кровью Проход Улы был ещё далеко, когда Найс спрыгнул вниз с орудийной платформы и воткнул своё знамя в пол, загнав его древко из дерева умбалы в настил так, словно это была земля. Он посмотрел на горизонт неподвижным пристальным взглядом, осматривая Периметр Стикслин так, словно мог управлять им одними своими глазами.

Остальная часть колонны остановилась позади него, сбитая с толку и обеспокоенная из-за внезапной остановки.

Они все решили, что их марш закончится у Врат Ясновидца на границе Сентриума. Силти в изумлении посмотрел на своего буйного кузена с платформы, не в силах понять, почему он не спешит к Сентриуму.

- Ты намерен сделать здесь свою ставку? – спросил Силти, спускаясь вниз, чтобы встать с Найсом. Он уже не знал, как теперь обращаться к своему кузену. У него язык не поворачивался назвать это золотое существо Найсом, поэтому он просто совсем опустил имя. – Ты не желаешь захватить проход?

Найс отвёл пристальный взгляд от горизонта и внимательно посмотрел на кровоточащего Силти. В первый раз с тех пор как Силти победил его в последней дуэли в качестве ученика Пауков Варпа, он заметил присутствие своего кузена.

Проход падёт.

Возвращая внимание на горизонт, Найс поднял руку и указал ею на самые высокие края области, где Линия Айннис изгибалась дугой вверх к Проходу Улы. Даже с такого расстояния Силти смог разглядеть, как в синем пламени барьера

Стикслин внезапно появилась вспышка тьмы, когда портал в проход открылся, и крошечные зелёные с золотом фигурки начали рассыпаться по приподнятой части пути Айннис.

Прежде, чем он падёт, за проход будет вестись битва.

Найс наклонился немного вперёд, словно заметил в дали что-то неожиданное. Мгновение он полагал, что видел несколько пурпурных пятен среди наводнившего всё зелёного цвета Тейрту, как если бы поток Стражей и техники затопил равнины, но теперь фиолетовый цвет исчез, и Найс выбросил это из своей головы. Он беспокоился о реалиях битвы, а не о полёте фантазии или паранойе. Если те фиолетовые пятна вдали оказались Воинами Аспекта Яростных Мстителей, то это довольно скоро станет ясным.

Когда силы Тейрту спустились на уровень равнины, они начали разворачиваться, как веер, распространяясь по широкой, громадной долине подобно зелёной болотной волне. Они, вероятно, уже увидели колонну

Ансгара из портала прохода, и начинали разворачиваться в строй для атаки.

Это был необдуманный поступок, и тактика командующего Тейрту на плоской, открытой равнине тут же была обнаружена. Эскадрильи джетбайков отделились от флангов, тогда как Соколы и Огненный Призмы устремились в тыл, выполняя приказ, чтобы пропустить идущих размашистым шагом призрачных стражей и Волновых Змей в середину.

Тейрту выставили свои силы, чтобы защитить проход, тогда как они имели численное превосходство над противником для сокрушительной атаки. Если бы они просто хотели заблокировать продвижение Ансгара, это было бы проще сделать в самом проходе, как талантливо показала Йзульт в бою против сил Силти. Это была армия, собранная для уничтожения Ансгара, но ей командовал трус.

С помощью серии быстрых сигналов Найс дал понять, что силы Ансгара и Пауков Варпа должны развернуться в наступательный строй в авангарде по его

знаку. Ряд должен начинаться точно в том месте, где было установлено знамя Ликосидая. Жалкая тень когда-то великолепной армии Ансгара быстро выстроилась позади Найса, превращая его в острие атакующего клина. Призрачного Паука необходимо было вогнать в самое сердце рядов Тейрту.

Здесь, на Равнинах Фаэрула на Линии Айннис, должно было состояться первое великое сражение Войн Пророчества.

АЙДЕН УЖЕ ВИДЕЛ собравшуюся армию Ансгара своими собственными глазами, когда он появился из Прохода Улы среди отряда Яростных Мстителей, которых Лэйргнен предоставил в его распоряжение, и он почувствовал, как дрожь волнения прошла по его телу. Прошло уже много времени с тех пор, как он в последний раз видел поле битвы, достойное его имени. Один миг он колебался, чтобы запечатлеть в памяти сцену перед поспешным бегством со своей диверсионной группой, отколовшейся в

сторону от основных сил Тейрту. Также как в прошлом, роковое противостояние Ансгара в этом самом секторе заставили его почувствовать горящий огонь Каина в своей крови. Также как Бедвир, он чувствовал присутствие противника, который заставлял его алкать своей собственной смерти в беспощадном бою.

Вырвавшись из Прохода Улы, он оглядел Равнины Фаэрула и увидел поразительную золотую фигуру лидера Ансгара. Это не был юный Силти, который похитил жизнь его дорогой, прекрасной Йзульт, и это не была маленькая мерзость Эла'Ашбэль, хотя он мог чувствовать её присутствие как ядовитый газ в воздухе. Золотой воин был кем-то иным.

Понимание поразило Айдена словно грубая, тупая мон'кейская пуля: это был Найс, наследник Бедвира. Как великолепно он выглядел и как изменился! На мгновение Айден пожалел, что не может оставить свою миссию мести Эйнгил. Ему стало жаль, что он не может отказаться от политического обещания вернуть ясновидца, чтобы узаконить своё

правление. С того самого момента, когда он впервые столкнулся с Бедвиром, Айден чувствовал, что его дамашир-душа крайне желала своей собственной смерти. Встретить свой конец от рук Найса было бы славой, недосягаемой при находящемся в упадке дворе Олипсина, вне зависимости от того, как долго он смог бы прожить и править.

Окружавшие его Яростные Мстители быстро увели Айдена с Линии Айннис, и это мгновенное осознание медленно покидало его, умирая в памяти Айдена, как постепенно исчезал отпечаток яркого света с сетчатки его глаз. Они бросились по подвешенному участку пути, а затем попрыгали на нижнюю секцию, скользя и перескакивая вниз за закрытым краем отвесной насыпи, чтобы скрыться из виду армии Ансгара.

Команда быстро пронеслась по равнине в сторону доменов Эочайн, где находился храм, подчинённый Яростным Мстителям, в котором их ожидали, чтобы обеспечить транспорт и подкрепление. К тому времени, как они

подошли к краю лесной зоны Ансгара, окаймляющей окрестности Храма Паука, их численность увеличилась до двадцати, и они перемещались на двух пурпурно-зелёных Волновых Змеях.

КОГДА БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ обеих сил заняли свои позиции, Силти оглянулся назад поверх синих с серебром Стражей, серебряных джетбайков и транспортов, и сверкающих красных гравитационных танков. Это была гордая армия, куда больше тех малых сил, которые он вёл в проход, но это было куда меньше памяти о славной армии Бедвира. Её численность была значительной, но их было в четыре раза меньше тех сил, что стояли здесь до них. Их оружие было грозным, но оно было старым и не опробовалось на протяжении многих лет.

Несмотря на это, он смог разглядеть победу в уверенной осанке своих родичей. Он смог увидеть глубокое волнение пробуждающейся вновь жизни в том, каким способом они носили своё оружие и как ставили ноги. Он мог видеть смерть,

светящуюся в глазах каждого Стража, словно все эти годы они жили в бегах исключительно для того, чтобы умереть в славном бою на этом поле битвы. Он мог видеть энергию, струящуюся в их душах, когда они подпитывались силой от самого присутствия Найса, словно он давал им поддержку в их страсти.

Сам Найс казался бесстрастным и неподвижным. Он стоял, одной рукой сжимая древко своего знамени, и пристально смотрел через сокращающееся пространство на ряды Тейрту. В другой руке он держал ещё один простой посох из дерева умбалы. Словно он ждал, когда они подойдут к нему, отважившись бросить свои оборонительные порядки в атаку.

- Ты собираешься бросить вызов? - спросил Силти, размышляя над тем, будет ли этот новый Найс соблюдать ритуалы начала.

Никто не станет сражаться со мной. - Ответ был недвусмысленный и очевидный.

Силти внимательно оглядел Найса, пытаясь понять, означало ли это, что он

нападёт без вызова, или будет ждать, когда вызов бросят ему. Затем, когда посмотрел на золотую броню, он осознал, что Найс был вооружён парными ведьмиными клинками Хукулина, привязав по одному к бедру каждой ноги.

- Найс, - сказал он, внезапно узнавая что-то от своего кузена в этом воине рядом с ним. Этот малый знак уважения к умершему ветерану указывал, что, в конце концов, он тоже был некоторым образом эльдаром, хотя каким эльдаром он был, оставалось загадкой.

Оно идёт сюда. -- Мысли Элы ворвались в их разумы, когда она спустилась с орудийной платформы и подошла сзади, осторожно протиснувшись между ними, чтобы встать рядом со своим братом во главе армии.

Силти посмотрел на ряды Тейрту, ожидая увидеть одного из воинов, выступившего вперёд для проведения церемонии начала, но никого не было. Ряды были ровные и плотно сомкнутые. Не было видно даже намёка на героя или маршала, двигающегося впереди. В этот момент

Силти по-настоящему пожалел, что Йзульт уже не было в живых, чтобы он смог сразиться с ней снова.

Внезапная вспышка привлекла его внимание к одному из танков Сокол в центре рядов Тейрту. Его орудие с грохотом извергло пламя, и танк заметно задрожал, когда выплюнул снаряд по крутой параболе. Огненный след образовал дугу над полем битвы, а затем начал клониться по направлению к боевым порядкам Ансгара.

Итак, это началось, - мысленно прошипел Найс с презрением к манере, в которой был сделан первый выстрел этой войны.

Он переложил свой посох из улбалы из правой руки в левую, удерживая его за центр масс, как копьё. Он сделал быстрый выпад назад от своего знамени, когда почувствовал тяжесть древка, а затем снова бросился вперёд, метнув с силой посох из улбалы в воздух, подобно копью.

Оно стремительно понеслось по прямой траектории, раскаляясь из-за трения о воздух и оставляя за собой

пылающий след, пока не воткнулось прямо в летящий снаряд, который только что начал падать на них. Посох пробил его боеголовку и заставил сдетонировать плазменный заряд. Уменьшенная копия красной звезды полыхнула взрывом над их головами, испуская концентрические кольца ослепительного света, пульсирующего по всем направлениям над равниной и вызвав рябь на барьере Стикслина позади Тейрту. Спустя пару моментов ослепительного сияния, звезда рассыпалась дождём перегретых капель плазмы, которые расплескались по земле между двумя армиями, неистово шипя и пузырясь на металлическом настиле.

Над Равнинами Фаэрула повисла гробовая тишина, когда воины обоих Домов осознали, что только что произошло. Первый, церемониальный обмен ударами Войн Пророчества состоялся между танком и единственным воином, и воин победил.

С криком победы, уже образовавшимся в их горлах, Стражи Ансгара и Пауки Варпа бросились вперёд, растекаясь вокруг

и сзади Найса и Элы, сжав свой строй клином, направленным в центр линии Тейрту, на острие которого мчались Силти и Адсулата, увлекая за собой войска с вдохновенной верой в собственные силы.

НИКТО ИЗ НИХ не пришёл. Эйнгил стояла на арене своего храма, укрытой постепенно исчезающими остатками призрачной паутины, лицом к разрушенным, но когда-то захватывающим дух серповидным дверям. Она была в полном вооружении и обеими руками держала своё драгоценное смертоносное веретено скрученным и готовым к бою. Позади неё в относительной безопасности святилища сидел в медитации Ясновидец Ахирн Ривалин, отыскивая среди мириад возможного будущего то одно, в котором Каэлор не был поглощён своими собственными демонами. Остальные её Пауки Варпа отправились с Найсом, приветствуя его как Призрачного Паука и становясь в строй позади него без дальнейших вопросов. Она не пыталась остановить их и знала, что они

понадобятся в грядущей войне.

Она осталась в тылу на страже храма и его драгоценного гостя. Она знала, что Айден придёт за ясновидцем. Не было никакого возможного будущего, в котором он позволили бы Сиянию Ривалина принадлежать домену Ансгар. Его набег был неизбежен.

Поэтому она обратилась к другим экзархам за помощью. Она собрала совет и потребовала от них пересмотреть свои клятвы о невмешательстве. Ей казалось, что они услышали её и отнеслись серьёзно к её просьбам. Они сказали, что поддержат её, что они придут к ней на помощь. Они пообещали Воинам Аспекта выступить на её стороне.

Никто не пришёл, и Эйнгил стояла одна среди рушащихся останков её некогда великолепного храма. В мирные дни Дома Ансгар, перед Династическими войнами, Пауки Варпа были столь же многочисленны, как и Яростные Мстители, и имели святыни и храмы во многих областях по всему Каэлору. С тех пор Эйнгил наблюдала упадок своего

ордена. Она видела, как он увядал и слабел, находясь в одной связке с роком Ансгара, тогда как Мстители процветали вместе со своими покровителями Тейрту. Лэйргнен был единственным из экзархов, кто не ответил на её призыв, но казалось, что его отсутствия было вполне достаточно. Теперь она одна стояла между Айденом, Яростными Мстителями и окончательным разрушением последнего Храма Паука на Каэлоре. Она осталась одна, зная, что это был конец, и зная, что другим открывается новое будущее где-то в ином месте.

Когда она услышала усиливающийся вой Волновых змей, двигающихся на большой скорости внизу на поляне перед Храмом, и увидела, что была предоставлена своей судьбе, она почувствовала, что смерть медленно вползает в её душу. Нервные струи огня начали пылать в её венах, и жадные языки пламени охватили её мысли. Впервые за бесчисленные годы она услышала шёпот Каина в своём разуме, яркий и реальный, словно бы сам Бог спустился с невидимых

сфер для того, чтобы встать рядом с ней, когда все его экзархи оставили её.

Она выбрала смерть.

На ступенях снаружи загремели шаги, когда воины поднимались по направлению к разрушенным дверям. Она слышала других, мчавшихся в обход, чтобы окружить здание храма на случай, если там были другие пути к бегству. Она слышала жужжание сервоприводов в сюрикен-орудиях на Волновых Змеях, разворачивающихся перед дверями, чтобы сразить её, если она покажется за воротами Храма, и она чувствовала тяжёлую поступь сапог Айдена, когда он впервые в жизни ступил на землю перед её храмом.

Айден прибыл, она улыбнулась, чувствуя финал, достойный её последнего боя.

Она выбрала смерть.

Первый Яростный Мститель был мёртв прежде, чем он переступил порог. Эйнгил задержалась в центре арены достаточно долго, чтобы первая волна могла увидеть её там. Затем она мгновенно исчезла из реальности за миг до

того, как они открыли огонь из сюрикен-катапульт. С тихим шипением она вновь вернулась в материум сразу, как только идущий впереди Мститель достиг последней ступени на лестнице снаружи храма, она просто обезглавила его одним ударом силовых клинков на правой руке. Тем же самым движением она развернулась и сделала выпад другой рукой в сторону шлема следующего воина, ударив его кулаков и размозжив ему череп.

Мгновение она смотрела вниз на потрескавшиеся и разваливающиеся ступени, чтобы увидеть, как, по крайней мере, шесть других воинов Аспекта бросились к ней, а затем она прыгнула сквозь варп обратно в храм.

Вторая волна действовала куда более организованно, чем первая. Они приблизились к дверям двумя группами, по одной с каждой стороны, когда они продвигались вперёд. Эйнгил развлекалась, наблюдая за ними, скрытая в полумраке, окружающим край арены. Она чувствовала их концентрацию только на пространстве за дверями, словно бы они уже были

уверены, что она могла бы быть там, ожидая их.

Она злобно усмехнулась и переместилась обратно на ступени снаружи, за спину этих двух групп, когда они осторожно вошли в двери. Привычным движением она подняла своё смертоносное веретено и выпустила град нитей в их спины, нанося удар от одной стороны дверей к другой, чтобы гарантированной охватить их всех.

Послышался слабый щелчок, когда стрелки в Волновой Змее позади неё на поляне подали энергию на ускорители сюрикен-пушек, но как только они открыли огонь по ступени, где стояла Эйнгил, она снова исчезла, оставив дождь монолекулярных снарядов бесполезно рикошетить от каменной кладки.

Со своей позиции между Волновыми Змеями Айден проклинал неумелые действия стрелков Мстителей. Затем он услышал их крики внутри Волновых змей, и также проклял экзарха, когда догадался, что она внутри яростно рвёт их на части своими руками.

Он подал сигнал отряду Мстителей, которые заняли позицию сбоку храма, чтобы блокировать один из возможных путей к бегству, указывая, что экзарха не было в храме, и что они должны двигаться внутрь, чтобы найти ясновидца. Команде с другой стороны он сделал сигнал, чтобы они вошли в святыню и тайно установили плазменные заряды.

В то же время позади него раздалось щёлканье и шипении электрических разрядов. Это был звук, который он ожидал, и его первым порывом было прижаться к земле. Инстинкты не подвели его, когда залп из смертоносного веретена Эйнгил просвистел над его спиной, кромсая в клочья материал плаща, когда тот взметнулся позади него.

Он ударился о землю слишком сильно, и Эйнгил оказалась на его спине прежде, чем он смог перевернуться. Колющая боль пронзила его плечо, когда она вогнала сквозь него силовой клинок, пригвождая его к земле. Он резко откинул голову назад и ударился затылком о маску экзарха, заставляя её отступить. Когда её вес

сдвинулся, он перевернулся, освобождая плечо от ослабевшего клинка, и ударил её обеими ногами.

Удар подбросил Эйнгил в воздух, и она с грохотом опрокинулась на спину на земле. К тому моменту, когда она нашла опору, Айден также стоял на ногах. Обеими руками он выхватил свой знаменитый меч и держал его горизонтально через пространство, которое отделяло его от экзарха. Из колотой раны на его плече сбегал поток крови, и она шипела, когда касалась рукояти его чужеродного клинка.

Над ними со стороны входа в храм раздался крик, когда два отряда Мстителей появились снова, выполнив свою задачу. Ясновидец влачился посередине, тяжело опираясь на свой искривлённый посох и не оказывая видимого сопротивления.

Эйнгил перевела взгляд с Айдена на воинов Аспекта и обратно, на мгновение задумавшись, кто представляет большую угрозу или создаёт большую проблему. Она нажала на спусковой механизм

смертоносного веретена, делая нерешительный выстрел в сторону Мстителей, но Айден воспользовался возможностью и сделал выпад вперёд своим Убийцей Душ, нанося рубящий удар по голове экзарха.

Она бросилась вниз и подняла смертоносное веретено, блокируя атаку, но тонкий клинок с треском прошёл сквозь её оружие, разбивая его на разлетающиеся осколки, когда боезапас сдетонировал изнутри.

Айден довершил атаку, прыгнув вперёд, когда Эйнгил отшатнулась назад. Он отступил в сторону и занёс свой потрескивающий, искривлённый клинок над собой по горизонтальной дуге, направив его в варп-генератор Эйнгил, когда она пыталась уклониться от удара.

Она упала, сильно ударившись о землю, когда варп-генератор затрещал и взорвался в пламени. Мгновение она казалась неспособной пошевелиться, и Айден стоял над ней, удерживая в равновесии свой клинок, выжидая драматичный момент, чтобы нанести

решающий удар. Его глаза возбуждённо сверкали, когда огонь Каина бежал по его венам.

Затем Эйнгил начала мерцать. Казалось, она перемещалась в варп и обратно, не двигаясь со своего места на земле, словно её искрящийся и горящий варп-генератор каким-то образом давал сбой, но она не могла пошевелиться.

Спустя несколько мгновений оставшиеся Мстители спустились по ступеням и присоединились к Айдену, чтобы посмотреть на причудливое зрелище, таща за собой ясновидца как на буксире. Они злобно смотрели на неё, наслаждаясь неестественными и жестокими страданиями экзарха Каина.

Ты должна видеть это прежде, чем ты уйдёшь, экзарх, - сказал Айден, указывая мимо Ахирна вверх на её обваливающийся и разрушенный храм. Прошло мгновение, но ничего не происходило, а затем внутри сдетонировали плазменные заряды, в мгновение ока превращая храм в огненный шар, яростную геенну атомного огня. Долю момента силуэт храма казался чёрным в

сердце огненной бури, а затем был сожжён дотла.

Теперь ты можешь уйти счастливой, – саркастически улыбнулся Айден, занося свой инородный клинок над головой для смертельного удара. Он испустил концентрированный крик, когда со всей силы опускал Убийцу Душ вниз на распростёртую жертву, прикрывая глаза, чтобы лучше почувствовать момент смерти.

Холодная, нестерпимая боль разорвала его спину и вышла из живота.

Теперь я могу уйти счастливой, – ответила Эйнгил, прежде чем Яростные Мстители разорвали её тело сюрикен-катапультами. Ей удалось сделать один финальный варп-прыжок, мгновенно появившись позади Айдена, и ударить кулаком с силовыми клинками, пробив его живот насквозь до того, как повалиться вниз на него.

Она уже выбрала смерть.

СРАЖЕНИЕ РАЗОЧАРОВЫВАЛО.

Найс стоял в центре событий, но

чувствовал себя скорее наблюдателем, чем воином, сражающимся за свою жизнь. Он видел Силти, занятым одним боем за другим, разрывающим своих противников в ближнем бою с помощью силовых клинков или поливающим их из смертоносного веретена с большого расстояния. Адсулата исчезала и появлялась на поле боя, разрезая глотки то здесь, то там, раскалывала кулаком черепа, двигаясь с изящной непринуждённостью, которую Найс мог оценить. Равнина начинала покрываться скользкой плёнкой крови. Иногда он мельком видел маленькую Элу, блуждающую по полю битвы как призрак, которому были не страшны оружие и сила обеих сторон. Словно бы никто из воюющих сторон вообще не мог видеть её, или просто никому из них не приходило на ум причинить ей вред. Она словно была заключена в ауру абсолютной неприкосновенности.

Никто ещё так и не бросил вызов Найсу. Он даже не вытащил ведьмины клинки Хукулина. Только что на него надвигался призрачный страж Айони,

словно не осознавая, что он делает, но Найс разрушил его прежде, чем тот сумел сделать хотя бы один выстрел по нему. Стражи Тейрту проносились мимо, словно они его даже не видели. Он искал в их рядах маршала или какого-то другого лидера, которого бы можно было счесть достойным, но здесь таковых не было. Их командующий прятался вдали глубоко в тылу своих сил, под защитой Огненных Призм и целого отряда призрачных стражей. Он даже не был достоин командования, не говоря уже о битве с Найсом. Это не было Войной Века, на которую надеялся Найс.

Затем леденящая ударная волна пронеслась через равнины, растекаясь из внешних пределов в направлении Ансгара, и разбилась о барьер Стикслина. Она окутала Равнины Фаэрула криками мук и леденила души всех воинов на поле сражения. В течение краткого, нереального мгновения, все сражающиеся затерли, некоторые из них остановились посередине удара, другие - уже пронзённые копьём или пикой. Наступил момент

абсолютной тишины, как если бы сам звук внезапно стал невозможен.

После яростная схватка возобновилась, словно ничего не произошло. Понял только Найс. Он почувствовал ярость разрушения, начинающую закипать в нём. Он почувствовал Каина, струящегося огнём по его венам, словно остриё сияющего копья, и он чувствовал ужас сотен тысяч эльдарских душ, пронзительно кричащих в лабиринте бесконечного цикла.

В тот момент он осознал, что его храма больше нет. Найс неторопливо вынул из ножен ведьмины клинки и поднял их по бокам, как крест, вытянув руки и открывая грудь в великом объявлении своего присутствия и намерения. Он бросал вызов всей армии Тейрту.

Первого Стража он убил почти случайно. Сражаясь с одним из Пауков Варпа, несчастный Тейрту отступил прямо на острие одного из клинков Найса, накалывая себя сам. Резким, раздражённым движением Найс приподнял клинок и сбросил мёртвого Стража прочь

на пол, словно бы просто очистил свой меч.

Затем он бросился бежать. Его пылающие глаза были сосредоточены исключительно на командном пункте в тылу сил Тейрту, и он прокладывал свой путь сквозь битву с неутолимой решимостью добраться до него. Он был словно шар из золотого огня, несущийся с рёвом сквозь пронизанную вспышками трясину битвы.

Он отбивал мечи, подныривал под сюрикены и уклонялся от лазерного огня, перепрыгивая и перекатываясь с поразительным изяществом. Его собственные клинки вспыхивали сверкающими искрами психического огня, оставляя за собой след из искалеченных и мёртвых тел на его пути.

Тейрту не могли больше игнорировать это воплощение войны, когда он неистово метался и яростно рвал их собственные ряды, но казалось, словно бы Найс вовлекал их в битву и, в то же самое время, игнорировал их. Он не подавал признаков заинтересованности или усилий ни в одном из сражений, и его глаза

никогда не отклонялись от командного пункта. Даже когда он пригнулся и вращался, уклоняясь от залпа орудийного огня, снова прыгая вверх, чтобы обезглавить стрелка единственным сильным ударом, его движения выглядели так, словно были частью бега. Он лишь преодолевал преграды, как если бы участвовал в беге с препятствиями, чтобы добраться до финишной черты. Сами преграды не имели для него никакого значения; они могли быть всем, чем угодно или ничем, что не имело никакого значения.

В конечном счёте, Стражи Тейрту начали расступаться перед ним, ясно осознавая, что они не могли ничего сделать, чтобы остановить эту силу богов. Таким образом, поле сражение расчистилось перед ним, когда он рвался вперёд, но это, казалось, только ещё сильнее злило Найса, поскольку его лишили клапана, через который можно было выпустить дико ревущее в его душе насилие.

- Мы должны отступить! - Морфрэн с трудом ловил воздух, уставившись в голо-проектор на поле битвы внутри своего бронированного транспорта в тылу сражения. Сражение шло не так, как было запланировано. Меньшие по числу силы Ангара, казалось, были прекрасно организованы и воодушевлены. Они ворвались в сердце линий Тейрту и сломали их строй, разрушая план битвы и превратив его в общую свалку ближнего боя. Было также что-то ещё. Он не мог бы сказать, что именно, но горящее изображение на проекции было прорезано впереди через поле битвы к его собственной позиции. Возможно, это был танк или гигантский боевой шагатель? Вне зависимости от того, что это было, Морфрэн видел, что его собственные войска были изнотаны с появлением этой неведомой силы, и он был уверен, что это значило, и не хотел, чтобы она настигла его.

- Возможно, больше никогда мы не будем в состоянии собрать силы такой величины вновь, Лорд Морфрэн, - ответил

суровый старый Страж рядом с ним. Айден оставил ветерана Турью в качестве советника своему глупому сыну в случае необходимости. – Отступить теперь не будет мудро.

- Смотри! – крикнул Морфрэн, указывая на приближающееся всё ближе горящее изображение на проекторе. – Если мы не отступим, мы умрём!

- Есть вещи похуже смерти, мой лорд, – возразил Турья, прошептав избитую фразу воина.

- Ты думаешь, что я – трус? – глаза Морфрэна с ненавистью сузились, когда он повернулся лицом к своему обвинителю. – Я не хотел быть здесь, Страж. Меня направили. У меня есть другие дела, которые я должен сделать, куда более важные дела!

- Как и я, мой лорд. Это судьба воина: быть отправленным на смерть.

Морфрэн зарычал, его паника легко перешла в презрение.

- Ты дурак! Ты слепой и обманутый дурак! Однажды смерть придёт ко всем – это неизбежно, но ты не должен

принимать её по прихоти другого. Ты не должен отдавать жизнь за моего нелепого отца и его патетический кодекс воина. Ты должен жить, пока ты живой!

Турья резко хлопнул его по лицу.

- Командуй отступление, Турья, - сказал Морфрэн с нарочитым спокойствием.

- Как ты пожелаешь. Я сам буду командовать действиями стражи в тылу, мой лорд. Ты позволишь мне взять один отряд Гвардии душ? - Турья говорил сквозь сжатые зубы, отказываясь позволить трусости Морфрэна разрушить целую жизнь чести и преданности.

- Прекрасно, всё, что ты захочешь, - сказал Морфрэн, махнув рукой в знак того, что тот мог быть свободен. - Только верни этот транспорт по ту сторону Прохода Улы как можно скорее.

НАЙС ВИДЕЛ, как борт танка командующего отделился от задних рядов Тейрту и, увеличивая скорость, направился вверх по изгибающемуся настилу, который вёл в Проход Улы. Его

примеру последовали Стражи, транспорты и орудийные платформы, начиная отступление, и он знал, что сражение выиграно, но его душа не была удовлетворена, он откинул голову назад и пронзительно закричал, выражая своё разочарование над покрытым кровью полем битвы.

Когда отступление армии Тейрту перешло в бегство, Найс внимательно осмотрел избиение, которое окружало его. Из дыма и пламени перед ним появилась одинокая фигура Стража Тейрту, который представился, согласно старому обычаю, назвав себя Турья Тейрту-ан. После того как он поклонился, позади него из дыма появилось целый отряд призрачных стражей, и открыл огонь по Найсу.

Да, - прошипел Призрачный Паук, когда он снова почувствовал зов смерти.

Часть III: Неутолимый

Глава девятая. Вызов

ЗА ПРОШЕДШИЕ НЕСКОЛЬКО дней Площадь Ваула стала местом проведения многих крупных событий, так что эльдарам Сентриума было простительно, что они достигли предела нечувствительности или эмоционального пресыщения, став неспособными испытывать возвышенные чувства во время величественных церемоний. Для эльдара эмоции были накапливаемым явлением, каждое чувство накладывалось поверх предыдущего, пока они не взрывались яростной экспрессией или противостояли друг другу, противоречили и, по существу, уничтожали друг друга. Поэтому череда великих побед могла принести неизменно высокие волны прилива эйфории, разрушающие общество, но большое количество следующих одна за другой трагедий могло быстро поставить целые сообщества на край гипотетического самоубийства. Они называли это эмоциональной инфекцией, и

она была естественным бедствием экстрасенсорного мировосприятия. Атмосфера на Площади Ваула была тёмной, и светлая фаза в секторе, казалось, меркла во всепоглощающем страдании, словно бы сам Флюир-герн мог испытывать уныние. За короткое время случилось слишком много смертей и так много ярчайших огней двора были погашены. Это началось непосредственно с прекрасной Владычицы Айони, затем была молодая доблестная Маршал Йзульт. Придворные во Дворце Ясновидца также помнили галантного Стража Лира, но недавние донесения наводили на мысль, что он погиб в бою.

Затем после сражения возвратился Морфрэн, невредимый, но покрытый позором поражения. Многие уловили в этом иронию. У многих наиболее рафинированных эльдар Сентриума было такое чувство, что у них постепенно отбирали самое лучшее и самое прекрасное, оставляя лишь пошлые и грубые отбросы Тейрту осквернять величественные бульвары. Достаточно

плохо было уже то, что военный дом стикс-ман был здесь на первом месте, но куда хуже было видеть, что самые приятные из них постепенно погибают столь варварским способом, а самые отвратительные выживают, не смотря ни на что.

Ныне казалось, что и сам Жоган присоединиться к рядам ушедших. Новости достигли Олипсина, опередив группу Яростных Мстителей, которые сопровождали раненного патриарха. Экзарх Лэйргнен передал сообщение Уйшнеху Эйниону из Круглого Двора, в котором говорилось, что Айден был ранен в сражении с Эйнгил из Аспекта Пауков Варпа во время попытки вызволить ясновидца из заключения. Он сказал, что раны серьёзны, и клинки Паука Варпа были пропитаны психотоксичным ядом, который вызвал у патриарха Тейрту бред и лихорадку. Воины Аспекта, которые были с ним, подозревали, что он не доживёт до следующей тёмной фазы даркниса, если вообще вернётся в Сентриум живым.

Когда Морфрэн услышал эти новости, он с трудом взял под контроль своё чувство облегчения. Будь у него какая-то надежда, что отец умрёт по дороге прежде, чем снова вернётся в Сентриум, он приложил бы все усилия, чтобы это произошло. Он просто был не в состоянии столкнуться лицом к лицу с перспективой ярости своего отца, когда он вернётся и узнает, что, мало того, он был не в силах сокрушить Ансгар прежде, чем они смогут достигнуть Прохода Улы, но ещё и сбежал с поля битвы, чтобы спасти собственную жизнь. Айден сказал бы ему, что Йзульт никогда бы не стала действовать столь позорно, и он был бы прав.

Турья тоже не поступил так позорно.

Морфрэн никогда не претендовал на роль воина. Это была просто ирония судьбы, что он родился в семье Тейрту. Это было худшим, из всех возможных вариантов: случайное стечение обстоятельств. Поэтому для него уже с самого начала достаточно плохо быть вынужденным идти на битву, не говоря уже о том, чтобы вернуться в уже

наполненный мрачными настроениями Сентриум с ещё более тягостными для Нэвир новостями, а затем получить нагоняй от своего властного отца за проявленную трусость было большим, чем он мог вынести. Этого было почти достаточно, чтобы собрать в кулак всю свою храбрость и предпринять попытку организовать убийство. Не должно быть слишком трудным устроить несчастный случай, который мог бы произойти с раненым и больным Жоганом, когда он следовал по всё более и более нестабильным секторам далеко от Сентриума.

Одно небольшое усилие, насколько это возможно, но риск уничтожил его волю.

Вместо этого он удовольствовался показным беспокойством и публичной демонстрацией подготовки к возвращению Жогана. Он организовал сбор населения, вытащив всех эльдар сектора, и устроив столпотворение на Площади Ваула в ожидании, наводнив домен распространяющимся чувством гибели и дурными предчувствиями. Если бы к тому

времени Айден ещё не был мёртв, самой атмосферы, вероятно, было бы уже достаточно, чтобы убить его.

В полном вооружении, в изумрудно-золотом плаще Тейрту, спускавшимся с его плеча настолько элегантно, насколько он смог этого добиться, Морфрэн занял своё место на пьедестале рядом с церемониальной серебряной наковальней, которая располагалась сердце площади и обозначала геометрический центр самого Каэлора. Он попытался вынудить ряд Нэвир присоединиться к нему на площади, но его давлению подчинились лишь Синния и Селиддон.

Другие во главе с Уйшнехом Эйнионом решили бойкотировать встречу. Вместо этого они безучастно стояли в стороне отдельно от безмолвной толпы на своём привычном балконе, глядя на площадь сверху. Из чувства долга, которое поддерживалось присутствием Синнии и Селиддона, Ориана против желания согласилась сопровождать Морфрэна, неся на руках младенца Ясновидца Тьюри, и на мгновение Морфрэн подумал, что бы

случилось с его собственным сыном, если бы Ахирн возвратился с его отцом. Это беспокойство быстро исчезло из его мыслей, когда он осознал, что должен больше беспокоиться о том, что может случиться с ним.

Мощная волна тишины прокатилась по Притоку Багаррота. Она была гнетущей и тяжёлой, двигаясь, словно густая и вязкая жидкость, по плотной толпе эльдар, которые стояли вдоль бульвара, расступаясь лишь перед единственной пурпурно-зелёной Волновой Змеёй, когда она медленно ползла к дворцу. Все зрители знали личность лежащего внутри лица и склоняли свои головы в угрюмой смеси уважения, облегчения и страха.

В знак печали и уважения знамёна Тейрту удерживались горизонтально Стражами, стоящими на равных интервалах вдоль пути следования Волновой Змеи. Морфрэн надеялся, что Айден не будет достаточно внимателен, чтобы заметить, как мало было Стражей.

Несмотря на тяжесть дурного

предчувствия, которое навалилось на Морфрэна, он заставил себя посмотреть на бульвар. Он ощутил, как его живот пронзили спазмы противоречивого трепета взволнованного ожидания; это был напряжённый момент, которого он ожидал всё это время. Преждевременная смерть Айдена открыла бы ему целый спектр новых возможностей в будущем, таких как Синния говорила ему, и, при правильном управлении, это также открыло бы новые возможности для Каэлора, когда камень духа старого воина будет спокойно покоиться в бесконечном цикле.

Это могло быть моментом истины, когда будущее станет ясным им всем.

Волновая Змея медленно скользила с рассчитанной скоростью, влача свой скорбный груз на Площадь Ваула. Она прошла сквозь коридор, который очистился от толпы, и замерла на месте перед подиумом Морфрэна. Люк позади транспорта с шипением отворился, откидываясь к земле, чтобы образовать наклонный трап.

После долгой и безмолвной паузы вниз по трапу спустились два Яростных Мстителя. Позади них следовали небольшие, самоходные антигравитационные носилки, на которых лежало покрытое плащом тело Айдена. На его груди свернулся золотой змей, словно уютно устроился для сна, но блеск его потускнел и, несмотря на попытки Мстителей уложить плащ со вкусом, чтобы не оскорблять эстетическое чувство утончённых Нэвир, он был покрыт пятнами и испачкан кровью. Позади носилок шли двое других Воинов Аспекта, образуя почётный караул из всего лишь четверых воинов, первый для ясновидца и последний для Жогана.

Наконец, заметно хромая и опираясь на свой посох, самостоятельно влача ноги по трапу, спустился сам ясновидец. Прежде, чем он достиг земли, он посмотрел вверх на группу, собравшуюся на подиуме, и утомлённо кивнул в знак приветствия. В его глазах светилось что-то ещё, что, возможно, было признательностью, надеждой или даже

негодованием.

Яростные Мстители сопровождали носилки вдоль борта Волновой Змеи и мимо подиума Морфрэна. Они остановились на мгновение перед сыном Тейрту, вынудив Морфрэна посмотреть вниз на лицо отца, чтобы он мог увидеть, что зелёные глаза его отца были широко открыты, словно пристально смотрели на далёкий горизонт. Затем они заставили носилки подняться над серебряной наковальней, плавно уменьшая энергию так, чтобы тело Айдена мягко опустилось вниз на древний, церемониальный монумент, где когда-то лежали тела каждого Ясновидца из рода Ривалин, начиная с Гоури.

Собравшись с духом, Морфрэн спустился с подиума и приблизился к телу. Он посмотрел вниз и увидел боль, исказившую лицо, несфокусированные, сильно расширенные глаза и неестественно белую кожу, высушенную потерей крови. На него нахлынуло чувство облегчения. Не было никакой надежды на то, чтобы Айден выжил. Более того, он быстро осознал, что

реально не было никакой причины ждать его смерти, прежде чем провести Церемонию Перехода.

Острое чувство победы, наконец, наполнило его разум.

Он вгляделся в лицо своего отца и улыбнулся. «Теперь ты в моей власти,» - пробормотал он, незаметно роняя капельку слюны в глаз Айдена.

Даже в предсмертном состоянии Морфрэн мог видеть нарастающий гнев своего отца. Он видел осознание того, что Морфрэн проиграл сражение с Ансгаром, и что теперь его собственные усилия возвратить ясновидца были напрасны. Теперь его смерть была бессмысленной. Никто не узнает о сражении с Эйнгил. Они просто будут помнить сокрушённого и истекшего кровью старого воина, лежащего, подобно трупу, на серебряной наковальне Ваула в ожидании, когда смерть возьмёт его.

Айони предсказала, что он умрёт после героической победы. Она сказала, что он перейдёт в бассейн души Каэлора в Святыне Флюир-герна, во время большой и

величественной общественной церемонии. Она сказала, что он станет прародителем следующего ясновидца, и что династии Тейрту и Ривалин сольются воедино. Это было причиной тому, что он пощадил эту терзость, Элу Ашбэль, и этого ненавистного коротышку, Найса Ансгара. По этой же причине он позволили Кервину Ривалину жить в изгнании.

Не в силах вымолвить ни слова или даже сделать свои мысли слышимыми для кого-то ещё, Айден пристально смотрел вверх на злорадное и обрюзгшее лицо своего сына. Его зелёные глаза вспыхнули ненавистью. Он ненавидел Морфрэна за его глупость, его отвратительное разложение, и за сам тот факт, что он всё ещё был жив. Его выводило из себя, что Морфрэн возьмёт под контроль Дом Тейрту после его смерти. Он ненавидел себя за то, что был так ослеплён чувствами и жаждой славы, что должным образом не обдумал все возможные значения пророчества Айони.

Он ненавидел Айони за то, что она привела его в будущее, в котором была его

гибель. Почему она так низко предала его? Она видела в будущем нечто, что было более важным, или просто была в союзе с Ансгаром? Он слышал при дворе сплетни о её отношениях с Бедвиром, но не обратил на них внимания. Он ненавидел Каэлор: запутанную эмоциональную политику, двуличную приверженность вечному миру под вечной угрозой войны, ужасающее и пагубное несоответствие стилей жизни Нэвир и остальной части искусственного мира, и невообразимую, близорукую забывчивость Олипсина, который продолжал жить так, словно всё шло прекрасно. Казалось, вся система была нарочно продумана так, чтобы поддерживать и усиливать потакание придворных своим прихотям, словно бы они являлись приверженцами чего-то вроде отвратительного, давно отжившего культа удовольствий.

Когда он смерил взглядом ненавистное и отвратительное лицо Морфрэна, он впервые понял, что должен был делать со своей властью. Как он был обманут возлюбленной Владычицей Айони,

также он был обманут Каэлором. Вместо того чтобы тратить свою жизнь, энергию и воинов во имя порочных и разложившихся социальных институтов Каэлора, вместо того, чтобы прилагать усилия, чтобы поддерживать древний режим Ривалина и управлять как его законный представитель, он должен был попытаться свергнуть Ривалина и весь его Олипсин в целом.

Вместо того чтобы сражаться против Ансгара, он должен был заключить союз с благородным Бедвиром и преобразовать Каэлор в общество воинов, дисциплинированное и великолепное, как легендарный Биель-Тан. Впервые он осознал, что позволил напыщенным Нэвир разделить военные дома из внешних пределов, заставив его чувствовать себя низшим, заставив его считать, что он должен был страстно желать покровительства ясновидца и быть благодарным за это, словно сам Каэлор был бы немыслим без династии Ривалин и её Власти.

Он полагал, что Нэвир были наивны и

неспособны к пониманию власти меча, тогда как фактически они были проницательны и коварны, используя жажду крови других, чтобы вести битвы за них, самим оставаясь в непреходящей роскоши. Они действительно презирали воинов, но Айден ошибался, думая, что Нэвир не могли понять их значимости.

Всё это было обманом, и в свой последний момент истины Айден был в ярости от тех злодеяний, которые он совершил во имя ясновидца. Со своим последним дыханием, он увидел промелькнувшее в его разуме лицо Бедвира и осознал, что патриарх Ансгара был самым лучшим эльдаром, которого он когда-либо знал. Затем он взглянул на слюнявое и дрожащее от возбуждения лицо Морфрэна и увидел образ будущего, которое он выковал для Каэлора.

Всё, что он мог чувствовать, была ненависть.

ВРАТА РИВАЛИНА, которые преграждали главный путь в Сентриум, были заперты. За ними, сквозь их

таинственно просвечивающую конструкцию, Найс мог видеть сверкающие огни и блеск Двора Ясновидца. Было так, словно сам свет находился по ту сторону этих врат. В потускневших воспоминаниях отдалённого прошлого Найс был убеждён, что весь Каэлор выглядел также: сияющий и великолепный, подобно живому символу величия охватывающей всю галактику эльдарской империи. Теперь же контраст с теми областями, через которые прошли Ансгар, чтобы оказаться здесь, был разительным.

Домен Ансгар был истощён и приходил в упадок после многих лет лишений и тирании, и даже менее впавший в немилость и расположенный ближе к центру домен Эочайн имел признаки того же самого истощения ресурсов и упадка. Из Каэлора постепенно выкачивали все соки.

Сентриум блистал как бриллиант в сердце Каэлора, сияющий и древний, словно бы не тронутый беспорядками и страданием, которые разрушали Каэлор перед началом Династических войн. Каким-то образом ему удалось сохранить

своё величавое великолепие, несмотря на пропитанные кровью разрушения, которыми изобиловала оставшаяся часть искусственного мира.

Когда Найс заставил свою армию затереть примерно в ста метрах от врат, подняв вверх кулак в знак остановки, когда он гордо стоял под своим знаменем на орудийной платформе во главе вооружённых сил, он смог себе представить, как другой эльдар был опьянён этим зрелищем: видом красоты и совершенства, изящества и культуры. Это было чувство, в котором, казалось, воплощался высший идеал условий жизни для внешних пределов, и он интуитивно понял, что часть старой эльдарской дамашир страстно желала этого.

Где-то в памяти его рода он знал, что самые первые эльдары, которые достигли звёзд во время самого рождения галактики, сделали это из веры, что звёзды принесут им изобилие и помощь в будущем. Первые эльдары, которые погрузились в варп и начали строить Паутину, думали главным образом о

материальном богатстве, которое принесёт мгновенное путешествие сквозь пространство. Они думали о возможностях свободы, которые открывались таким грандиозным прорывом вперёд. Они думали о наслаждениях, в которых они могли бы потворствовать своим вкусам всё это нерастраченное время, и всех удовольствиях, которые могли быть найдены в новых частях галактики, внезапно ставшей в пределах их досягаемости.

Это была некая склонность к опьянению, скрывающаяся в эльдарской душе, которая сделала их слабыми перед лицом искушения. Это было первой причиной их падения. Падение было историческим доказательством его гипотезы, как если бы оно нуждалось в доказательстве. Сентриум говорил о том же самом недуге, но на куда более минорной гамме. Здесь Найс видел разложение одной культурной группы общества -- он мог бы даже назвать это культом -- но не всего искусственного мира или эльдарского рода в целом.

Его отвратительность была этому ярким примером. Оно представляло крах всех ценностей строгой дисциплины Храмов Аспекта и даже Пути Эльдар Айнио. Для него это было проклятием. Это было отклонением. Это заставляло его чувствовать себя грязным.

Глядя сквозь врата, он мог видеть установленные сторожевые орудия в верхней точке, где край ворот встречался с нижней частью верхнего уровня. Фактически Сентриум был одним из немногих мест на всём Каэлоре, которые не имели над собой других уровней. Каким-то образом он был исключён из странных пространственных эффектов конструкции, которые сделали почти невозможным найти внешнюю границу искусственного мира, это означало, что все другие уровни выше и ниже Врат Ривалина просто заканчивались глухой и непроходимой стеной, когда они достигали места, занятого Сентриумом. Один из самых знаменитых мастеров в каэлорской истории, Нуриор Безупречный, однажды сошёл с ума, пытаясь определить

местонахождение и нанести на карту эти стены. Ему никогда не удавалось сделать это, и оставалось причиной, по которой никто не знал наверняка, где другие уровни граничили с огромным, сияющим куполом Сентриума, или даже были ли эти границы вообще.

Делая границы своего домена совершенно непостижимыми почти любому, кто мог бы иметь желание проникнуть в него, было блестящим и эффективным способом удерживать народ снаружи, лучше, чем любое оружие, пушка или клинок. Несмотря на это два сияющих копья были установлены на верху ворот наряду со старомодной пушкой деформации, которая, по-видимому, была одним из тех дополнений, сделанных Айденом для обороны. Естественно, она была не достаточно изящной, чтобы быть установленной Нэвир. Врата были усеяны самонаводящимися сюрикен-пушками, искусно замаскированными под затысловатый резной орнамент, который украшал поверхность врат.

Он едва мог различить беспокойные

движения эльдар в орудийных кабинах и мог чувствовать их нервозность. Они знали, что Найс, Ансгар и Пауки Варпа разгромили армию Морфрэна и прошли через Проход Улы, преследуя отступающую армию Тейрту. Они знали, что Врата Ривалина не окажутся для них существенной преградой, и что сотня воинов из армии Призрачного Паука может взять их штурмом в любое время. Впечатляющее артиллерийское оснащение было скорее показным, чем действенным.

Силы Ансгара выстроились клином позади платформы Найса. Броня танков Пауков Варпа и транспортов Ансгара была испещрена следами лазеров и отметинами сюрикенов. Серебристо-синие джетбайки были помяты и исцарапаны, а Стражи выглядели ещё более потрёпанными, чем когда только начинали битву, но танки украшали военные трофеи: зелёные шлемы и пластины доспехов свисали с каждой машины. Змей Тейрту украшал бок одной из Волновых Змей, который был повреждён

вражеским транспортом; и на антенне позади одного джетбайка виднелось знамя Тейрту. Оно было охвачено огнём, и медленно горело в постоянном и холодном психическом пламени. И наконец, спереди орудийной платформы Найса, подобно прихотливой решётке бампера, находился бронированный панцирь призрачного стража из Гвардии душ, так высоко ценимых Айденом.

Общее впечатление, которое производила эта армия, было как от банды разношёрстого сброда и варварских наёмников. Возможно, перед ними меркли даже пираты из ужасных пределов Комморага. Для их описания не хватало достаточно ярких выражений, которые Нэвир Сентриума могли понять, и поэтому Найс знал, что они приведут двор в ужас. Он стал воплощением суровой и непримиримой души воина, и он принёс с собой смерть, не утончённую и не прикрашенную.

Это была просто смерть.

Удовлетворённый атмосферой страха, которую создавало его

присутствие, среди тех, кто смотрел из Сентриума на его армию, Найс спрыгнул с антигравитационной платформы, где он стоял вместе с Элой, Силти и Адсулатой, и воткнул в настил древко из улбалы своего знамени Ликосидая.

Он отметил свою территорию.

- Ты не собираешься атаковать врата? -- спросил Силти, спрыгивая вниз и становясь за плечами Найса. Он был покрыт кровью после битвы с Тейрту и чувствовал огонь Каина, всё ещё пылавший в его венах. Он жаждал ещё смерти, и не мог поверить, что Найс остановится прежде, чем достигнет башни ясновидца.

Какой-то момент Найс даже не смотрел на своего кузена, и не спускал глаз с эффектного вида перед ними. Затем он перевёл серебряные с чёрным глаза на Силти, позволяя тому увидеть тревогу, которая скрывалась у него внутри.

Какой цели это послужило бы? Там ты найдёт лишь конец наших времён. Там нет никаких сражений, чтобы побеждать, только трофеи, которые можно захватить.

- Мы зашли так далеко, Найс! Как мы можем теперь остановиться, когда мы можем захватить Сентриум? Посмотри на это, Найс! Посмотри на это. Разве это не то, за что сражался твой отец? Разве он не хотел бы, чтобы ты сделал ещё один шаг вперёд? Представь себе, какой это блистательный приз для Дома Ансгара!

Да, он атаковал бы врата, ты прав. -- Ответ был плоским и грубым, как кузнечный молот. -- Но я не Бедвир, и ты - не его наследник, Силти Ансгар-ан. Есть более важные дела, которым следует уделить внимание, чем разграбление Сентриума.

Раздражённый и уязвлённый, Силти обернулся и посмотрел вверх на Адсулату и Элу, которые ответили ему безучастными взглядами.

- Тогда я нападу на врата вместо тебя, сын Бедвира, - ответил он. -- Мне понадобятся два отряда Стражей и один Сокол.

Сегодня не будет никаких атак, - ответил Найс тоном, не допускающим возражений. Словно он уже заглянул в

будущее, и знал наверняка, что ни он, ни Силти не атакуют до следующей светлой фазы лайтниса. Это был не приказ, это была простая констатация факта.

- Мы прошли весь этот путь не для того, чтобы остановиться в последний момент, - сказал Силти, едва в состоянии сдержать своё разочарование. -- Я пришёл сюда не для того, чтобы посмотреть на эти сияющие врата и не коснуться их!

Мгновение Найс смотрел на него, а потом отвернулся, не произнеся ни слова. Это был снисходительный взгляд, словно бы он чувствовал недовольство. Затем он пошёл назад мимо антигравитационной платформы, на которой тихо стояли Эла и Адсулата, даже не взглянув на них. Стражи позади платформы быстро расступились, чтобы пропустить его, и он проворно прошёл сквозь их ряды, словно у него была цель, которая ждала его с другой стороны строя.

Остальные наблюдали, как он молча шёл, но у каждого из них был в голове тот же самый вопрос.

Элаашбэль наблюдала, как её брат с грохотом воткнул своё знамя в землю перед Вратами Ривалина, объявляя права Призрачного Паука на главную дорогу в Сентриум. Она отметила, что он использовал своё собственное золотое знамя, пронизанное чёрной паутиной, вместо того, чтобы установить цвета Ансгара или тех же Пауков Варпа. Было что-то отвратительное в его манере, что заставило её чувствовать неловкость. Он казался каким-то неестественно чистым в своих намерениях, словно бы он не использовал больше способности по доброй воле, а скорее исполнял веления какой-то высшей силы. Он не излучал ауры самосознания. Не было никакого выбора.

Когда её брат развернулся и ушёл прочь, промчавшись мимо неё и двигаясь в тыл армии, Эла поняла, что Сентриум вообще не был его целью. Он не имел для него почти никакого значения. Вместо этого его мысли были в другом месте, в разрушенном Храме Пауков Варпа с погибшим Экзархом Эйнгил.

Подобно всем другим эльдарам,

которые сражались в битве у Прохода Улы, Эла почувствовала ударную волну после разрушения храма. В отличие от большинства их них, она знала, что это было, и почувствовала резонанс, который раздался в разуме Найса. Она видела его ярость и наблюдала, как он неистово прорывался сквозь Тейрту.

Но Призрачный Паук не был Яростным Мстителем. Легенды говорят, что он возвращается на Каэлор в моменты великой опасности как воплощение Флюир-герна. Он не сражается ради себя или ради мщения. В его желаниях нет места мелочным импульсам мести. Эла видела, что битва бушевала в даташир Найса, когда он сражался, чтобы утолить своё собственное желание величия для дома своего отца, против превосходящих сил неутолимой судьбы. Она видела, что это сражение он проигрывал. Даже до его возмутительного гнева на арене храма, когда в финале Силти взял над ним верх, даже до его ярости, когда он был оставлен в тылу во время сражения Силти против Стражей

из Пределов, даже до того, как призрачные нити Флюир-герна захватили его душу в плотно сотканные сети. Найс вёл борьбу против своей природы и своей судьбы. Словно бы он был вынужденным участником постепенного процесса метастаза с момента своего рождения. У хозяина, вместившего Призрачного Паука, не было выбора, это он был избран.

Владычица Айони видела это, также как она видела и необычный путь Элы. Провидицы Ютран увидели опасность в самом начале, и они изгнали маленькую Элу из своей общины, называя её вох – терзостью, но они лишь прогнали её с глаз долой, словно боясь возможных последствий любых действий, направленных против неё, как если бы будущее вмещало в себя столько противоречивых ужасов, что они не могли выбрать какой-либо один вариант. В итоге они решили не брать на себя ответственность за маленькую необычную девочку среди них и просто выгнали, чтобы оградить себя от неё. Должно быть, они знали, что она отправиться обратно в домены Ансгара, к

Найсу.

- Куда он идёт? - спросил Силти. Его взгляд был прикован к спине Найса, но слова были адресованы Эле.

Он пошёл, чтобы выполнить Ритуал Поминовения, - ответила Адсулата. - Он оказывает честь погибшему экзарху своего храма.

Эла просто кивнула. Она чувствовала этот зов, как пустоту, притягивающую мысли Пауков Варпа. Все они наблюдали за Найсом с безысходностью тех, кто видел последнее пламя, мерцающее во тьме подземелья. После гибели их экзарха и их храма он олицетворял собой дамашир Пауков Варпа на Каэлоре, и они смотрели на него с благоговейным трепетом, словно он был богом, живущим среди них.

Я должна быть с ним. Она также была и моим экзархом, - продолжала Адсулата. Безотчётно она подвинулась к краю платформы и приготовилась спрыгнуть.

Подожди, - сказала Эла, следя взглядом за своим братом, но направляя мысли арахниру. - Есть более важное дело.

Адсулата остановилась.

Айден при смерти. Эйнгил его смертельно ранила, а сын не сделает ничего, чтобы спасти ему жизнь.

Замечательно. – Ответ арахнира был резким и решительным.

Может быть, но разве ты не видишь, что это означает? Камень души Айдена будет помещён в святыню Флюир-герна, привнося новую струю ненависти в душу Каэлора.

Несомненно, бассейн душ может поглотить эмоции любого эльдара, вне зависимости от их характера? – Адсулата, казалось, сомневалась.

Ты задала неверный вопрос, арахнир. Конечно, Флюир-герн может поглотить энергию Айдена. Вопрос, скорее, состоит в том, какое влияние будет иметь эта энергия на путь Каэлора. Этот искусственный мир и так уже опасно балансирует на краю своей собственной гибели, у самого конца дней. Он движется по краю закручивающегося вихря варпа, вызванного им самим, и атмосфера внутри искусственного мира колеблется

между тьмой и яростью во Внешних Пределах, и потаканием порокам и упадком, укоренившимся в Сентриуме. Будущее Каэлора находится в состоянии хрупкого равновесия, настолько ненадёжного, что единственная сильная душа, подобная Айдену, может опрокинуть его за грань.

Ты видишь это, Эла Ашбэль? – спросила Адсулата.

Это ясно, как день, - ответила Эла, осознавая только в этот момент, насколько очевидным это было. Словно бы Каэлор вели прямо к этому моменту выбора, как если бы его специально сбалансировали на столь тонкой грани. Вихрь, возобновление войны на Каэлоре после долгих веков мира, а затем появление Призрачного Паука, всё говорило о хорошо спланированном пути. Это не могло быть простым совпадением, не под руководством династии столь мудрых ясновидцев. Гоури видел это будущее? Эта пропасть мелькала в разуме Айони, когда она произнесла пророчество? Разве Ахирн и в самом деле не видел рисунки и нити

будущего, простиравшиеся в настоящее? – Пришло время судьбы.

Что ты хочешь, чтобы я сделала? – спросила Адсулата, возвращаясь к маленькой Эле, и вставая рядом по стойке смирно, словно была вызвана экзархом, чтобы получить поручение.

Возможно, ничего уже нельзя сделать, - ответила Эла в задумчивости. - Возможно, уже всё свершилось, и мы здесь лишь для того, чтобы стать свидетелями драмы последних дней?

Я не верю, что ничего нельзя сделать, с Ликосидаем и Эвилин, которые стоят среди нас в это время судьбы.

Адсулата выпрямилась в полный рост, внезапно наполняясь гордостью.

Твоя вера слепа, арахнир потерянного Храма Паука. Роль Найса во всём этом не ясна даже мне. Он действует не по велению своей души, поэтому будущее не содержит эха его воли. Он не законченный и бесформенный. Его намерения продиктованы не нами и не им самим, а, скорее, Флюир-гернон. Он исполнитель, а не действующее лицо.

Что с камнем души Айдена? Если мы сумеем предотвратить Церемонию Перехода, это поможет улучшить ситуацию?

Эла замолчала и повернулась к сверкающему Сентриуму, обдумывая проблему. Казалось, яркий свет потускнел, словно бы на великолепные, главные купола Каэлора внезапно опустился плотный занавес. Даркнис наступил необычно рано.

Может быть, ещё есть время, но я подозреваю, что положение вещей уже вышло за пределы столь простых решений. Если это будет не душа Айдена, это могут стать собранные вместе души погибших Стражей или Яростных Мстителей. Я уверена, что сражения уже собрали запасы камней душ, которые ещё должны пройти эту церемонию. С самых времён Династических войн мы не видели такого кровопролития в сердце Каэлора.

Возможно, камень души Айдена здесь скорее символический, чем основной. Кто бы ни стоял за всем этим, он играл в тонкую и просчитанную игру. Может быть, отделению Пауков Варпа удастся

проникнуть в Сентриум и сорвать церемонию? Возможно, мы могли бы даже выкрасть камень души Жогана.

Возможно, - бесцветно ответила Эла в сомнении. – Но это не будет иметь никакого значения.

Наконец она увидела, что ничего невозможно сделать, чтобы помешать пути Каэлора в будущее. Оно было вылеплено с таким искусством за столь долгое время, что в настоящем не оставалось почти никакого пространства для манёвра. Им нужно было чудо, непоколебимая сила, способная противостоять тяжёлому, катящемуся колесу истории, которое следовало своим курсом в будущее.

СНАРУЖИ СВЯТЫНИ Сентриум был укрыт тяжёлой и всеобъемлющей темнотой. Она опустилась подобно внезапной, безмолвной буре. Тёмная фаза каэлорского даркниса наступила раньше обычного, окутывая сверкающий сектор подобно савану. Эльдары на Площади Ваула и Притоке Багаррота были мрачны

и угрюмы, словно выражая тёмное настроение, которое заполнило домен.

Внутри святыни почти никого не было. Никого из стоящих в темноте площади внутрь не пустили. Ориана с маленьким Тьюри утчалась назад во дворец, повернув назад в ужасе от финала тех дел, которые открывались перед ней. Она увидела маниакальный блеск в глазах Морфрэна, и не хотела принимать участие в том, что должно было произойти.

Следуя за шаркающей фигурой старого Ясновидца Ривалина, хранители святыни сопровождали носилки Айдена вниз в гулкий центральный проход Святыни Флюир-герна. Они находились под пристальным наблюдением Морфрэна на случай, если вдруг решат создать проблемы из-за необычного состояния их подопечного. Айден был ещё явно жив.

Синния и Селиддон стояли рядом с Морфрэном на возвышении перед Четырёхгранным алтарём. Прежде, чем Айден утрёт, Морфрэн хотел, чтобы его отец увидел, что часть Нэвир, которые

никогда не подпускали Айдена близко к своим сердцам, приняли его. Айден всегда думал, что его презирали потому, что он был воином, и это, конечно, было причиной, почему большинству Нэвир были не по нраву он и его дом. Однако Морфрэн быстро понял, что, по крайней мере, одну группу придворных не заботили вообще смерть и насилие на руках военных домов. Они просто хотели получать удовольствия, которые всегда были неотъемлемой частью Нэвир Сентриума.

Пока ничего не мешало их культу удовольствий, они могли принять кого угодно. Они были Нэвир, которые были близки его собственному сердцу. Они приняли его по той же самой причине, по которой отвергли его стоического отца. Они приняли его по той же причине, по которой отец презирал его.

Когда носилки остановились перед алтарём, Морфрэн медленно спустился по ступеням, чтобы оказаться рядом с отцом. Хранители святыни переводили взгляды с распростёртого, с широко открытыми глазами, тела Айдена на

Морфрэна, а затем на ясновидца, чьё морщинистое и старое лицо не выдавало никаких эмоций. Обменявшись друг с другом испуганными взглядами, хранители святыне не знали, что следует предпринять. Путевой камень живой дамашир никогда не следовало забирать у её тела. Это было чудовищно. Это был тот род поступков, о которых снова и снова рассказывали в ужасных сказках о тёмных. Это была своего рода пытка, которую жаждут демоны варпа в качестве подношения или жертвы. Хранители святыни не могли даже думать о возможности такого деяния и вероятности помещения души живого эльдара, которая вынесла такие ужасающие мучения, внутрь Флюир-герна, сама мысль об этом наполняла их ужасом. Они не могли даже осознать, как это могло бы повлиять, или какого рода ужасы будут выпущены на свободу в бассейне душ Каэлора.

Уходите. -- Мощные, недвусмысленные мысли пронеслись над хранителями святыни от возвышения, исходящие от

одетой в красное платье провидицы Ютран, когда она спускалась вниз по ступеням, чтобы присоединиться к Морфрэну, который стоял рядом с застывшим в ужасе лицом Айдена.

Казалось, хранители святыни приморзли к месту, где стояли, словно поражённые страхом и не в силах поверить в происходящее.

Вон! – Приказ Синнии подхлестнул их разумы и заставил двигаться, отталкивая их назад вглубь святыни. Мгновение они колебались, неуверенные в том, должны ли они выполнять приказ провидицы Ютран в присутствии ясновидца, умирающего Жогана и его сына. Затем они быстро поклонились с большим облегчением, когда поняли, что будут избавлены от этой сцены, и поспешили обратно по проходу наружу на площадь, двигаясь с поспешностью злоумышленников, покидающих место преступления.

Когда хранители святыни исчезли, Морфрэн оглянулся на Синнию и усмехнулся. Он глянул назад поверх своего плеча на статную фигуру Селиддона,

который остался стоять перед алтарём, и опять ухмыльнулся.

Повернувшись снова к лежащему телу своего отца, Морфрэн поднял взгляд и уставился в глаза ясновидца, широкая ухмылка всё ещё прорезала его лицо. Ахирн ничего не ответил, понимая, что ничего уже нельзя было сделать. Он просто опустил глаза на лицо своего Жогана, который беспомощно лежал между ними.

Очень медленно Морфрэн наклонил своё тело так, чтобы его лицо стало вровень с Айденом, а их взгляды были направлены прямо друг на друга. В то же самое время он протянул руку под складками плаща, которым был укрыто тело Айдена, чтобы скрыть ужасные раны, нанесённые Пауком Варпа. Он прикоснулся к сияющему, отполированному драгоценному путевому камню, прикреплённому к цепочке, висящей на шее Айдена. Он был всё ещё тёплым наощупь, словно излучал жизнь. Когда пальцы сомкнулись вокруг камня, он увидел, как глаза его отца ярко вспыхнули в ужасе и тревоге.

Его зрачки шевельнулись, словно он боролся с собственной неподвижностью изо всех сил, пытаясь вложить последнее усилие в движение руки или ноги, которое могло бы предотвратить ужасное действо. Его губы едва заметно дрогнули, но у старого воина уже не было достаточно сил, чтобы вымолвить хоть слово. После длинной жизни славных сражений и власти, в свой последний момент Айден был абсолютно беспомощен перед потакающим своей злобе его собственным сыном.

Собрав всю гордость, чтобы с достоинством встретить свой последний миг, Айден признал, что это был конец. В его глаза проступила неистребимая гордость, ненависть и злоба, но когда пальцы Морфрэна плотнее сомкнулись на камне души, даже сильная воля Айдена была сломлена ужасом.

На мгновение его глаза вспыхнули, а затем внезапно их заволокла тьма, словно свет его жизни был высосан в пустоту. В то же самое время Морфрэн вытащил свою руку, сжатую вокруг слабо

светящегося и лоснящегося кровью путевого камня Айдена. Он снял его с тела отца и разжал кулак, чтобы другие могли видеть то, что он сделал, а затем повернулся и бросился вверх по ступеням к Четырёхгранному алтарю.

Без церемоний, в волнении и недостойной поспешностью он вставил путевой камень в небольшую выемку сбоку алтаря. В течение мгновения ничего не происходило, и Морфрэн оглянулся на Синнию в растерянном недовольстве, написанном на его лице. Отсвет обвинения вспыхнул в его глазах, словно бы ей ставилось в вину неисполнение обещания.

Когда он отвёл взгляд, искры ша'эйль дугой вспыхнули внутри материала алтаря, словно началась некая реакция. Тонкие лучи света сияли на полу святыни, пронизывая стены, а затем вместе устремились обратно в середину потолка, словно собираясь в озеро. Спустя мгновение это озеро начало изливаться вниз с потолка шипящей, жидкой струёй энергии варпа, погружаясь вниз в середине прохода.

Нэвир, ясновидец и Морфрэн

оглядывали сияющее и блестящее внутреннее помещение святыни с потрясённым изумлением. Они увидели, что древняя конструкция здания в самом сердце Каэлора была не в состоянии выдержать интенсивности вырвавшейся энергии. Словно сам Флюир-герн восстал против насилия, совершённого над ним, как если бы внезапно пришли в ярость сотни тысяч ушедших древних душ. Святыня сияла, как сверкающий маяк в варпе, привлекая жаждущие и похотливые силы и демонов, которые, почуяв пищу, устремились к ней из вихря снаружи, заставляя материальные пределы сотрясаться и дрожать. Внезапно даркнис в Сентриуме был разорван на части, когда завитки пурпурного огня варпа ринулись сквозь структуру искусственного мира. Эльдары на всём Каэлоре замерли, застигнутые ошеломляющим и неожиданным испугом.

Пока четверо эльдар в святыне поворачивались кругом и с трепетом вглядывались в происходящее, Четырёхгранный алтарь, казалось,

раскалывался изнутри, как если бы невероятное давление света старалось вырваться из его древней и стойкой конструкции. Сверхъестественное и нереальное давление невидимых измерений внезапно резко увеличилось, взрывая алтарь фонтаном пропитанных ша'эйль осколков, которые дождём рассыпались по всей святыне, как огонь с небес.

Глава десятая. Революция

Силти не мог поверить тому, что происходило. Он сражался на своём пути от Внешних Пределов и в Проходе Улы, отважно преследуя отступающую армию Тейрту, что заставило бы Бедвира наполниться гордостью. Изрядно поредевшая, но победоносная армия Ансгара готовая захватить Сентриум, остановилась около Врат Ривалина, наполненная могучей силой и имеющая превосходящий боевой дух, всё ещё струившийся в венах каждого воина. Сверкающие сокровища Двора Ясновидца были в пределах их досягаемости, искушая своим блеском и сиянием. Достаточно было лишь одного слова, и Ансгар штурмом бы взял хрустальный домен, возвратил бы ясновидца и потребовал в свою собственность величественное великолепие Сентриума. Наконец они бы могли свершить месть и правосудие. По каким-то причинам, Найс, казалось, не понимал их положения. Он заставил

армию остановиться, как сделал это перед сражением у Прохода Улы. Ансгар остановился на самом пороге своей цели, колеблясь в шаге от победы, словно скала на одном камне, прежде чем отколоться от утёса. Несмотря на обиду своего первого разочарования, Силти постепенно убедил себя, что сын Бедвира в тайне узрел проблеск будущего, и знал, что Тейрту выйдут им навстречу, если они останутся на своём месте. Он предполагал, что Найс предпочитает дать решающий бой на открытом пространстве перед великими вратами, чем сражаться в лабиринте и ограниченном пространстве хрустальных улиц этого аристократического сектора. Это было бы повторением его тактики у Периметра Стикслин, где он поджидал глупого командующего Тейрту, когда тот вырвется из прохода и вступит в бой с Ансгаром на открытом пространстве Равнин Фаэрула. Однако прошёл почти день молчания и медитации среди своих товарищей Пауков Варпа, а Найс не подавал каких-либо признаков подготовки

к нападению. Даже когда внезапный грохот взрыва энергии варпа необъяснимо и ужасно сотряс структуру искусственного мира, в дребезги разбивая древний свет Сентриума на бессчётные осколки фиолетовой тьмы, Найс даже не пошевелился, чтобы использовать возникший беспорядок, который последовал вслед за этим. Он просто продолжал неподвижно и спокойно сидеть с закрытыми глазами, удерживая армию на грани её готовности и желания умереть.

В течение дня он сидел в безмолвной медитации в пределах видимости Врат Ривалина в центре круга тихо поющих Пауков Варпа. Его яростные серебряные глаза оставались закрытыми и губы двигались в такт, произнося слова ритуальной песни, которая кружилась вокруг него. Воины Аспекта держались отдельно от основных сил Ансгара, но лишь символически. Они оставались в пределах нескольких десятков шагов позади клина.

Внезапно глаза Найса резко открылись. В течение одного момента он

обвёл взглядом круг, охватывая взглядом фигуру каждого Воина Аспекта, которые его окружали, передавая им свою силу в память о погибшем экзархе, но высоко над ним, на далёком потолке, все они ощутили другой тип энергии, которая пульсировала в структуре Каэлора. Найс мог видеть, как она потрескивает и сверкает, подобно собирающейся буре.

Что-то вырвалось на свободу.

Тогда Найс поднялся на ноги и с уважением поклонился воинам вокруг него.

Мы должны вернуться в храм. – В его мыслях не было приказа и принуждения, но они не допускали возражений. – Здесь нам больше нечего делать, а доспех экзарха должен быть сохранён должным образом. Храму Пауков Варпа нельзя позволить лежать в руинах.

Воины Аспекта встали, а затем опустились на колени, уперев кулаки в землю в знак уважения и повиновения Призрачному Пауку, находившемуся среди них. После смерти экзарха, Найс был единственным символом их святыни. Его слово было для них законом, и если он

сказал, что они должны повернуть назад от Врат Ривалина и возвратиться в лесные зоны Ансгара, значит именно это они и сделают.

Так они и поступили.

К изумлению и ужасу Силти, Найс просто усадил Пауков Варпа обратно в их Соколы и затем ушёл, забрав с собой Адсулату и маленькую Элу. Они просто кивнули и последовали за ним, словно его выбор имел прямой и естественный смысл, или как если вообще не было никакого выбора. Они не сделали попытки убедить Силти присоединиться к ним, и Найс создавал впечатление, что Силти должен остаться перед Вратами Ривалина, чтобы охранять путь и препятствовать Тейрту преследовать их, когда они вернуться домой во Внешние Пределы. Казалось, у Найса не было никаких намерений захватить этот сверкающий трофей, лишь только убедиться, что Тейрту не смогут больше причинить бед эльдарам Каэлора.

Когда Силти наблюдал, как контингент Пауков Варпа исчезает вдали

широкого Бульвара Кольдо – легендарного и обширного сквозного пути, который вёл из центра цивилизации в отсталые области стикс-тан, он в тревоге покачал головой. Он не мог поверить, что так долго скрывавшиеся воины Ансгара появились из глубин лесных зон, чтобы сражаться за его кузена только потому, что он был сыном Бедвира. Посмотрите теперь на этого наследника, убегающего прочь от сражения, которое бы определило ход истории в веках. Он бы не ушёл. Он бы доказал Стражам Ансгара и всему Каэлору, что был законным патриархом этого великого дома. Он показал бы им, что Хукулин был прав, безоговорочно приняв его лидерство, но бросил вызов притязаниям Найса. Безжалостный способ, которым Найс расправился с благородным старым воином, бросившим ему вызов, должен был стать достаточным основанием для всех эльдар Ансгара, чтобы осудить его ценности, и всё же они покинули леса, чтобы следовать за ним.

Теперь так называемый Призрачный Паук бежал с поля битвы. Его вкус к крови

и смерти уменьшился, и объятия Каина отпустили его. Вместо него был Силти, который стоял перед Вратами Ривалина во главе армии Ансгара. Это был Силти, который держал судьбу Сентриума в своих руках. Это был Силти, который слышал в своём разуме соблазнительный шёпот, зовущий его в сверкающий, хрустальный придворный сектор. Хотя он не мог определить источник искушения и сладострастных голосов, он находил их почти непреодолимыми. Они говорили с чем-то глубоко внутри его дамашир, подталкивая его к черте, которая была неотъемлемой частью его сущности, и выходила за пределы рационального контроля.

Силти знал слово Каина, и это слово было – война.

Когда Силти и Найс противостояли друг другу в бою на арене Храма Паука, победа досталась Силти, не Найсу. Таким образом, когда Найс уходил назад в проклятые, грязные и угнетённые области стикс-ман, оставляя Силти в блестящем славой изысканном сердце Каэлора, вещи

просто вставали на свои места.

Силти отвернулся от уменьшающегося строя Пауков Варпа, когда они приблизились к далёкому горизонту, и уставился на великолепие Врат Ривалина, словно только что проснулся. Большие полосы энергии варпа образовывали дугу от потолка до пола и потрескивали под его ногами, словно подчёркивая драматичность момента. В самой атмосфере Сентриума что-то изменилось. У Силти было такое чувство, будто бы баланс сил сместился.

Как кто-либо из эльдар мог стоять так близко к такой славе и не испытывать справедливое желание захватить всё это в свои руки? Повернуть назад означало бы отринуть неотъемлемую часть своей натуры.

Он чувствовал взгляды Стражей Ансгара, сверлящие его спину. Они задавались вопросом, что он собирался делать. По рядам прошла волна ожидания, словно воины дома ждали, что он развернётся и поведёт армию обратно в Ансгар, направляясь по стопам Найса. Он

чувствовал ожидание этого, словно для них было чем-то невероятным, что он мог бы действовать независимо от своего мистического кузена.

В тот момент он ненавидел Найса. Он понял, что всегда ненавидел его. Все постоянно думали, что его кузен был особенным. Они шептались о пророчестве, которое предсказывало тёмное и великое будущее для маленького ребёнка-слир. Он пугал их, также как и его отвратительная и противоестественная сестра, но всё это было из-за казни его отца. Это было достоянием легенд, но это не означало, что легенды были чем-то большим, чем просто слухами или сказками, выдуманными праздными Нэвир или рунными певцами. Все вокруг устроили такой ажиотаж из вмешательства Владычицы Айони в спасение наследников Ансгара, как будто это уже само по себе было доказательством великой и загадочной судьбы. Но это было не так.

Даже в храме Пауков Варпа, хранители святыни и Воины Аспекта –

все относились к Найсу по-иному, чем к нему. Арахниры давали ему особые привилегии и выделяли его похвалой, даже когда Силти делал что-то лучше. Поэтому он был так рад, когда наконец превзошёл Найса в их последнем бою, перед тем как перешёл из разряда учеников и получил полную броню Паука Варпа. Насколько он знал, Найс ещё не прошёл испытания, чтобы стать Воином Аспекта. Он был ещё слишком юн. Как бы он ни изменился, или как бы ему ни удалось убедить остальных в переменах, произошедших с ним, Силти был уверен, что Найс никогда не добьётся победы в равном поединке на арене. Он был всего лишь юным учеником в причудливой, золотой броне.

Формально, Силти всё ещё должен быть патриархом Дома Анспар, а не этот не по годам развитый и испорченный коротышка. Как характерно, что эльдары Анспара и Воины Аспекта Пауков Варпа не могли увидеть различий между блеском золотой брони и сутью настоящего боевого духа. Эмоциональные существа легко были

обмануты показухой, предпочтя её содержанию. Разве они не видели, что Найс повернул назад в самый решающий момент? Что даже сейчас он направлялся обратно к рассыпавшимся останкам разрушенного храма в опустошённом домене Ансгар вместо того, чтобы потребовать этот блестящий трофей для своего собственного дома.

Сентриум сверкал перед ним, подобно награде, и Силти понял, что это было возможностью показать Ансгару и всему Каэлору, чего он действительно стоил. До того как через несколько часов наступит светлая фаза лайтниса, он поклялся, что будет пировать в роскошном развращённом Дворе Ясновидца, и ясновидец будет лично наливать ему в бокал дымящееся вино Эдрисиан.

Подняв руку, он подал сигнал начинать штурм врат.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМЕН Ансгар было быстрым и без происшествий. Путь был уже очищен во время похода на Сентриум, и эльдары тех областей

приветствовали силы Ансгара как освободителей, даже если они и сохраняли некоторые подозрения относительно Пауков Варпа. Таким образом, дорога назад не составила труда. Ряд поселений вдоль пути пытались устроить тёплый приём возвращающимся воинам -- им также в детстве рассказывали легенды о Ликосидае, как и эльдарам Ансгара, - но Найс просто проследовал мимо них, словно даже не заметил протянутых рук гостеприимства. Они оставили след смущения и разочарования в сердцах каэлорцев из доменов Эочайн и Роэрн, прежде чем достигли лесов Ансгара.

Когда они вышли из-под деревьев на поляну вокруг некогда гордого храма Пауков Варпа, Соколы замедлили ход, останавливаясь, словно поражённые громом. Храм лежал в руинах, его каменная кладка была рассеяна по всей поляне. Стены развалились, словно взорвавшись изнутри, а шпили упали вниз, образовав груды щебня, которые отмечали их исходное положение.

Среди развалин и осколков камней,

прямо у разбитых и потрескавшихся остатков ступеней, которые некогда вели наверх к легендарным серповидным дверям, красная, мерцающая струйка отмечала местоположение экзарха Эйнгил. Её путевой камень исчез с нагрудной платины, и броня была всем, что от неё осталось, словно бы её тело впитала земля, или оно растворилось в психопластике бронированного доспеха, который она не снимала в течение долгих лет. Лишь её голова сохраняла органическую материю и, хотя лицо было искажено гримасой боли, её губы усмехались, словно бы во время смертельной агонии она испытала миг удовлетворения.

Спрыгнув вниз с одного из Соколов, Найс посмотрел вниз на погибшего экзарха, а затем на разрушенный храм. Вспышка гнева зажглась холодным огнём в его серебристых глазах, а затем он взобрался на остатки ступеней, чтобы осмотреть степень повреждения в глубине залов святыни.

Он протянул вниз руку и поднял

несколько кусков каменной кладки, легко бросив их в сторону, когда рассматривал руины. Наконец, после нескольких мгновений поиска, он определил местонахождение большой, тяжёлой, горизонтальной плиты ша'эльбр, которая оказалась неповреждённой и лежала на своём месте на земле, где когда-то был пол храма. Среди щебня он нашёл несколько неповреждённых посохов из ультбалы и, покрутив один в руках, вставил конец посоха под край плиты из призрачной кости, чтобы использовать его в качестве рычага. Единственным плавным движением он приподнял плиту над землёй, чтобы открыть тёмный проход с лестничной клеткой внизу. Он вёл вниз под разрушенное святилище, где когда-то находился паутинный алтарь, за которым в течение веков были спрятаны Троны Пауков.

Отодвинув плиту, Найс рукой подал быстрый сигнал Адсулате, которая уже спустилась с Сокола и склонилась над умершим экзархом. Арахнир взяла тело Эйнгил на руки и медленно пошла вверх по

ступеням, чтобы присоединиться к Найсу. Когда она осторожно пробиралась через камни, Найс твёрдо кивнул ей и исчез в открытом склепе под святыней.

Пещера под храмом была обширна и высока, с серией арок и колонн, усеивающих её, поддерживая конструкции храма наверху. Она была похожа на изобилующие пещерами катакомбы, лестница закручивалась вниз с потолка, подобно изящной спирали, и упиралась в сверкающую, прозрачную поверхность пола. Отражающий в темноте свет, масляно-блестящий бассейн, который покрывал землю, был пронизан сетью узких, белых проходов, которые составляли расходящийся узор из концентрических окружностей, связанных между собой в центральной точке, где жидкость пузырилась от едва сдерживаемой энергии. Прожилки зловеще вспыхивающего света змеились под поверхностью жидкости, словно электричество, текущее сквозь воду. От лестничной клетки пол имел сходство с гигантской, запутанной паутиной, расходящейся от воронки в

середине, которая бурлила невидимой, зловещей и тайной жизнью.

Найс ждал, пока Адсулата присоединиться к нему внизу вырезных ступеней, а затем последовал вперёд через лабиринт проходов, уверенно прокладывая путь к центру, словно дорога была записана в его мозге.

Как только они достигли центра бассейна, Найс пробормотал несколько неслышных слов и медленно провёл рукой над пузырящейся жидкостью. В течение мгновения ничего, казалось, не происходило, но затем бурление усилилось, и густая жидкость начала просачиваться через край дорожек вокруг них, словно уровень в бассейне плавно повышался.

Адсулата инстинктивно отступила назад, перепрыгнув с одной дорожки на следующее концентрическое кольцо от центра, но Найс остался неподвижным, позволяя странной жидкости плескаться вокруг своих золотых сапог, словно он получал от этого что-то вроде утешения. Когда уровень возрос, жидкость медленно расползалась вокруг его ног, вязкая и

плотная, а затем она начала медленно подкрадываться к его сапогам, вытягивая тёмные, мерцающие усики из бассейна. Выглядело так, словно жидкость хотела поглотить блеск его золотой брони.

Найс развернулся вполоборота и протянул руки к Адсулате, кивнув в знак того, чтобы она передала ему тело Эйнгил. Он крепко обхватил броню экзарха и легко повернулся, удерживая её в своих руках так, словно это был ребёнок.

Тем временем булькающая масляная жидкость дошла до точки кипения, распространяя вязкие волны, переливающиеся через край внутренних проходов и струящиеся по ногам Найса. Когда он смотрел, то увидел, что из бурлящей жидкости начали высовываться кончики шипов. Кончики быстро стали восьмью длинными, загибающимися внутрь копьями, образующими круглую, открытую сверху, клетку. Через несколько мгновений из бурлящей жидкости появилось основание клетки, и тот час же стало ясно, что это был своего рода трон. Он имел сходство с перевёрнутым пауком, с ногами,

поднятыми в воздухе вверх, которые образовывали спинку и борта, а его живот был сиденьем. Спереди трона высовывались большие клыки из широко открытого рта, откуда лился поток медленно сочащейся жидкости.

Повернув тело Эйнгил, словно оно ничего не весило в его руках, Найс осторожно опустил его на сиденье и прислонил спиной к священному Трону Экзарха. После короткой задержки, пряди блестящих призрачных нитей из тёмной, кровавой жидкости начали застывать, окутывая сидящий на троне доспех, и быстро покрывая его прихотливой, сверкающей сетью, словно оборачивая в кокон в объятиях трона.

Мгновение спустя Эйнгил ушла. Трон погрузился обратно в бассейн почти мгновенно, вызвав короткий вихрь вследствие резкого движения. Наступило молчание, а затем Найс прошептал несколько слов закрытия, запечатывая проход к подземной тронной зале, в которой доспех экзарха будет оставаться до тех пор, пока однажды его снова не

вызовет голос следующей души Паука Варпа, заблудившегося на пути Каина.

Когда уровень странной жидкости постепенно опустился, Найс преклонил одно колено и внимательно изучил жидкость. Он ткнул указательным пальцем в её клейкое вещество, а затем вытащил его, позволив длинной, липкой струйке вытянуться вслед за его рукой, словно жидкость не хотела его отпускать.

Что это? – спросила Адсулата.

Это – Флюир-герн, – рассеянно ответил Найс. Это знание было глубоко заложено в его родовую память, как если бы оно было просто частью разума. – Кровь Каэлора, проводящая призрачная жидкость, которая струится по венам и артериям искусственного мира. Этот резервуар под Храмом Ликосидая был обнаружен во времена Первого Воплощения. Он олицетворяет близкую связь между Пауками Варпа и бассейном душ Каэлора. Он напоминает нам о нашей обязанности хранить искусственный мир в чистоте. Взамен нашей преданности он сохраняет нашего экзарха, бережно храня его в

чистой энергии Флюир-герна пока его не призовут снова.

Когда мысли Найса достигли разума Адсулаты, бассейн в центре огромной паутины снова начал кипеть. Неожиданно заискрились и вспыхнули зазубренные линии пурпурного цвета, и бассейн начал пузыриться и пошёл рябью с новой энергией, словно оживал изнутри. Нездоровая, вязкая жидкость сгустилась и двигалась, закручиваясь в струи и неописуемые потоки далеко внизу.

Найс быстро вскочил на ноги, инстинктивно отскакивая от внезапно изменившегося характера потока проводящей жидкости. Затем он увидел, как в бассейне начало формироваться что-то знакомое. Рябь начала трансформироваться и успокаиваться, словно бы жидкость становилась всё более и более густой и эластичной. Сквозь бассейн стали проступать контуры гигантского лица.

Ясновидец! – в мыслях Адсулаты сквозили тревога и удивление.

Тёмное, колыхающееся лицо Ахирна

Ривалина приняло в бассейне сходную с оригиналом форму, его уста медленно двигались, словно произнесённые слова с трудом преодолевали временную задержку. Жидкость продолжала течь во впадину, которая сформировала открытый рот, наполняя слова бульканьем.

- Пауки Варпа Ансгара... Найс, сын Бедвира... Силти Ансгар-ан полностью уничтожил двор... дворец залит кровью... из-под контроля... потерянные души.

Внезапно изображение, казалось, потеряло всю слаженность и лицо просто распалось, погрузившись обратно в бассейн и не оставив никаких доказательств, что оно когда-то там было.

ПОТРЯСЁННЫЕ ПРИДВОРНЫЕ сидели в полной тишине, когда Силти пил Эдрисиан стакан за стаканом. Он откинулся назад в богато украшенном кресле ясновидца, положив на стол ноги в манере, которая некоторым несколько напоминала Морфрэна. Синния сидела сбоку от него, поджав губы, и хмурила брови от волнения и смеси страха и

отвращения, едва понимая, как реагировать на дикие изменения, которые внезапно захлестнули Сентриум. Причудливое потрескивание ша'эйль вырывалось из стен комнаты из призрачной кости, выдавая изменения и неустойчивое состояние искусственного мира. Тем временем другие придворные были скованы ужасом, неспособные адекватно реагировать на что-либо. В то время как они презирали Морфрэна за его неряшливую распущенность и ужасающую нехватку культуры, но никогда не испытывали перед ним страха, разве что из-за его близости к Айдену. Они смотрели на Паука Варпа с совершенно другим взглядом. Он пугал их также сильно, как и отталкивал.

Он пролотил Врата Ривалина так, словно они уже были открыты. Не было никаких церемоний начала, никаких переговоров или игры мускулами. Ворота просто стели постоянным и безжалостным потоком огня, разнеся их лишь чуть с большим трудом, чем разрывают занавес, и уничтожив Стражей

орудийных расчётов, неспособных устоять против такой ярости. Им не предоставили никакого шанса сдаться, несмотря на сокрушительную победу, которую Ансгар одержал над Морфрэном на Равнинах Фаэрула, и, несмотря на то, что у Стражей Врат не было никакой надежды устоять перед атакой и никакого кодекса чести, который бы призывал их умереть в последнем безнадёжном противостоянии. Силти предложил им только смерть.

Даже в Сентриуме ярость Паука Варпа не уменьшилась, а, скорее, возросла. Когда структура аристократического сектора вспыхнула и раскололась под действием яростного варп-шторма, который продолжал бушевать внутри материального строения искусственного мира, Силти словно был внезапно охвачен инфекцией ярости, и он вверг когда-то благородную и с незапятнанной честью армию Стражей Ансгара в безумство насилия. Когда армия продвигалась по улицам и бульварам Сентриума, подходя всё ближе и ближе к Дворцу Ясновидца, они становились всё менее и менее

сдержанными, словно их запреты постепенно рушились. Их знаменитая дисциплина и самообладание, казалось, были сломлены, словно их воля была подорвана непреодолимыми искушениями. Осталась лишь жажда крови, струящейся по улицам.

К тому времени, когда Ансгар достигли Площади Ваула, где оставшиеся Стражи Тейрту собрались для последнего противостояния, Силти окончательно потерял весь контроль над собой и над своими воинами. Это была скорее резня, чем сражение, когда Ансгар резали защитников, словно одержимые яростью Слаанеши, дрожа от кровавого экстаза, смерти и развеянных душ, которые кружились вокруг них в буре насилия. Никогда прежде по улицам Сентриума не текла кровь эльдар. Ни во времена Войн кораблей, ни даже в худшие дни Династических войн насилие никогда не врывалось так близко к Дворцу Ясновидца. Нэвир никогда прежде не были свидетелями такому.

Лишь горстка Тейрту избежала

резни, а некоторые даже обратились против собственных воинов, словно бы подвергшись инфекции буйства Силти, поворачивая свои клинки и сюрикен-катапульты против родичей или даже против самих себя. Это было безумие убийства, оргия насилия. Словно бы воюющие стороны дрались исключительно ради острых ощущений чувства крови, пятнающей их кожу. Все мысли о целях и высоких стремлениях, казалось, исчезли.

Группа Нэвир наблюдала за кровопролитием со своего балкона, высоко над безумной картиной. В то время как многие отворачивались в ужасе или отвращении, другие оставались у перил, не в силах отвести взгляд от ужасной притягательности зрелища, чувствуя возбуждение, ласкающее их души. Некоторые из тех, кто убежал, выказывая отвращение, постепенно возвращались обратно на балкон, пока он не оказался практически полон. Когда они смотрели вверх, то могли видеть разряды молний ша'эйль, сверкающие над зданиями и строениями Сентриума, когда сам Флюир-

герн, казалось, протестовал против такого насилия, вызванного поступками Морфрэна и вторжением вихря варпа снаружи. Когда они смотрели вниз, они видели залитую кровью Площадь Ваула, в которой отражалось потрескивающее проклятие, нависшее над ними, когда воины Ансгара и Тейрту в исступлении кромсали друг друга на куски.

Силти нашёл трусливого Морфрэна в личных покоях ясновидца, съёжившимся от страха, когда тот прятался за гордой, прекрасной Орианой и невинным младенцем Тьюри. Даже сам хилый старый Ясновидец Ривалин попытался встать между безумным Силти и трясущимся сыном Айдена. Морфрэн не вышел со Стражами, чтобы оказать сопротивление атаке Ансгара, но наблюдал за событиями с балкона ясновидца. В его глазах сиял блеск эмоционального возбуждения, а его тонкие губы были влажными, словно он пускал слюни. Даже не делая паузы на размышление, Силти прошёл через комнату, отодвинул в сторону ясновидца и

ударил своими энергетическими клинками в живот Морфрэна. Явно удовлетворённый тем, что наследник Тейрту был фактически мёртв, Силти резко развернулся и вышел также внезапно, как и вошёл. Однако, то ли по совпадению, то ли так было задумано, Силти не задел ни одного жизненно важного органа, и Морфрэн в течение долгого времени лежал в растекающейся луже собственной крови, прежде чем появились два Стража Ансгара и потащили его вниз в банкетный зал вместе с Орианой и Тьюри, оставляя блестящий след крови на чистом и отполированном полу дворцовых коридоров.

Все трое были повешены над столом. Вокруг их шей затянули красивые шёлковые петли, и вздёрнули одного за другим. Их повесили на высоких люстрах. По одному члену этой маленькой семьи висело на каждой из трёх люстр, которые освещали края и середину стола для почётных гостей. Морфрэн даже не пытался драться. Он уже потерял слишком много крови, и в любом случае

никогда не был достаточно сильным, чтобы оказать сопротивление Стражу. Он просто медленно раскачивался на верёвке, накинутой вокруг его шеи, из ран на животе стекала ровная струйка крови, тогда как его лицо становилось всё бледнее и бледнее. Блистательная Ориана также не могла оказать какого-либо сопротивления. Она пристально посмотрела в лицо Силти с самообладанием и достоинством, которые служили отличительным признаком лучших из Нэвир. Когда верёвку привязали и туго затянули вокруг её шеи, перед тем как ноги оторвались от опоры, она с презрением плюнула в лицо Паука Варпа в каплевидной маске.

Маленький Тьюри закричал. Его оставили напоследок, чтобы он мог видеть страдания Морфрэна и Орианы. Они позволили ему кричать и биться, и беспомощно драться. Затем они просто повесили его рядом с другими, позволив ему брыкаться и раскачиваться, пока не иссякли последние силы его детского протеста.

Силти наблюдал за страданиями наследника Тейрту с особым удовольствием, представляя, что это должно было стать и судьбой Найса, и проклинал слабую волю Айдена, который позволил жить этой маленькой мерзости. Помимо политической близорукости, Силти внезапно показалось невероятным, что Айден смог лишить себя такого непередаваемого удовольствия совершить подобное насилие над беспомощно невинными и одновременно такими беспомощно развращёнными наследниками Бедвира. Это было, словно поэма, Силти испытывал отвратительное, нездоровое, сладострастное и ироничное удовольствие, сгущавшееся в его душе, когда осушил ещё один бокал Эдрисиана и пнул Морфрэна по ногам, заставляя того раскачиваться.

Синния и Селиддон обменялись быстрыми взглядами, когда они сидели друг напротив друга за столом, который ломился от яств и напитков. Они едва могли поверить переменам, которые опустошили Сентриум. Они так усердно трудились и так долго защищали

удовольствия и привилегии Нэвир, избегая грубой, сверхдисциплинированной силы военных домов, что они никогда даже не думали о возможности, что насилие само по себе могло быть своего рода наслаждением.

В течение долгих лет они держались несколько обособленно от других придворных, балуя себя рафинированными, изысканными и утончёнными удовольствиями Сентриума, настолько глубоко, как того требовали их натуры. Вместе с небольшой группой аналогично мыслящих Нэвир, они жили с врождённой честностью, которую отрицал и отвергал Путь Эльдар Айнио. Они называли себя Иша-ан, искатели истины. В своей грубой и отталкивающей манере Морфрэн был таким же странником на том пути, но никто из них не скорбел о его переходе. Несмотря на их разложение, они всё ещё были Нэвир, и у них ещё были критерии изысканности, которых надо было придерживаться.

Айден был настоящим врагом: дисциплинированным, стойким и в то же

время враждебным. Он был внимательным и последовательным противником потворства своим желаниям, чем занимались так называемые Иша-ан. Хотя он восхищался великолепием двора и жаждал его одобрения, Жоган никогда не был в состоянии освободиться от дисциплины своего данир воина. Не зависимо от того, насколько он мог желать уйти с головой в наслаждения искусством или опьянением, сражение оставалось его единственной страстью.

Силти был совсем другим. Словно в нём был искромётный коктейль из дисциплинированной силы и разнузданной страстности. Битва не была для него средством достижения чести или победы, или доказательством собственного достоинства, или даже политическим средством, она означала лишь кровь и экстаз. Она сама по себе была потаканием своим желаниям, как симфония или поэма. Боль не была побочным эффектом удара, скорее это было его целью. Разные виды боли могли объединяться и создавать целые новые неиспытанные доселе

наслаждения. Боль других была изысканным блюдом, но и своя боль давала невыразимый восторг. Силти не был ни неповоротливым, ни жаждущим наслаждений болваном, как Морфрэн, ни суровым, угрюмым воином, как Айден. Он был истинным садистом, и осознание этого вызывало трепет возбуждения, который пульсировал в потрясённых Синнии и Селиддоне. Для них внезапно открывался целый новый мир наслаждений, и этот мир так прекрасно подходил к новой, хаотичной и развращённой атмосфере Сентриума, как щупальца вихря варпа снаружи Каэлора, смешанные с потрясённым насилием Флюир-герном.

Связанный, с заткнутым ртом, ясновидец был брошен на пол у ножки стола, позади потрясённой, безмолвной и строгой фигуры пожилой Провидицы Ютран Триптри Парак, чья бледность кожи начинала приобретать зеленоватый оттенок от ужаса происходящего. Он лежал недвижимым, вокруг него растеклась лужа Эдрисиана и впитывалась в его плащ.

Когда она смотрела на него, Синния осознала, что унижение и страдание Сиятельного Ясновидца заставили её душу вспыхнуть от удовольствия. Силти был гением дьявольского разложения. Затем она заметила, что старый Ахирн пытался слизывать с пола вино, и на мгновение задалась вопросом, получал ли он от этого удовольствие.

Глава одиннадцатая. Очищение

Похоронив своего экзарха в текучих объятиях Флюир-герна, Пауки Варпа возвратились к Вратам Ривалина. Их число было не большим – немногим больше, чем две группы, укрытые в двух гравитационных танках Сокол, но их настрой был мрачен и твёрд в своём намерении. Когда они приблизились к Вратам, то увидели разрушения, причинённые Силти. Тонкая и красивая конструкция знаменитых врат была разбита, расколота вдребезги и уничтожена, и мёртвые тела защитников врат всё ещё лежали на земле среди остатков их орудий.

Как и прежде, Найс остановил свои силы снаружи Сентриума. Он выбрался из Сокола и пошёл к воротам пешком, но когда достиг порога придворного сектора, он остановился, словно будучи не в состоянии или не желая сделать следующий шаг.

Он посмотрел вниз на отрезок Бульвара Кольдо, который вёл в сердце Сентриума от ворот. Как гласили мифы и легенды, его улицы были выложены призрачной костью, и здания сделаны из сверкающих кристаллов. В отличие от каких либо ещё мест на Каэлоре, кроме разве что лесных куполов в доменах Ансгара, потолки были почти невидимы из-за большого расстояния, но в этот день, высоко вверху на летящем ввысь куполе, вспыхивали змеящиеся трещины ша'эйль, подобно разрядам молнии освещая верхние секции потолка так, что он мог их видеть.

Было не трудно представить эффект, который такое место производило на чувствительные дамашир детей Иши, и Найс помнил глубинные связи между архитектурой и властью. На инстинктивном уровне он видел, что Сентриум сознательно создавался, чтобы обольщать душу, и впервые он задался вопросом, было ли это замыслом Гоури Сиятельного. Было ли такое возможно, что в течение бесчисленных лет, начиная

с Войн кораблей, постепенно углубляющийся упадок был уже предсказан и приближался, и даже был спланирован? Разделение на Нэвир и великие дома внешних пределов было сделано специально? Но для чего?

Присмотревшись внимательней вниз по улице, но всё ещё не решаясь сделать шаг в Сентриум, Найс увидел кровь. Она текла тонкими струйками сбоку от дорожки. Ей были испачканы окна и забрызганы хрустальные стены. Он увидел руки, безжизненно вытянутые из разрушенных дверных проёмов, и там же было несколько мёртвых тел, лежавших в водосточных желобах, словно их специально сбросили в сторону, чтобы расчистить путь.

Когда вихрь сверкал и врывался сквозь психочувствительную структуру Каэлора, наполняя Сентриум жутким пурпурным светом, Найс почувствовал, как инертная развращённость Нэвир переходит в ужасное насилие. Обольстительный аромат Великого Врага наполнял улицы, где когда-то веяло тонкое дыхание

фаэрула. Было так, как если бы он почувствовал, что изменилась его собственная дамашир.

Эта война больше не была противостоянием Тейрту и Ансгара, или древней враждой великих домов. Эта война была за коллективную дамашир-душу Каэлора. Слишком долго скрытому разложению и упадку позволили процветать в самом сердце искусственного мира. Так же, как в прошлый раз, Ликосидай вернулся, чтобы очистить систему. Сентриум должен был пасть.

Найс бросил ещё один долгий взгляд на окровавленную дорогу, а затем вернулся к своей армии. Пауков Варпа осталось не много. На всём Каэлоре остались всего лишь две группы, скрытые в корпусах двух танков Сокол, и стоящие снаружи Врат Ривалина. Возможно, лишь двенадцать Воинов Аспекта были готовы бросить вызов Силти, некогда благородной армии Ансгара и всему, что подстерегало в искажённом и едва узнаваемом Сентриуме. Даже для Призрачного Паука шансы

казались слабыми.

Когда он пристально разглядывал танки с отчаяньем, скребущем в его разуме, крышка люка откинулась, и на верхнюю часть корпуса поднялась маленькая Эла. Её синие с серебром одежды были цветов Ансгара, а сапфирные глаза ярко сияли. Она внимательно посмотрела на Найса, глядя прямо в его серебристые глаза, а затем слабо улыбнулась.

Это -- то, почему мы здесь, брат. Выбор находится рядом с путями других. Для нас есть только этот. Он всегда был таким, чтобы мы оказались здесь.

Когда на Сентриум опустилась темнота, одинокая, золотая фигура Найса, стоящая перед разрушенными Вратами Ривалина, была подобно символу войны; чистой, незапятнанной силе разрушения.

НА ГОРИЗОНТЕ гордо реяло шёлковое знамя Эйниона. Оно было чёрным, как космическое пространство, по краям оторочено бледно-синим цветом. В самом центре было изображено одно стилизованное крыло, загнутое

полумесяцем, и оно сверкало, словно усеянное сапфирами.

Армия была не велика, немногим больше чем одно отделение, но она сияла, как воплощение гордости, когда шла вслед за Уйшнехом Эйнионом. Там было несколько джетбайков и пара Гадюк, но никакого тяжёлого оружия не наблюдалось. Это были остатки той силы, которая противостояла Ансгару на стороне Айдена во время Династических войн, и у них не было ни причин, ни возможности восстановить свою мощь, начиная с той победы.

Находившийся во главе неровной колонны Уйшнех был одет в роскошный, церемониальный боевой костюм рода Эйнион. Большое, светлое перо украшало его шлем, а с плеч ниспадал длинный, терцающий чёрный плащ. В руках он держал лазерный бластер, а блестящий ряд на его поясе указывал на то, что он носил связку плазменных гранат. Позади него шёл почётный караул Пикирующих Ястребов со своими величественными крыльями, нарочито раскинутыми для

пущего эффекта. За ними шли Стражи Эйниона, пешком и на скользивших рядом ударных транспортах.

Когда они вышли из Лозы Маугана и повернули на Бульвар Кольдо, чтобы выйти из Сентриума, Уйшнех увидел фигуру золотого воина, стоящую посреди разрушенных Врат Ривалина, словно преграждая выход из Сентриума. Мгновение он думал, что молодой эльдарский воин стоит в одиночестве – хрустальный свет Сентриума ярко горел на его броне и загораживал от взгляда Уйшнеха Соколы Пауков Варпа позади него, – но когда его глаза привыкли к сияющему отражению, он догадался, кем мог быть этот удивительный воин.

Две скромные армии мгновение стояли друг напротив друга по обе стороны от порога Сентриума. Будучи свидетелем злодеяний Тейрту, а затем Ансгара, Эйнион покидал двор, чтобы уединиться, предпочитая не иметь никакого отношения к происходящему. Однако Пауки Варпа балансировали на краю собственного уничтожения, готовые

атаковать Сентриум со смертью на остриях их клинков и потоками огня своих орудий.

На открытое пространство между этими двумя армиями вышла маленькая Эла, появляясь из смутной тьмы позади её брата, словно привидение ребёнка.

Уйшнех Эйнион. – Она знала, кто он такой без вопросов. – Не время спасться бегством от разложения двора. То время давно прошло, и всё же ты оставался. Этот выбор уже потерян для нас. Сейчас пришло время мужества, а не трусости.

Несмотря на неуважение его достоинства, старый воин Уйшнех решил, что он не может чувствовать себя оскорблённым ребёнком. Она пронзала, словно тёмная ведьма. Он вытянул свою руку, чтобы остановить небольшую, но гордую армию, и встал напротив Найса, на равной дистанции от Элы между ними.

Ясновидец попал в руки твоего отвратительного родственника, странное порождение Ансгара, хотя ещё не прошло много времени с тех пор, как я противостоял твоему отцу.

Прошлое не должно заботить нас сегодня, Лорд Эйнион Скрытого Клинка, кроме как потому, что оно принесло нам такое настоящее. Это – путь в будущее, которое определяет наша воля и наше достоинство, - ответила Эла, её слова не соответствовали её юности. – Мы стоим над пропастью, и Каэлор уже готов упасть.

Повисла долгая пауза, когда Уйшнех рассматривал невероятные фигуры Элы и Найса. Он посмотрел мимо них на сверкающие, но пострадавшие в боях гравитационные танки и заметил знамя Ликосидая, которое уверенно развевалось над ними. Он слышал легенды о Призрачном Пауке, точно также как и все другие эльдары на Каэлоре, но он также слышал пророчество Владычицы Айони, и считал слишком невероятным поверить, будто бы юный Найс действительно мог быть столь могущественной личностью перемен. Это было просто очень большим совпадением. В этом не было ничего больше, кроме нелепого и вульгарного совпадения. Это была просто судьба,

которую ленивые умы были не в состоянии понять.

Когда он кинул взгляд на пропитанные кровью улицы, Уйшнех увидел, что не может покинуть Сентриум в таком состоянии, вне зависимости от того, насколько его прежние жители внушали ему отвращение. Как потомок изначальных Нэвир, рыцарей эльдар, которые первыми отправились к звёздам на борту эпических искусственных миров, у него были обязанности перед Каэлором и душами эльдар, которые вмещал в себя искусственный мир. Поэтому он сражался на стороне ясновидца, а затем Айдена во время Династических войн, не для личного удовольствия или выгоды, а потому, что он был убеждён в их благородстве и праведных намерениях. Было ясно, что падение Айдена изменило всё.

Я буду сражаться с вами против Силти и уродства двора, - ответил он наконец, взмахнув рукой в элегантном поклоне.

Не сделай ошибку, Уйшнех Эйнион, ты не сражаешься с уродством. Ты несёт его с

собой.

ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ первой мыслью Силти было сбежать. Когда он услышал звук первого выстрела на Площади Ваула снаружи дворца, он обвёл взглядом банкетный зал и понял, что идёт Найс, чтобы лишить его всего этого. В течение всей своей жизни Силти соперничал с младшим кузеном, который приходил позже и забирал у него всё внимание. В конце концов, и в домене Ансгара произошло то же самое.

Теперь, после того как Силти привёл Ансгар к вершине их величайшего могущества и привилегий на Каэлоре, после того, как он захватил трон ясновидца и бросил стареющего Ахирна ползать по полу в луже вина, Найс пришёл воевать, чтобы украсть у него всё это. Это было не справедливо. Словно бы сын Бедвира просто был не в состоянии видеть успех своего кузена.

Серия взрывов тряхнула банкетный зал, заставляя несколько бутылок на столе опрокинуться.

Они сразу же покатились к краю стола, а затем упали, разбившись на полу. Потрескивающие разряды энергии протянулись из стен комнаты, издавая шипение и свист от непостижимой мощи.

- Вы должны защитить дворец! - внезапно завопил Силти. Он спустил ноги с края стола и обвёл взглядом комнату, слегка качаясь от опьянения. Он видел ряд Стражей Ансгара с лежащими на столе головами, и многих других, которые умышленно избегали его взгляда. Один или два предприняли вялую попытку подняться на ноги, словно собираясь отправиться на Площадь Ваула.

- Ваша обязанность защитить этот дворец! - выкрикнул он снова, беспорядочно пытаясь найти какие-либо слова, чтобы вдохновить своих сонных и пресыщенных воинов. Вся дисциплина, казалось, улетучилась. В то время как они яростно прорывались сквозь Сентриум, захватывая всё, что там было, упущение в концентрации мало что значило для Силти; он был счастлив видеть, что его воины ни в чём себе не отказывали после

столь долгих лет лишений, но сейчас, когда всё было почти закончено, он нуждался, чтобы они пришли в себя.

- Ваша обязанность защищать меня! - закричал он, осознавая, что это было самой важной и неотложной задачей. Его голос был полон настоящего чувства, и его наполняла нелепая, эгоцентричная уверенность, что его вспышки гнева будет достаточно, чтобы пробудить своих Стражей. В этот момент, он не думал ни о какой другой более возвышенной или благородной цели, чем защита его собственной персоны: он выбрал жизнь. Несколько Стражей кивнули, поднимаясь, отодвинули от себя напитки и еду, пошатываясь на ногах. Они неустойчиво раскачивались, и их глаза были мутными. Затем они медленно поклонились, словно это действие потребовало от них необычайной концентрации, прежде чем повернуться и побрести прочь из комнаты, наталкиваясь друг на друга и врезаясь в дверную коробку, когда они выходили.

В то же самое время большинство придворных Нэвир, которые

присоединились к пиршеству, осторожно поднялись со своих мест и начали друг за другом покидать комнату. Силти заметил, что они неожиданно твёрдо стояли на ногах, словно бы вообще не испытывали опьянения, в течение одного момента он задавался вопросом, как они могли сидеть среди такого восхитительного великолепия и, тем не менее, отказывать себе в удовлетворении своих желаний.

Он тихо посмеялся над ними, чувствуя, как повышается его чувство юмора. Он не нуждался в них. Наименее приятные Нэвир могли убираться в свои личные покои во дворце, если они этого хотели. Они надоели, и, несомненно, были бесполезны. Они лишь снижали желание потакать своим капризам, которое установилось в зале. Они только портили дело. Кроме того, достаточно Нэвир осталось на своих местах, улыбаясь с диким выражением глаз. Прямо рядом с ним Синния потянулась и коснулась его руки, словно предлагая ему забыть о других и вновь присоединиться к ней за

столом.

От наблюдения за их уходом, Силти отвлекло прикосновение Синнии, и его мысли понеслись вскачь. Несмотря на то, что его Стражи готовы были защищать его, он подозревал, что их, возможно, будет недостаточно. У Найса была способность лишать противников уверенности в победе, и он даже использовал миф о Ликосидае, чтобы заставить себя казаться другим более важным и внушительным. Это было так типично. Силти ненавидел его.

После мгновения напряжения и ярости, Силти резко рухнул в кресло, словно лишившись сил. Он наклонился вперёд и поднял первый попавшийся бокал, опустошая дымящуюся голубую жидкость одним глотком. Закидывая ноги обратно на край стола, он наколол в одном из блюд кусок тьюрейр-йуга, рассеянно откусывая роскошное и восхитительное мясо, словно вдруг позабыл причину всей этой суеты. В тот момент всё, о чём он мог думать, было то, что он был лишён таких замечательных лакомств в течение очень

долгих лет во время обучения в Храме Пауков Варпа. Он не мог поверить, что ему удалось вынести бедность и тяготы жизни во Внешних Пределах.

Ударив ногой, он отправил блюдо скользить по залитому вином столу, раскидывая бокалы и графины на своём пути, и наблюдал с весёлой улыбкой, как оно колебалось на краю прежде, чем упасть на пол рядом со связанным ясновидцем. Старый эльдар заметно вздрогнул и испустил стон.

ПРИТОК БАГАРРОТА выглядел ещё хуже, чем Бульвар Кольдо. Пол усеивали тела убитых, кровь стекала вниз со статуй, которые обрамляли некогда величественную аллею, и собиралась в вязкие, густые лужи. По искусно сделанным резным фигурам из призрачной кости, которые стояли по обеим сторонам главной дороги, пробегали потрескивающие разряды энергии, и они вспыхивали, словно пульсируя тёмными тлеющими углями запретной жизни. Некоторые изображения, казалось,

двигались и перемещались, когда Пауки Варпа со Стражами Эйниона проходили мимо них. Памятники словно смотрели на них. Как если бы какие-то холодные, неестественные глаза использовали эти монументы в качестве оптических стёкол и сквозь них наблюдали за происходящим.

Огромные статуи Крылатого феникса и Урана-тар-джейна, первого Экзарха Пикирующих Ястребов на Каэлоре, стояли примерно на половине пути по обе стороны бульвара, подобно величественным колоннам, концы их крыльев образовывали грандиозную арку, под которой проходило всё движение на пути к Площади Ваула и Дворцу Ясновидца. Глядя вверх с брони Сокола на их холодные и гордые лица, Эла увидела, что они, казалось, плакали. Широкие струи тёмной, кровавой жидкости сочились из их глаз и стекали по гладко вырезанным чертам. На мгновение Эла увидела промелькнувшую картину последнего видения, в которой из её собственных глаз стекали кровавые слёзы, и вспомнила сцену пожара и уничтожения,

которую она видела в глазах Найса, после того как он был побеждён Силти в Храме Паука.

Флюир-герн. На улицах Каэлор плачет своей собственной кровью, - прошептала Эла, позволяя своим сильным, детским мыслям захватить всех вокруг неё. – Это – последние дни.

Она сидела, скрестив ноги, на крыше одного из Соколов, в то время как Найс и другие Пауки Варпа ехали внутри двух гравитационных танков. Она казалась подобной талисману или эмблеме, совершенно не затронутой беспорядками, которые терзали области вокруг неё.

Когда рубиновые с золотом Соколы и чёрно-сапфировые Стражи Эйниона единым строем подошли к крылатой арке, стало ясно, что дальше проход заблокирован. Он был скользкий от потрескивающей и плотной жидкости, которая медленно сочилась из глаз Крылатого Феникса и стекала на аллею, а также там, казалось, была группа эльдарских воинов, преграждающих путь. По каким-то причинам было трудно

сказать, сколько их, словно воинов казалось больше, чем было на самом деле. Каждого из них окружало психическое эхо других. Аура насилия и мощи окружала каждого из них, подобно ореолу, как если бы они были просто не в состоянии удерживать в себе избыток энергии, которая присутствовала в их физических, одетых в броню телах. Каждый из них сам был армией, и они неподвижно стояли на пути Элы и Уйшнеха, который шёл во главе своих сил следом за грав-танком ребёнка-провидицы.

За их грозными и крепкими фигурами Эла могла видеть циркулирующую энергию, которая несла в себе отпечаток развязанного насилия и кровавой резни на Площади Ваула. Даже с того расстояния, которое делало её физическое зрение бесполезным, она могла распознать характерные черты Стражей и Воинов Аспекта, которые сражались друг с другом и проливали свою живую кровь на улицу вместе с душами. За порогом слышимости она могла различить скорбные крики боли и возгласы

удовольствия, которые разделяли демонические склонности и естественных свойства эльдарских воинов. Казалось, что неконтролируемые порывы наслаждения, которые пронизывали и распространялись в Сентриуме на протяжении многих веков, наконец, прорвались через его структуру и остатки дисциплины, и эльдары двора сражались между собой, словно одержимые ужасной жаждой. Кроме побуждения к экстазу насилия и смерти, Эла почувствовала слабое осознание цели продолжающегося сражения.

Ты не пройдёшь, не сразившись с нами, эвилин. – Тот, кто послал эту мысль, знал, кто она.

Ты ищешь смерть в сердце Каэлора?

Здесь есть только боль, маленькая эвилин. Ты действительно можешь видеть то, что впереди?

Мысли властно гремели и резонировали, доносясь из различных источников и прокладывая себе путь к Эле от воинов под аркой. Они содержали обвинение и были окрашены яростью, словно их хозяева были на грани гнева.

Экзархи Каина, - ответила Эла, узнавая группу тех, кто там был. -- У моего брата есть только его мечи, и он ожидает найти только смерть в этом отверженном месте. Я могу видеть только то, что его ожидания не сознательны. Они не его.

Когда её разум говорил, полосы варп-молний вспыхивали на далёком потолке и с треском били вниз через крылатую арку, освещая в середине бульвара фигуры шести экзархов, преграждавших путь. Отсутствовал только Лэйргнен из Аспекта Яростных Мстителей. Они угрожающе светились, словно неутолимая реальность.

Ты намерен остановить наше продвижение, квихан? -- спросил Уйшнех, выходя вперёд, чтобы обратиться к Вэндри, Экзарху Пикирующих Ястребов, у которого он когда-то обучался. -- Ты намерен направить свои когти против нас и позволить взбесившимся глупцам привести искусственный мир к концу его дней? Ты намереваешься сделать это под аркой наших великих предшественников?

Мы не можем вмешиваться в политические дела Олипсина, Ястреб Уйшнех. Ты знаешь это лучше многих. – Крылья Вэндри слегка раскрылись, словно ситуация причиняла ему дискомфорт.

Если вы преграждаете наш путь, стало быть, вы вмешиваетесь, - резонно возразил Уйшнех.

И что из того, если мы намеревается вмешаться, Ястреб Эйнион? – мысли были холодны, как горный ручей. Это была блистательная Андрасти из Аспекта Сияющих Копий. Она играла с ним.

Что, если эти события освободили нас от ограничений Шлема? Ты бы хотел, чтобы мы просто отступились без всякой мысли о насилии? – Тёмные, полные трачных дум, мысли Куарво, Экзарха Тёмных Жнецов, обрушились с шумом падающей скалы.

Ты просишь нас отказаться от нашего долга? – возразила гордая и сияющая фигура Фуэргана, Огненного Дракона.

Я ничего у вас не прошу. – Мысли были грубы и жгучи, подобно обломкам

углей или горячему стеклу. Они приступом врывались в разумы экзархов. Когда они заново настроили свои умы, чтобы ослабить боль, то увидели, что Найс со стуком открыл люк Сокола, на котором сидела Эла, и выбрался наружу. Без колебаний он спрыгнул с грав-танка и вышел к ним навстречу. -- Вы сделаете то, что должны. Это решать не мне и не Эле, и даже не вам. Будет так, как должно быть.

Ваше молчание было вмешательством в течение всех этих веков, - добавила Эла, словно прибавляя весу словам брата. -- Уважая предвидение Гоури и отказываясь отвергнуть Шлем Азуриа, вы также сыграли роль во всём этом. И на ваших плечах лежит часть груза последних дней.

Экзархи не пошевелились, и не показывали признаков того, что их затронули слова юной провидицы, они лишь уставились на Найса с неприкрытым любопытством, словно он был призраком давно умершего друга. Он был на целую голову ниже любого из них, но когда он

подошёл ближе, они одновременно отступили назад, словно инстинктивно пытаясь сохранить безопасную дистанцию от покрытого золотой броней юнца.

Ты – Ликосидай? – прошипела тёмно-зелёная фигура Мойны, Королевы Скорпионов. Она направила свою рукавицу с Клешнёй Скорпиона на грудь Найса, словно старалась держать его на расстоянии. – Ты возвратился к нам, как говорилось в пророчестве.

Он возвращается в Сентриум. – прошептали сомневающиеся мысли Моренн-кар, которая позволила угаснуть цепи своих размышлений, словно в сильном сомнении, стоит ли додумывать их до конца.

Вы отступите, - потребовал Найс. - Или присоединитесь к нам в этот бою. Мы идём лишь за смертью, не за богатством и удовольствиями этого двора. В будущем есть только кровь и огонь. Смерть – самый желанный выход для всех нас. Вы либо отступите, либо присоединитесь к нам в поисках смерти.

Мы – экзархи Каина, Призрачный

Паук. В наших душах есть только смерть.

Мысли Куарво были весьма экспрессивными.

И всё же они пришли одни, без своих воинов Аспекта, отметила Эла с интересом. Возможно, тому была причиной, что условия Шлема Азуриа ясно запрещали политическое вмешательство Святыням Аспекта, но не экзархам? Но такая тонкая лазейка имела привкус некой политической махинации, которых экзархи, как предполагалось, избегали. Более правдоподобным казалось то, размышляла она, что экзархи просто не доверяли дисциплине своих собственных воинов в этой обстановке. Вероятно, их надёжно удерживали внутри своих Храмов, закрытыми от соблазнов и волнений, которыми был переполнен Сентриум. Вероятно, они были правы, защитив своих воинов таким образом. Это не было обычной конфронтацией с видимым противником.

КОГДА НЕОБЫЧНЫЙ ОТРЯД показался из Притока Багаррота, на

Площади Ваула бурлила жизнь. В воздухе над площадью вспыхивали полосы энергии варпа, придавая сцене тягостный вид надвигающейся бури. Крошечные осколки призрачных кристаллов сыпались вниз подобно ядовитому дождю. С одной стороны Святыню Флюир-герна, казалось, атаковала большая и неоднородная группа эльдар. С другой стороны отделение Стражей Ансгара несло охрану перед Дворцом Ясновидца, они были достаточно дисциплинированы, чтобы удерживать свой строй среди всех этих беспорядков, но очевидно их не заботило, или они не обращали внимания на омерзительные действия, которые совершались вокруг них. В центре площади легендарную серебряную наковальню окружала толпа, которая, казалось, была занята чем-то вроде ритуала или жертвоприношения. Такого типа сцен не видели со времён Падения, дети Иши обратились против самих себя в поисках всё более высоких степеней насилия и наслаждений.

На мгновение воины Найса замерли на краю, чтобы собраться с мыслями и

защитить свои разумы от бешеной атаки образов и эмоций, которые переполняли площадь. Затем, словно внезапно придя к единой цели, они ринулись вперёд в драку. Только Эла осталась стоять на краю площади. Она стояла одна, словно пронзённая ужасом увиденного, и на её сапфировых глазах начали наворачиваться маленькие хрустальные слёзы. Она знала, что смотрела в пропасть, и что единственным путём к спасению будет очищение от падших душ. Единственная надежда Каэлора состояла в том, чтобы пролить кровь своих детей.

ЭЛЬДАР ПЕРЕД главными воротами Святыни Флюир-герна было немногим больше, чем численность яростной толпы Нэвир. У них было различное оружие, но не было организованности. Они громко стучали и били ворота прикладами орудий и рукоятями клинков, пытаясь расшатать структурную целостность древних врат. Что-то необъяснимое на заднем плане их коллективного, заражённого разума

заставляло их прилагать усилия, чтобы ворваться в святыню, словно их обуревала жажда после того, как Четырёхгранный Алтарь вспыхнул ярким маяком.

Вэндри был первым экзархом, который открыл огонь, пикируя с высот вниз над собравшейся толпой. Его сверкающие белые крылья делали его похожим на Багаррота, когда он отцепил несколько плазменных гранат со своего пояса, позволяя им свободно падать в болото под ним. Толпу разорвали три быстрые вспышки огня и света, мгновенно украшая площадь шарами раскалённой плазмы и частями сожженных тел. Однако оставшаяся часть толпы продолжила своё занятие, словно будучи не в состоянии заметить нападение Пикирующего Ястреба. Как если бы их разумы были затуманены и опьянены единственной навязчивой идеей.

Кружа над дракой, Вэндри достал ещё две гранаты. Как только он был готов бросить их, он увидел сияющую золотую фигуру Фуэргана, врывающуюся в толпу под ним, поливая порочное сборище ярким

тельта-лучом из своей огненной пики и разя направо и налево пылающим кулаком.

Тёмно-зелёная угрожающая фигура Мойны была тут как тут. Она прорывалась через толпу с привычной ловкостью, нарезая лоттями и разрубая встретившихся на пути своим жалящим клинком, одновременно извергая сюрикены из ствола катапульты, вмонтированной в клешню скорпиона.

Со своей превосходной позиции в воздухе над дракой Вэндри наблюдал, как буйная толпа вырождается в кровавую резню. Беспорядочное нападение на Святыню Флюир-герна было остановлено, когда эльдары медленно осознали смертельную опасность. Несмотря на превосходящую численность толпы, фуэрган и Мойна сверкали и оставались неприкосновенными, сея мгновенную смерть, подобно маякам света в бурлящем и шумном море.

Вернув на место гранаты, Вэндри спикировал на толпу, делая стремительные выпады своими когтями и обстреливая лучами лазерного огня

запаниковавший сброд.

Маленькая Элаашбэль неверной походкой направилась на площадь, она шла, словно во сне. Она видела сияющую фигуру Вэндри, пикирующую и выныривающую с небес перед Святыней флюир-герна, подобно пылающему ангелу на фоне исчерченного молниями потолка, проливающего сверху смертью на головы своих родичей каэлорцев. Под ним пламя фуэргана окатывало огненной смертью неуправляемую толпу падших Нэвир, а сверкающие клинки Мойны вспыхивали отражённой яростью огня.

В центре площади обступившую серебряную наковальню толпу срезало лазерное копьё Андрасти, когда та ворвалась в бой. В то же время зловещая фигура Куарво прочно стояла на ногах на некотором удалении от толпы и выпустила на свободу огненный ад из своей косы смерти, разнося культистов, как раз когда они упорствовали в своих стремлениях принести ритуальную жертву на наковальне Ваула.

Одновременно гибкая и акробатическая фигура Моренн-кар сделала сальто в воздухе и приземлилась в толпе, выписывая сложный узор смерти своим двуручным казнителем, отсекая конечности и снимая с плеч головы с захватывающей дух грацией и кажущейся непринуждённостью.

Эла была потрясена. Она увидела разнообразные аспекты Каина, вырвавшиеся перед ней на волю в безумстве смерти, обращенного против детей Иши, так же, как когда-то Каин погубил древних эльдарских героев.

Всё это было неизбежно. Оно стало неизбежным много эпох назад, возможно даже до видения Гоури Сиятельного. Возможно, это просто был неминуемый аспект эльдарской дамашир? Это была душа-слир, неуравновешенная, подверженная непредвидимым влияниям и требующая дисциплины. Задача состояла в том, чтобы хранить души падших от лап жаждущего Великого Врага, даже если это предполагало кровопролитие их собратьев эльдар. Каэлор желал, чтобы они сделали это. Он породил беспощадного

Ликосидая для того, чтобы восстановить баланс в развращённом сердце искусственного мира. Это была сила, которая не желала ничего, кроме смерти. Для себя он не желал ничего.

Когда вихрь прорвался и вспыхнул сквозь проводящую структуру искусственного мира, Эла ясно увидела это. Вихрь варпа снаружи был вызван совокупным упадком Нэвир, и он распространился по всему Каэлору. Щупальца похоти и разврата снаружи уже искали этого, проникая на искусственный мир и заражая души слабеющих каэлорцев, притягивая их ближе в лапы Слаанеши, которая ждала в центре бури, постоянно в нетерпении жаждая даташир детей Иши. Когда души её собратьев погрузились в бездну своего разложения, они подводили Каэлор все ближе и ближе к краю пропасти. И вот на Наковальне Ваула приносилась ритуальная жертва Слаанеши.

Развращённые и падшие должны быть убиты прежде, чем совместная сила их желаний сможет дать мутному вихрю

больше энергии – возможно, энергии, достаточной, чтобы поглотить Каэлор целиком – или прежде, чем вожделение Нэвир сможет столкнуть Каэлор в вихрь варпа, словно притянутый огромной гравитационной силой.

Смерть была единственным решением. Только в кровопролитии Каэлор мог найти спасение.

Со слезами, стекающими из её блестящих сапфирных глаз, Эла бесцельно брела сквозь побоище на Площади Ваула, наблюдая за экзархами, изливающих кровавый дождь ужасной смерти на своих родичей. На противоположной стороне площади она увидела, как малые силы Уйшнеха Эйниона вместе с одетым в золотую броню братом приближаются к Стражам Ансгара, которые преграждали им путь во дворец. Не останавливаясь ни на мгновение, Найс бросился в атаку, выхватывая из ножен двойные Ведьмины клинки Хукулина и разрезая воздух сбоку от себя. В то же самое время Уйшнех взмыл вверх, метнув связку гранат в середину воинов Ансгара, как только они

подняли свои сюрикен-катапульты и лазерные бластеры.

В свете плазменных взрывов Эла смогла рассмотреть Найса как танцующий силуэт, который кружился и прыгал среди Стражей своего собственного дома, разрезая их и рубя клинками, которые он забрал у последнего Стража Ансгара, осмелившегося противостоять ему. Он продвигался без колебаний и без сострадания, раздавая смертоносные удары направо и налево, когда прорубал себе дорогу к воротам дворца. Стражи Ансгара были просто препятствиями на его пути. Это выглядело так, словно вся личная гордость и преданность Найса исчезли, и их заменило невыразимое и неутолимое желание смерти и очищения. Он больше не был сыном Бедвира, он был Ликосидаем.

Когда сверкающая золотая броня Призрачного Паука исчезла за оборонительными линиями и мгновенно перенеслась внутрь дворца, Уйшнех и его Стражи Эйниона бросились в бой с дезориентированными остатками Стражей Ансгара.

Двери в банкетный зал были закрыты и заперты изнутри. Без единого колебания, Найс выставил плечо и ударил двери, разламывая их и срывая с петель. Обломки и фрагменты брызнули внутрь зала и за ним, а остатки дверей въехали в комнату по скользкому полу, открывая Найса, стоящего в дверном проёме.

Залп сюрикен-огня загрохотал по его золотой броне, но маленькие диски безопасно рикошетировали, отскакивая от непробиваемой поверхности. Посмотрев в одну сторону комнаты, Найс увидел перевёрнутый стол и отряд Стражей, которые сжались за ним. Стволы их сюрикен-катапульт лежали на краю стола. На мгновение он направил на них взгляд своих серебристо-чёрных глаз, словно обдумывая, стоят ли тратить на это время, а затем его внимание привлекло движение на другой стороне комнаты.

Обернувшись, он увидел кучку придворных Нэвир, стоящих линией впереди Силти, преграждая ему путь.

Женщина в струящихся красных одеяниях протягивала руки, словно умоляя о милосердии. Золотоглазый мужчина в роскошной, богатой одежде тотчас же упал на колени со страхом и мольбой. Дрожащими руками двое других навели на Найса красивые сюрикен-пистолеты и нажали спусковые механизмы. Найс замер, позволив сюрикенам отскочить от его брони, разглядывая собравшихся с непонимающим любопытством. Почему эти эльдары пытались причинить ему вред столь жалким оружием?

Парой шагов он пересёк пространство между ними, рассекая двоих стрелков своими клинками и раскидав пинками в стороны патетические фигуры Синнии и Селиддона. Они упали на пол и с грохотом приземлились рядом со связанным Ахирном, который лежал под высоким столом с заткнутым ртом, закутавшись в защитный кокон плаща.

Силти один стоял перед Найсом.

Два кузена мгновение таращились друг на друга, словно стараясь узнать один другого, но, возможно, им так и не удалось

этого сделать. Ни один из них не был тем же самым, кем они были последний раз, когда противостояли друг другу в бою, будучи учениками в Храме Паука. Один изменился под влиянием блестящего богатства и чувственных удовольствий Сентриума, а также под развращающим действием вихря варпа. Другой перенёс метастаз, вызванный духом Каэлора. Снаружи на Площади Ваула, они слышали звуки бушевавшего сражения. Пронзительные крики и стенания боли перемежались залпами перекрёстного огня и грохотами взрывов. Одновременно с этим, варп-молнии, которые с треском прорывались сквозь части конструкций дворца из призрачной кости, заставляли банкетный зал дрожать.

Внезапно Силти исчез. Его варп-генератор был отремонтирован и снова функционировал. Появившись снова позади Найса, он ударил в золотую спину кузена своими энергетическими клинками, однако не застал Найса врасплох. Он мгновенно обернулся, словно был в состоянии проследить путь Силти сквозь

варп. Парируя удар, Найс взмахнул клинком Хукулина и отсёк в локте руку Силти.

Завопив от боли, Силти инстинктивно ударил его другой рукой. Не двигаясь, Найс блокировал этот удар и поймал руку Силти. Затем, с неторопливостью, он вытянул один из своих клинков поперёк рубиновой брони Паука Варпа и перехватил его другой рукой. Ещё раз, два кузена заглянули на мгновение друг другу в глаза, словно разделяли последний момент понимания или искали последнюю крупицу родственного сочувствия. Оставшийся без руки и истекающий кровью Силти не увидел проблеска милосердия в жутких серебристых глазах Призрачного Паука. Когда он смотрел, его собственные глаза слегка расширились от ужаса, а затем Найс дважды ударил его, одним ударом рассекая ему живот, а вторым отделяя голову от плеч за мгновение до того, как его убил первый удар.

Отвернувшись от искалеченных останков своего кузена, Найс обвёл

комнату взглядом в последний раз. Он видел Синнию, Селиддона и ясновидца, беспомощно и жалко сжимавшихся под столом. Мгновение он рассматривал их, а затем новый залп сюрикен-огня ударил в его броню из укрытия Стражей на другой стороне комнаты. Не торопясь, без видимой поспешности, Найс развернулся и пошёл к ним. Один из них попытался убежать, другой был готов сражаться, а двое в ужасе просто опустили своё оружие и стояли, словно приросли к полу. Призрачный Паук нарезал их на куски одного за другим, а затем просто развернулся и вышел из зала, пройдя мимо связанного ясновидца, как будто его и не было.

Эпилог: Пророчество

КОГДА ЛИКОСИДАЙ исчез за разрушенными дверями, Синния повернулась к Селиддону и улыбнулась. Эта улыбка содержала в себе смесь эмоций. Она вздохнула с облегчением, что ужасный Призрачный Паук оставил её в живых, а также она была счастлива. В её улыбке явно светилась бурная радость.

Небрежным жестом она протянула руку и развязала узлы, которые удерживали ясновидца. Он распрямился и потёр запястья, с благодарностью глядя на Синнию, когда она развязывала кляп на его рте.

В течение долгой паузы все трое сидели под высоким столом и молчали, наслаждаясь истинным моментом облегчения, словно они только что были рождены заново. Затем они спонтанно разразились смехом.

Могли ли мы требовать, чтобы что-то пошло иначе? – спросил Ахирн, когда окинул взглядом комнату и увидел её в

кровавом беспорядке, который Найс оставил после себя.

Нет, всё прошло отлично, мой лорд, - ответила Синния, широко улыбаясь, а затем выбралась из-под стола. Она подошла к расчленённым останкам Силти и быстро обыскала его труп, прежде чем предъявить остальным его камень души. -- После все этой резни мы сможем собрать их так много, более чем достаточно, чтобы убедить нашего сластолюбивого покровителя даровать нам большие наслаждения, возможно, даже достаточно для того, чтобы столкнуть Каэлор в вихрь варпа.

Я не могу поверить, что план Айони сработал так хорошо, - заметил Селиддон. - - Ей удалось надолго продлить Династические войны после победы Тейрту с помощью своего глупого пророчества.

Да, мы должны быть благодарны старой ведьме, - согласилась Синния. -- Ей даже удалось уговорить меня создать маленькую эвилин. Её план был безупречен.

Вы не должны забывать о роли видения Гоури во всём этом, - добавил

Ахирн, слов защищая честь своей семьи. – Именно его модель Каэлора подготовила сцену для всего этого. Без него ничего из этого было бы невозможно, и мы бы всё ещё были лишены тех видов удовольствий, которых жаждут наши дамашир. Мы бы всё ещё вели жалкую жизнь путников.

Трое партнёров радостно шли по коридорам дворца, собирая камни душ воинов и других эльдар, которых Найс убил на своём пути к банкетному залу. К тому времени, когда они достигли главных ворот дворца, неистовое сражение на Площади Ваула уже остывало. Экзархи всё ещё были там, вычищая остатки фанатиков, но они уже сломали хребет дезорганизованным и неопытным противникам, и на земле лежал толстый слой крови и трупов, как доказательство их яростного успеха.

Посмотри на этот урожай, – прошептала Синния Ахирну, пытаясь подавить своё волнение. – Ты можешь представить, какого рода переживаниями мы будем вознаграждены в обмен на все эти души?

Ясновидец коротко кинул, позволив удовлетворённой улыбке расплыться по своему лицу, когда другие на площади заметили его присутствие. Он сгорбился и тяжелее налёг на свой старый, сучковатый посох. Поле этого он, шаркая, вышел на площадь, хромая изо всех сил, словно сгибаясь под грузом ужасного испытания.

Ахирн увидел миниатюрную фигурку Элы'Аибэль, бредущую сквозь пламя и трупы подобно маленькому ангелу смерти. Её лицо было запачкано кровью, но когда она остановилась и посмотрела на ясновидца своими поразительными сапфирными глазами, по щекам струились прозрачные слёзы.

Ничего не закончено, не так ли? – спросила она без обвинения или гнева. Она только хотела знать ответ. На мгновение её глаза блеснули в сторону Синнии, и искра потрясённого узнавания почти немедленно умерла в безразличии. Её прежняя наставница была пустым местом.

Пока что закончилось, моя маленькая тома, - ответил Ахирн, с трудом волоча ноги, он подошёл ближе и опустился перед

ней на колени. Он положил одну руку ей на плечо и заглянул в её глаза, словно искал глубоко внутри что-то скрытое. Он испытывал взволнованный трепет от тощи её души, отражающейся в них. Он не надеялся получить такой дар. -- Где твой брат? Он оставил тебя?

Он возвратился в Ансгар, - ответила она, пока её неподвижные глаза разглядывали творившееся опустошение. -- Его роль здесь была закончена. Он принёс смерть тем, кто нуждался в ней, но у него нет никакого желания оставаться в Сентриуме. Он видел, что он сделал с другими. Он восстановит Храм Паука и останется во внешних пределах.

Очень хорошо, - сказал Ахирн, слабо улыбаясь. Опираясь на хрупкое плечо Элы, он снова поднялся на ноги. -- Пошли, моя маленькая мота. У нас есть много того, что требует внимания, если мы хотим возвратить Каэлору его прежние честь и славу. Мы должны начать восстанавливать Олипсин, но сначала мы должны выполнить должные ритуалы с бедными, потерянными душами погибших.

С этого времени всё будет иначе, даю тебе слово.

Приложение

Представление искусственного мира Каэлор и глоссарий связанных терминов

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ Каэлор потерял все контакты с другими летающими искусственными мирами, когда он унёсся во тьму межзвёздного пространства, оказавшись на самом краю галактики. В течение долгих веков его считали потерянным, и он стал смутным воспоминанием для других эльдар. Он существовал чрезвычайно изолированно, и казалось, что бережно хранил это уединение, как гарантию своей безопасности; в этом его мотивация отличается от образа жизни странствующего Аланитока.

Потребовалось много долгих лет поиска, чтобы восстановить контакт с Каэлором, с тех пор как он дрейфовал у самых отдалённых пределов паутины. В результате этой изоляции его устройство является нетипичным по сравнению с

другими искусственными мирами. Первое досье обрисовывает в общих чертах эти особенности.

Также, кажется, что длительный период самоанализа и нехватка контактов даже с различными труппами Арлекинов, которые бродят по паутине, стала причиной искажения (или эволюции?) мифических циклов эльдар в коллективной памяти каэлорцев. Второе досье предоставляет сводку местных терминов, фраз и имён, вместе с краткими пояснениями местных расхождений в терминах, которые должны представляться знакомыми всем эльдарам.

Структура Каэлора:

Ясновидец /Farseer/ - на других искусственных мирах это положение часто является заслугой после долгих и тяжёлых усилий следования тернистым Путём Провидца. На Каэлоре этот титул

был почти полностью превращён в общественный институт. Он является ритуальным и церемониальным титулом, который даётся правителю искусственного мира. По существу, этот титул передавался по наследству в единственной семье (династия Ривалина) в течение тысяч лет, переходя от отца к сыну. Эта семья является одарённой предвидением, и все её члены, очевидно, были провидцами в течение стольких лет, сколько имеется упоминаний в документальных свидетельствах и в памяти каэлорцев.

Тем не менее, на Каэлоре есть множество других провидцев, и много семей, которые жаждали бы этого исключительного титула и власти для себя. Эта «имперская организация» позволила Ривалину создать роскошный двор, так называемый Олипсин (и по вполне правдоподобным слухам, расточительная роскошь двора также является причиной, по которой семья Ривалин не откажется от своих прав на этот титул), но это также породило увеличивающееся

недовольство, особенно когда расточительность двора возросла и стала быстро ввергать провинции Каэлора в нищету и истощение.

Двор Ясновидца Ривалина /Rivalin Farseer's Court/ - состоит из так называемых Эльдар Нэвир Каэлора, то есть эльдар из семей, тесно связанных с Домом Ривалина. Они не имеют собственных независимых доменов, и проводят всецело праздную жизнь, наслаждаясь аристократическими привилегиями и политической властью.

Великие дома /Great Houses/- ряд семей отделившиеся (или отпавшие) от династии Ривалина в далёком прошлом. Они взяли новые имена и основали полунезависимые домены во внешних пределах Каэлора, где их едва ли могли достать руки двора. Их жизнь проста, более суровая и жёсткая, чем у эльдар Нэвир. Применение силы и сражение для них не в диковинку, и во внешних пределах на них не смотрят с таким отвращением. Это является естественной частью жизни в менее разложившихся регионах. Эти

дома платят налог двору в обмен на благословление ясновидца, случающийся время от времени совет и постоянное подтверждение их права на власть.

Храмы Аспектов /Aspect Temples/ - Храмы Аспектов независимы от двора и (формально) от великих домов, хотя территории и святыни располагаются в регионах, контролируемых великими домами, и у некоторых храмов из-за этого есть близкие связи с членами этих семей. Из-за их приоритетов, основанных на использовании жестоких аспектов эльдарской души, придворные и другие великие дома, которые стремятся получить одобрение эльдарами Нэвир, на них смотрят со страхом и отвращением (главным образом с отвращением). Тем не менее, ряд великих домов рассматривают Храмы Аспектов как полезную школу и потенциальные средства укрепления власти. Аполитичный статус Храмов Аспекта является полной противоположностью по сравнению с их важным, наделённым законным статусом,

положением на искусственных мирах типа Биель-Тана.

Дома провидцев /Seer Houses/ - как и Храмы Аспектов, Дома провидцев являются формально независимыми местами паломничества и обучения. Там эльдары могут изучать пути провидца или советоваться с более могущественными оракулами, чем они сами. Дома провидцев являются необычной особенностью общества Каэлора, они появились частично из-за установления института ясновидца как главы правительства.

Могущественные провидцы (часто более сильные, чем сам ясновидец) нуждались в независимом положении от двора. Они создавали угрозу положению ясновидца, и, следовательно, были в опасности. Провидцы были спасены, лишившись политической власти и получив законный статус своей деятельности. Двор мирится с их существование, и время от времени обращается к ним за услугами, главным образом с просьбой обучить их отпрысков.

Как и в Храмах Аспектов, в Домах провидцев имеет место систематическое обновление участников, когда эльдары заканчивают свой цикл провидца, но они также имеют и постоянных членов («община» Дома провидцев), которые состоят из эльдар, полностью посвятивших себя пути провидца, так называемому данир провидца, или, иногда ещё говорят - последователей единственного пути провидца. Дома провидцев обычно могут иметь любое количество таких посвящённых провидцев (которые на других искусственных мирах обычно считаются «ясновидцами»), делающих их могущественной силой на Каэлоре. Время от времени Дома провидцев отпускают своих членов из общины, чтобы те присоединились к великим домам в качестве супругов, партнёров или предсказателей. Следовательно, Дома провидцев Каэлора имеют длинные руки, и их пальцы дёргают за множество нитей.

Религиозные культы /Religious Cults/ - на Каэлоре действует ряд

независимых религиозных культов, которые находятся за пределами Храмов Аспектов и Домов провидцев. Фактически имеющиеся записи наводят на мысль, что имело место тревожащее усиление культа удовольствий во времена поздних лет правления Династии Ривалина, когда искусственный мир подходил всё ближе и ближе к вихрю варпа. Ряд этих культов (и, безусловно, самые впечатляющие из них), как предполагается, имеют место внутри двора. Такие культы практически неизвестны на других искусственных мирах (или, возможно, просто лучше скрываются?).

Глоссарий: имена, места и названия Каэлора

Адсулата (Арахнир) /Adsulata (Arachnir)/ – старший воин Аспекта в Храме Пауков Варпа, происходит из домена Ансгар.

Азури /Asureah/ - Смотри «Воин Аспекта».

Азуриа – Лорд феникс /Asurya - Phoenix Lord/- На Каэлоре и многих других искусственных мирах мифические Азуриа отождествляются с личностью и доспехами первого экзарха каждого Аспекта, которые были первыми учениками Азурмена в Святыне Азура во времена Падения. Обычно утверждают, что эти великолепные доспехи вмещают дух Азуриа, который продолжает сражаться как вечное воплощение аспекта Каина.

Любопытная местная особенность Каэлора – мифическое обоснование каэлорцами неизвестной личности первого экзарха Пауков Варпа. Призрачный Паук

(Ликосидай) явно не является материальным воплощением основателя. Вместо того чтобы стремиться идентифицировать Азуриа как исторического или легендарного воина, Науки Варпа Каэлора, видимо, полагают, что его сущность заключается в энергии маленьких кристаллических существ, которые поддерживают чистоту бесконечного цикла искусственного мира. Они предполагают, что Наук Варпа тем или иным образом является воплощением такой эфирной энергии, это – интригующая трактовка сущности Азуриа (см. также «Воин Аспекта», «Экзарх»).

Азуриан -- Король Феникс /Asuryan - the Phoenix King/ - величайший из всех богов эльдар. Исключая мифы о происхождении и способе, которым Азуриан отделил богов от смертных эльдар в начале времён, немногие из мифических циклов, связанных с Азурианом, по видимости, сохранились на Каэлоре. В этом заключено большое значение для приверженности Айнио.

Вероятно, каэлорские призрачные кузнецы хранят версию легенды о Слезах Иши, в которой Ваул (бог-кузнец) подхватил слёзы, пролитые Ишей (богиней-матерью), когда она узнала, что её дети изгнаны Азурианом. Позже Ваул превратил те слёзы в камни душ, которые позволяли бы детям Иши всегда оставаться в контакте с ней. Несмотря на якобы непривлекательный образ этого великого бога, эльдары Каэлора, как и другие эльдары, часто называют себя «сыновьями Азуриана».

Айден Тейрту /Jden Teirtu/ - военный лидер и патриарх великого и могущественного провинциального Дома Тейрту, который в состоянии проследить свою родословную вглубь на множества эпох до древнего Дома Ривалина. Айден победил в династических войнах против Дома Ансгар и убил их патриарха, Бедвира.

Айнио -- Путь Эльдар /Jhyoh - the Eldar Path/ - у эльдар Каэлора естественно долгий срок жизни, как и у эльдар других искусственных миров,

особенно по сравнению с другими живыми существами в галактике. Однако, в отличие от других искусственных миров, каэлорцы (особенно так называемые эльдары Нэвир), по-видимому, строго не придерживаются Айнио. Более того, вероятно, что сказители или уже забыли историю Азуриана, или им было запрещено затрагивать эту тему.

Среди Храмов Аспекта экзархи и их рунные певцы (Эсдайнн), кажется, действительно хранят эти знания, и в результате множество великих домов знают об этом лучше, чем Нэвир. Основная версия этой истории является общепринятой: следование Пути было задумано, как средство направить страстную и изменчивую природу эльдарской души, которая, будучи предоставлена своим необузданным страстям -- стремлению к удовольствию и декадансу, привела к Падению. Путь является циклическим процессом, который эльдарам Каэлора видится драматическим изменением их социальной роли в разные промежутки

времени – самыми крайними позициями являются пути провидца и воина, хотя Нэвир известны отказом от последнего и предпочитают следовать более утончёнными путями.

Основная идея (что здоровая смесь разнообразия и дисциплины разрушит врождённое стремление к неумеренности в душе эльдара), по-видимому, широко распространена на Каэлоре. Тем не менее, как и на других искусственных мирах, небольшое число бродяг, известных как следопыты, отвернулось от этого Пути, уверенные, что он сильно ограниченный, опасности отказа от Пути слишком преувеличены и были сильно мифологизированы на протяжении тысячелетий. Следопыты Каэлора создали свою собственную богатую мифологию, в значительной степени основанную на героической личности Вруара Скрытого, который очевидно был первым из каэлорцев, который отбросил дисциплину Айнио в поисках чего-то более существенного и естественного для эльдарской души.

Однако Каэлор едва ли не самый уникальный среди эльдарских искусственных миров, так как его приверженность Айнио часто кажется более формальной, нежели действительной, особенно среди так называемых Нэвир. По-видимому, необычное феодальное общество в сочетании с изоляцией и удалённостью от других искусственных миров, привели на Каэлоре к постепенному ухудшению родовой памяти об Айнио, особенно в высших эшелонах придворного общества.

По-видимому, осознание Пути сильнее среди Домов Провидцев и Великих Домов, которые поддерживают тесную связь с Храмами Аспектов.

Айони (Владычица) /Ione (Lady)/ – старшая провидица в Доме Провидцев Ютран и супруга Айдена, патриарха Тейрту. Могущественная и всеми любимая эльдарка Нэвир старой школы. Несмотря на некоторые намёки об определённой природе её отношений с Ведвиром Ансгаром, чьих детей она спасла от гнева Айдена в конце Династических

войн, её репутация остаётся безупречной.

Аластрина Ютран /Alastrinah Yuthran/ - основательница Дома Провидцев Ютран. Она была сострадательной, прекрасной женщиной и сильным псайкером с даром ясновидения. В качестве супруги первого Ясновидца из рода Ривалин – Гоури Сияющего – она основала знаменитую династию и традиции служения при Дворе Ясновидца. Символ Дома Ютран – глаз, наполненный океанской водой – как говорят, отражает душу Аластрины. Когда она умерла, кольцо с третьего пальца её левой руки было помещено в алтарь в святилище большого дома, и само святилище было переделано так, чтобы повторять его прекрасную форму; это – так называемое Кольцо Аластрины, в котором молодые провидицы проходят посвящение в сёстры Дома Провидцев. Провидицам Ютран, занимающим высокое положение или обладающим исключительным могуществом, вручается копия этого кольца, изготовленного из психоактивной призрачной кости, которое они носят на

третьем пальце левой руки как знак их сестринской общины.

Арахнир /Arachnir/ - звание, используемое Пауками Варпа Каэлора для обозначения офицерского ранга, младше экзарха, но старше других Воинов Аспекта.

Арлекины -- Риллиймтанн /Harlequin - Riellietann/ - дети Цегораха. В обычном языке на Каэлоре это означает эльдара, имеющего непроницаемую или таинственную сущность. По-видимому, эльдары Каэлора относятся к ним с подозрением более чем обычно. Можно только предполагать, что это из-за редких контактов Каэлора с Арлекинами, хотя, вероятно, в этом есть и обратная причина.

Атесдан -- Ясновидец или Высший Маг /Athesdan - Farseer or High Warlock/ - По-видимому, это является архаичным названием Ясновидца Каэлора, которое берёт своё начало в эпохах, когда долгом Ясновидца было исполнять военные обязанности. Это слово почти вышло из употребления, но иногда используется

представителями великих домов, чтобы выразить ироническое пренебрежение к предполагаемой слабости ясновидцев из рода Ривалин.

Ахирн Ривалин (Ясновидец) /Ahearn Rivalin (Farseer)/ - Старейший из живших ясновидцев великой династии Ривалин, потомки которой контролировали Каэлор начиная с Падения. Его семья была свидетелем (и создателем) знаменитого величественного двора и Блестящего Века Каэлора. Ахирн считается прямым потомком Гоури Сияющего, но вкусы Сынов Ривалина, как говорят, необычайно расточительны. Недовольные эльдары в провинциях шепчутся, что дар предвидения подводит его, и что он уже не может видеть дальше свой собственной смерти.

БассейнДуш/Spirit Pool/ - см. «Бесконечный Цикл».

Бедвир Ансгар /Bedwyr Ansgar/ - покойный старейшина Дома Ансгар, казнённый Айденом Тейрту в конце Династических войн. Подобно Тейрту, Ансгар могут проследить свою семейную

линию от потомков рода Ривалин. У рода Ансгар имеются близкие родственные связи с Храмом Аспекта Пауков Варна, и многие сыновья (и дочери) Ансгара обучались в этом храме. Бедвир -- родитель Найса и Элы'Ашбэль.

Бесконечный Цикл -- Флюир-герн -- Бассейн душ /Infinity Circuit- Fluir-haern- Spirit Pool/ - до некоторой степени, кажется, что значение этого почитаемого и священного вместилища душ до конца не осознаётся частью населения Каэлора. В частности, так называемые эльдары Нэвир, рассматривают его как, главным образом, церемониальный или культовый объект малой функциональной или материальной важности. Однако ритуалы, сопутствующие переходу возвышенной души в пределы Флюир-герна, являются самыми величественными и тщательно продуманными при дворе.

Вне круга Нэвир, в великих домах важность этой матрицы, по-видимому, понимается в наиболее общепринятом смысле. Рунные певцы дома Ансгар,

например, знают, что Флюир-герн является вместилищем душ умерших эльдар, который хранит их в безопасности от поглощения Великим Врагом, и откуда они могут быть призваны, чтобы дать совет или поделиться мудростью с живыми.

В соответствии с этой интерпретацией, Флюир-герн также может нашёптывать собственные послания эльдарам, разумы которых достаточно открыты, чтобы слышать их, это «дыхание ушедших» иногда известно как фаэрул. В одной из версий мифа Ансгара также предполагается, что со временем Флюир-герн станет ментальной силой, достаточно мощной, чтобы противостоять могуществу Слаанеш объединённой мощью миллионов душ каэлорцев. Эта потрясающая сила будет направляться мифическим Ликосидаем (Призрачным Пауком) в битве Последних Дней. Таким образом, Каэлор должен оставаться скрытым достаточно долго, чтобы создать этот духовный арсенал.

Брикриу Сеозам /Bricriu

Seosahm/ - глава Дома Сеозам и член совета Олипсина.

Ваул -- Бог-Кузнец /Vaul-theSmithGod/ - был провозглашён не имеющим себе равных мастером и известен как создатель легендарных Призрачных Клинков, которыми владели древние эльдарские герои: Ультанаш, Эльданеш и Лантрилак Стремительный. Говорится, что Ваул был вне какой-либо морали, и его единственной целью была красота, а не истина. Призрачные кузнецы Каэлора считают Ваула своим самым могущественным покровителем, и Гоури Сияющий воздвиг множество монументов в его честь.

Великий Враг /Great Enemy/ - См. «Слаанеш».

Вино Эдрисиан /Edreacian Wine/ - редкий опьяняющий напиток синего цвета, который является уникальным для искусственного мира Каэлор, несмотря на относительно простую технологию изготовления Эдрисиана. Многие эльдары Каэлора утверждают, что он фактически токсичен и вреден для эльдар с других

искусственных миров; это действительно было так, но, безусловно, не для всех. Он обычно подаётся охлаждённым, но даже при низких температурах он находится на точке испарения, выделяя синий пар. Вследствие этого, вино скорее вдыхают, чем пьют.

Воин Аспекта -- Азури /Aspect Warrior - Asureah/- воины, прошедшие обучение в Храмах Аспекта. Хотя эльдары Каэлора с готовностью признают, что Каин был противоречивым Богом, большинство эльдар всё ещё взирает на Храмы Аспекта со страхом, подозрением и трепетом. Однако, как и на других искусственных мирах, многие эльдары за свою долгую жизнь проходят период, когда они слышат зов Каина. Поэтому, часть своего следования по Пути эльдар многие каэлорцы посвящают обучению в качестве Воинов Аспекта.

Одна из необычных особенностей Храмов Аспектов на Каэлоре заключается в том, что многие из Аспектов имеют традиционные связи с определёнными великими домами, в чьих доменах они

строят свои храмы и из чьих земель набирают большую часть своих воинов. На Каэлоре представлено большинство их величайших Аспектов. У Яростных Мстителей имеется множество крупных храмов, которые находятся под патронажем могущественного Дома Тейрту. Пауки Варпа когда-то были столь же многочисленны, как и Мстители, но их судьба изменилась к худшему и удача отвернулась от них, как и от их покровителей, Дома Ансгар.

Каэлорцы придерживаются традиционной версии происхождения Храмов Аспекта. В соответствии с широко распространёнными преданиями, сказители Каэлора толкуют, что каждый из Аспектов получил свою сущность от одного из множества аспектов Каина. Каждый представляет одно из сильных врождённых пристрастий души эльдара. Вместо того чтобы являть собой поприще для реализации этих пристрастий, рассказчики представляют Храмы Аспектов как места духовного размышления и физической подготовки,

где каэлорцы могут научиться использовать, управлять и извлекать пользу из отрицательных черт своего характера. Это утилитарное представление, как видно, разделяют не все, и эльдары Нэвир хорошо известны своим презрительным отношением к храмам Аспектов.

Как и на других искусственных мирах, на Каэлоре считается, что Храмы Аспекта ведут своё происхождение от таинственного Азурмена, который, предположительно, пошёл по Пути Воина вскоре после Падения, полагая, что странствующие дети Иши должны вновь изучить военное искусство, чтобы выжить во всё более и более враждебной галактике.

Практикуемые методы, которые он установил, были разработаны, чтобы подготовить душу эльдара к использованию внутренней силы, и избежать разрушения души или осквернения её чистоты. Это и был Путь Воина. С этой целью Азурмен основал первый из Храмов Аспекта, легендарную Святыню Азура (которую каэлорцы

считают близкой Аспекту Яростных Мстителей), откуда его лучшие ученики (названные позже Азуриа или Лорды Фениксы) распространились среди всех разрозненных и странствующих сынов Азуриана, неся с собой учение этого великого воина. Кроме того, каждый из учеников овладел своим стилем боя, отражающим различные аспекты, которые Каин нашептал в их души.

Таким образом, Джейн Зар основала Аспект Воющих Баньши, Фуэган сформировал Огненных Драконов, Багаррот обучил Пикирующих Ястребов, Арра (известный также как Карандрас на некоторых искусственных мирах) создал Жалящих Скорпионов, а зловещий Мауган Ра породил Тёмных Жнецов.

На Каэлоре этих древних основателей называют Азуриа, и одна из версий мифического цикла рассказывает о пути, с помощью которого они избежали разрушения Святыни Азура, когда один из них – так называемый Падший Феникс – обратился против них. Удивительно, принимая во внимание историю и влияние

этого Аспекта на Каэлоре, что не существует никаких сохранившихся записей относительно основателя Пауков Варпа, что вынуждает некоторых строить догадки об их связи с Падшим Фениксом. Интригующая местная легенда говорит о так называемом Ликосидае (Призрачном Пауке), который, видимо, является неординарным переосмыслением образа Азуриа. Возможно, что фольклор Каэлора приводит к выводу, что этот Ликосидай и был Падшим Фениксом, хотя эта гипотеза не имеет явных доказательств.

Война кораблей /Craft war/ - древняя война между Каэлором и другим кораблём - миром. По-видимому, даже рунные певцы Каэлора хранят очень мало сведений о причинах, месте и событиях этой войны. Ряд поэтических произведений (таких как Трагедия Гуриуса) и несколько военных эпосов (таких как Изгиб Судьбы), которые претендуют на отображение событий той войны, хранятся в наиболее полных библиотеках Каэлора.

Копия Изгиба Судьбы, которая хранится в библиотеке Дома Ансгар, утверждает, что Война кораблей была выиграна Каэлором из-за своевременного вмешательства так называемого Ликосидая или Призрачного Паука (см. «Азуриа», «Экзарх»). Однако подлинность этих документов весьма сомнительна, и на протяжении веков они были запрещены Двором Ривалина.

Война на Небесах /War in Heaven/ - Иша, Богиня-Мать, и Курноус, Бог Охоты, в течение бесчисленных лет были лишены свободы из-за гнева Каина.

Закованные в огненные оковы и обжигающее железо, бог и богиня были брошены в пылающую яму, не доступную взорам смертных и богов. Из всех богов только Кузнец Ваул просил за них, и, в конце концов, он дал клятву Каину, что сделает сто мечей в обмен на их освобождение, поскольку Ваул был величайшим оружейным мастером всех времён, и даже один клинок, выкованный его руками, был бесценен.

Был установлен срок в один год для

выполнения договора. Когда настало время Ваулу предоставить оружие, он ещё не закончил один клинок. Чтобы покрыть нехватку, Ваул взял один обычный клинок и спрятал его среди выкованных им мечей. Сначала Каин был так доволен этим оружием, что не смог обнаружить обман.

Только когда Иша, Курноус и Ваул были уже далеко, он обнаружил подделку. Он зарычал в гневе, упрекая Ваула в обмане и требуя мести. Это стало началом долгой борьбы между Каином и Ваулом, которую называют Войной на Небесах (см. также «Иша», «Вох»).

Вох -- Мерзость /Vaugnh - Abomination/ - на Каэлоре происхождение этой руны оспаривается. Наиболее спорные (но популярные) филологические исследования предполагают, что она изначально была начертана на рукояти каждого из ста мифических клинков Ваула, которые (согласно каэлорскому мифу) были выкованы богом-кузнецом в подарок Каину для сражения против Юнгир, Древнего Врага.

Более традиционная версия этого

мифа говорит, что Ваул сковал тысячу таких магических клинков в качестве выкупа Каину за освобождение Курноуса и Иши, которых Бог Войны взял в качестве пленников после того как Азуриан обнаружил существование Слёз Иши (см. «Иша»). Считается, что Ваул попытался обмануть Каина, положив один обыкновенный клинок среди других; его обман был раскрыт.

Хотя по слухам известно, что как минимум один клинок пережил ужасную Войну на Небесах, якобы благодаря заботам Арлекинов Аркадии, но никто из эльдар Каэлора не был в состоянии проверить истинность этого.

Гоури Сияющий /Gwrih the Radiant/ - первый Ясновидец из рода Ривалин и основатель Круглого Двора. Легенда утверждает, что Гоури был великим поэтом и призрачным кузнецом, принесшим мир и единство своему народу силой своей великолепной популярности. По крайней мере одна версия этой легенды изображает его как одного из первых Экзодин Нова -- Эльдарских Рыцарей, -

которые увели сынов Азуриана от разложения и вырождения цивилизации перед Падением.

Очень мало легенд изображают Гоури в качестве какого-либо воина, и рунные певцы великих домов не склонны проявлять к нему большого внимания в своих сказаниях о Каэлоре. Фактически, по всей видимости, он стал известен в конце большой войны между Каэлором и искусственным миром Сейм-Ханн, хотя детали и причины этой, так называемой Войны кораблей, по видимости, были утрачены.

Дамашир /Dhamashir/ - душа.

Данир -- этап, дорога, путь /Dhanir - stage, path, way/ - этот термин используется как определение для индивидуальной социальной роли, которую эльдар Каэлора занимает в текущий момент, это может быть данир воина, провидца, художника или кого-то ещё. Его нужно отличать от более сложного определения Айнио (Путь или Дорога), который относится к самому циклическому Пути Эльдар. Для

большинства эльдар на Каэлоре, Айнис состоит из ряда отдельных данир (см. «Путник»), хотя некоторые остаются верными единственному данир (см. «Последователь Пути»).

Даркнис /Dharknys/ - см. «Тёмная фаза».

Династические войны /House Wars/ - эпические войны, которые сформировали облик Каэлора. Это название относится к запутанной серии политических и военных сражений за первенство между великими домами Тейрту и Ансгара с находящимся между ними Домом Ясновидцев Ривалин. Эту войну выиграл Дом Тейрту под командованием Айдена, который сразу казнил патриарха Дома Ансгара Бедвира. Но не упомянутым в документах причинам, супруга Айдена, Владычица Айони из Дома Провидцев Ютран умоляла о милосердии к маленькому сыну Бедвира Найсу и новорождённой дочери Эле. Вокруг этих спасённых младенцев выросло много слухов и легенд, которые подпитывают подозрения и паранойю Айдена.

Жоган -- Победитель Порока /Zhogahn - The Vanquisher of Vice/ - военно-политический титул, присуждаемый ясновидцем военачальникам, которые защищают в битве интересы двора. Титул вышел из употребления после учреждения Двора Ривалина, так как военные столкновения на Каэлоре практически прекратились. Айдену Тейрту этот титул был присуждён после победы над Ансгаром в Династических Войнах. По-видимому, он истолковал этот титул как назначение его регентом, который правит от имени ясновидца. Айден был первым каэлорцем, получившим этот титул со времён Войн кораблей.

Жук аэреб/Aereb-beetl/ -- крошечное красное насекомое, которое, как считают, было одной из первых форм жизни, сформировавшееся исключительно в биосистеме Каэлора после того, как искусственный мир скрылся в глубоком космосе после Падения. Колонии этих существ собираются вокруг влажных отверстий оросительных установок

лесных зон, где они живут в искусственной, но, тем не менее, устойчивой экосистеме, стремительно летая с помощью своих невероятно быстрых крыльев. Из-за их особенностей и происхождения, маленькие создания пользуются некоторой любовью среди наиболее сентиментальных каэлорцев, и их название вошло в общее употребление в качестве иносказательного определения ряда значений: непредсказуемые действия, целеустремлённые усилия и высокая скорость.

Искатель Пути -- бродяга -- следопыт /Path Finder - outcast - ranger/ - самым известным в истории Каэлора следопытом является Врьяр Скрытый, который, по общему мнению, провёл тысячу лет в поисках Чёрной Библиотеки (см. также «Последователь Пути», «Айнио»).

Иша -- Богиня-Мать -- Богиня Плодородия -- Видящее Око /Isha - the Mother Goddess - Goddess of the Harvest - the Seeing Eye/ - эльдары Каэлора, в особенности Дома Провидцев,

хранят множество основных мифов об Ише. По крайней мере, они знают версию истории Сна Лилиат, в которой Лилиат Изящная (более известная на других искусственных мирах как Дева Лилиат) рассказала Каину о видении, как его разорвал на части один из смертных отпрысков Иши и Курноуса, Бога Охоты.

Согласно каэлорской версии этого мифа, смертный, о котором идёт речь, Эльданеш, один из первых великих героев эльдар. Однако дополнение к этой истории является результатом смешения с более поздней Балладой об Эльданеше, в которой он стремился отомстить за страдания Иши, убив Каина, только чтобы быть поверженным Кроваворуким Богом.

Подобные события упоминаются в Цикле об Аватаре (см. «Каин»). Тем не менее, в ответ на это предупреждение Лилиат, Каин принял решение преследовать смертных детей Иши – эльдар. Он убил многих из них, прежде чем его жажда крови была остановлена Азурианом, Королём Фениксом, который сжалился над Ишей, когда увидел

сверкающие слёзы на её прекрасных глазах по каждому из убитых детей. Поэтому Азуриан разделил небесные и смертные сферы, запретив любые контакты между ними. Это спасло детей Иши от ярости Каина, но обрекло их никогда более не видеть свою мать.

Говорится, что из сочувствия Бог-Кузнец Ваул перековал слёзы Иши в Камни Души, чтобы она могла сохранить хоть какую-то связь со своими возлюбленными детьми.

Идущий Одним Путём /Path Stalker/ - это название каэлорцы используют для обозначения эльдара, который привязан к одному данир или пути, и, таким образом, избегает циклических перемен Айнио. Самыми наглядными примерами являются экзархи, однако на Каэлоре костопевы тоже относятся к этой категории. Интересно, что в отличие от других искусственных миров (где равноценного названия часто не существует), ясновидец на Каэлоре не всегда относится к Идущим Одним Путём, поскольку его статус зачастую

получен в результате наследственного положения в обществе, а не потому, что он всегда придерживается данир провидца.

Связанным термином является Искатель Пути, который время от времени используется для описания функции следопытов на других искусственных мирах. Однако на Каэлоре это название умеет более широкое значение. Пока оно остаётся родом деятельности, которой на Каэлоре занимаются следопыты, причины этому двояки: во-первых, из-за очевидного факта, что следопыты занимаются поиском (т.е. ищущие пути), а во-вторых, потому что они таким образом освобождаются от строгих ограничений Айнио и создают свой собственный жизненный путь. Они не привязываются к единственному данир, как Идущие Одним Путём, однако всецело остаются вне жёсткой структуры в попытках отыскать свой собственный путь, который кажется им ближе к истине (больше о следопытах см. «Айнио»).

Второе основное значение включает в себя тёмную сторону Каэлора, поскольку

оно, кажется, также стало присуще для самоопределения теми каэлорцами, которые в первую очередь скептически оценивают важность Айнио. Они являются гедонистами, а не следопытами. Это название вошло в широкое употребление среди так называемых эльдар Нэвир во времена Века Страданий (см. «Путевой камень»).

Ишири -- Провидец /Ishyrea - Seer/ - одарённый Ишей.

Йзульт /Yseult/ - прославленная воительница, которая не принадлежит к роду Тейрту, но поклялась этому Великому Дому в верности. Она - ровесница наследника Дома, Морфрэна. Обучалась в Храме Аспекта Яростных Мстителей.

Каин, Каэла Менша -- Кроваворукий Бог /Khaine, Kaela Mensha - the Bloody-Handed God/ - Бог войны. Эльдарам Каэлора удалось сохранить множество основных мифов о Каине. Однако, по видимости, некоторые детали были потеряны или приукрашены в течение тысячелетий. Рунные певцы

Каэлора поют о Каине как о победителе юнгира Каэлиса Ра – бога звёзд, когда разразилась война на небесах.

В этом цикле (Рождение Страха) Каин сражается рядом с великим эльдарским героем Эльданешем вечными Призрачными Клинками, выкованными для него Богом Кузнецом Ваулом. Также рунные певцы исполняют ещё (более правдоподобный?) Цикл об Аватаре, в котором Каин ведёт войну против Детей Иши, бросая вызов Азуриану, величайшему из эльдарских богов, приковывает Ваула к его наковальне и объединяет силы с Юнгир.

Согласно этому циклу, Каин был тем, кто убил героя Эльданеша и обрёк эльдар на смертную долю. Шокированный жестокостью Каина Азуриан проклял его, заставив кровь Эльданеша вечно стекать с его рук, таким образом, Каин стал Кроваворуким Богом.

Сказители Двора Ясновидца часто рассказывают только Цикл об Аватаре, который объясняет, почему имя Бога войны произносится эльдарами Нэвир с отвращением. В других местах Каэлора

эти мифы обычно рассказывают в прямой последовательности, предположительно чтобы подчеркнуть непредсказуемость двойственной натуры бога войны и эльдарской души.

В Доме Ансгар Цикл об Аватаре заканчивается гибелью Каина в безнадёжной битве с Великим Врагом Слаанеш. Говорится, что когда его народ столкнулся с этой демонической угрозой, Каин бросился в бой без надежды на победу, но давая время эльдарам избежать своего полного Падения в бездну. Говорится, что разрушенное тело Каина было разбито на изначальные фрагменты, сохранившие воинственность бога, которые были рассеяны по всей галактике в ожидании возрождения в качестве Аватара.

Из этих двух мифов великие дома Каэлора, кажется, ясно осознают противоречивую, героическую и трагическую сущность Кроваворукого Бога. В отличие от Двора Ясновидца, великие дома, по-видимому, поддерживают связи с различными Храмами Аспектов, в которых молодые эльдары учатся

получать силу от Каина (см. «Воины Аспекта»).

Камень Души /Spirit Stone/ - см. «Путевой камень».

Карадох /Caradoch/ - покрытое мехом четвероногое животное, происходящее с планеты, известной как Щит Лзатранила. Животное вымерло ещё до опустошения (и окончательного уничтожения) планеты, потому что ему недоставало осторожности. Оно стало ласковым названием для стареющих эльдар среди Ушедших колонистов, многие из которых сбежали на Каэлор, когда Великое Пожарище уничтожило планету.

Касвэллан Ансгар /KaswallanAnsgar/ - давно ушедший отец Бедвира.

Квихан /Quihan/ - учитель или мастер.

Кервин Ривалин /Kerwyn Rivalin/ - сын Ахирна и прямой наследник трона ясновидца.

Костопев /Bonesinger/ - См. подробней «Призрачная кость»

Круглый Двор -- Олипсин -- Круг

Ривалина -- Двор Ривалина /Circular Court - The Ohlipsean - the Circle of Rivalin - the Rivalin Court/ - наивысшее консультативное собрание на Каэлоре со времён Гоури Сияющего, который установил его как орган, объединяющий различные великие дома в центральный совет. Дома, которые представлены в нём, объединяет какая-либо семейная или стратегическая связь с династией Ривалин, что приводит к некоторому недовольству и волнению среди глав других домов.

Лайтнис -- Светлая фаза /Laetnys- Up-phase/ - см. также «Тёмная фаза».

Ликосидай -- Призрачный Паук /Lhykosidae - WraithSpider/ - мифический воин из легенд Аспекта Пауков Варпа, как утверждают, является экзархом или даже Азуриа, который каким-либо образом возникает из сущности варпа, создаваемой крошечными кристаллическими существами, которые чистят бесконечный цикл Каэлора (см. «Азуриа», «Война кораблей», «Экзарх»).

Лорд Феникс /Phoenix Lord/ - см. «Азуриа».

Лэйргнен /Lairgnen/ -- экзарх Храма Яростных Мстителей.

Маг /Warlock/ - см. «Эсдайнн».

Менмон -- Забирающая Души /Menmon - the Soul Taker/ - имя (вероятно, вымышленное) эльдарки с Каэлора из Дома Провидцев Ютран, которая, предположительно, изучала секретные и запрещённые искусства некромантии у странствующего следопыта, который имел контакт с искусственным миром во времена так называемого Века Страдания.

Согласно легендам, этот следопыт когда-то был Духовным провидцем (Пастырем Душ) на искусственном мире Йанден, и он дал Менмон способность улавливать души её сотоварищей эльдар, которые она могла помещать в искусственные тела воинов, называемые Призрачными Стражами. Основана ли эта легенда на реальных событиях или нет теперь понять трудно, её тема является слишком неприятной для чувствительных

каэлорцев, так что она практически полностью стёрлась из народной памяти.

В Доме Ютран её именем называют один из многих, самый трудный и внушающий ужас ритуал перехода, через который должен пройти новый адепт, чтобы получить доступ к внутреннему святилищу великого Дома Провидцев. Хотя подробности этого ритуала известны только тем, кто прошёл через него, по-видимому, он относится к защите души.

Мирун /Myrune/ - угасшая династия из Туманности Миринек знаменитых изготовителей тканей. В каэлорском языке это слово означает любой тип ткани или пряжи исключительного качества. В частности, местные легенды говорят, что древние ткачи обычно вплетали энергетические волоски в каждую нить, которую они использовали для производства ткани с потрясающими и несравненными психическими характеристиками.

Мома /Momah/ - название крошечных резных фигурок из призрачной

кости, сделанных искусными призрачными кузнецами во время Испытаний Ваула, когда кузнец демонстрирует своё художественное мастерство. Замысловатые изделия размером лишь немногим больше ногтя, но выполненные с отточенным годами мастерством и тщательной детализацией. Это слово также стало ласковым названием талантливого и подающего надежды ребёнка.

Мон'кей /Mon'keigh/ - это название означает вид полуразумных животных, которые жили в сумеречном мире Кольдо. В древние времена эти животные наводнили земли эльдар и захватили их на многие годы. Мон'кеи из легенд были каннибалами, уродливыми монстрами, от которых, в итоге, галактику очистил герой Элронир.

Это название используется эльдарами искусственного мира Каэлор для обозначения ряда не-эльдарских рас, которых эльдары считают низшими, подлежащими уничтожению.

Морфрэн Тейрту /Morfran

Teirtu/ - сын Айдена, приблизительно ровесник наследника Ансгара Найса. Его супруга – прекрасная Ориана Ривалин.

Мрофс /Mrofth/ - маленькое, крылатое насекомое без пищеварительных органов. Поэтому оно никогда не ест. Вместо этого оно получает энергию непосредственно в виде тепла от огня. Их небольшие стайки можно часто заметить вьющимися над огнём и ныряющими в него.

Найс Ансгар /Naois Ansgar/ - сын Бедвира, наследник Дома Ансгара, тесно связанный с Храмом Пауков Варпа. Он – младший кузен Силти и старший брат Элы'Аибэль.

Нэвир /Knavir/ - одно из многих названий, используемых на Каэлоре для описания эльдар, живших на планетах перед Падением. Это стало определением древней респектабельности, смешанной с простым пережитком старины.

Это название исключительно эмоционально и уже стало несколько оскорбительным. В спорной и крайне политизированной версии происхождения

этого названия предполагается, что оно - искажённая форма названия древнего класса Экзодин Нова – легендарных Рыцарей Эльдар, которые, как считается, были главами великих благородных домов, которые увели эльдар Экзодитов прочь от приходящей в упадок эльдарской цивилизации до Падения, основав второе поколение цивилизации в других частях галактики.

Олипсин /Ohlipsean/ - см. «Круглый Двор».

Ориана Ривалин (Провидица) /Oriana Rivalin(Seer)/ - дочь Ахирна и сестра Кервина, немногим младше его. Она является супругой Морфрэна, неотёсанного сына Айдена из Дома Тейрту, и матерью Тьюри.

Падение /theFall/ - эльдары Каэлора сохранили множество историй, касающихся этого события, хотя история искусственного мира перемежается периодами, для которых память об этом наиболее важном и катастрофическом событии, по-видимому, утеряна. Взять, к примеру, так называемый Век Страданий,

во время которого множество практик, созданных для того, чтобы защитить эльдар от их собственной природы (см. «Айнио»), а также от Великого Врага, были либо забыты, либо подверглись сомнению. По-видимому, среди некоторых эльдар Нэвир остались некие сомнения относительно исторической достоверности различных сказаний о Падении. В связи с этим, остаётся прискорбным тот факт, что у Каэлора были недостаточно крепкие контакты с Арлекинами на всём протяжении его длинной истории изоляции.

Согласно наиболее распространённой версии этих сказаний (обычно рассказываемых рунными певцами великих домов), Падение случилось десятки эр назад в древности, до пришествия Гоури Сияющего. Это случилось в то время, когда древняя цивилизация достигла своего зенита, и когда она распространилась по всей необъятной галактике. Их самонадеянность и высокомерие не имели границ. В то время стремление душ эльдар к эмоциональным

и интеллектуальным крайностям в итоге привели к Великому Катаклизму.

Питаясь их несдержанной жаждой наслаждений и подпитываясь экзотическими культами, которые процветали повсеместно в непостижимой разумом империи, в грязи Ша'эйль родилась великая демоническая сущность Слаанеш. Таким образом, согласно этой истории, Великий Враг является дьявольским порождением детей Иши, вызванный к жизни неуправляемым нравом эльдар.

Так как эльдар охватило истеричное и безумное потакание своим страстям, ставшее причиной упадка цивилизации под тяжестью своего собственного разложения и разнузданного насилия, то те, кто сохранил свой рассудок, были вынуждены бежать. В то же самое время Великий Враг с помощью своей магии в варпе разорвал ткань материального мира и вызвал огромные вихри Ша'эйль, которые стали поглощать империю эльдар. Некоторые эльдары, известные как Экзодин Нова (Эльдарские Рыцари), увели

население на новые, девственные планеты в самых дальних пределах исследованной галактики, стремясь скрыть их души от жадного захвата Слаанеши. Другие сбежали к звёздам на борту огромных искусственных миров – гигантских, автономных, подпитывающихся из космоса биосистемах, подобно Каэлору.

Те, кто промедлил, не были более похожи на сынов Азуриана. На этих искусственных мирах развилась практика Пути Эльдар (Айнио) как способ защиты душ эльдар от искушений их собственной противоречивой натуры и, следовательно, как способ избежать объятий Слаанеши, которая с тех пор постоянно жаждала и выискивала малейшие проявления крайностей душ тех, кто впервые породил её.

Периметр Стикслин /Styhxlin Perimeter/ - большой тектонические разлом, образовавшийся в виде глубокой трещины в структуре Каэлора во времена так называемых Войн кораблей между Каэлором и Сейм-Ханном в период, который непосредственно предшествовал

Блестящему Веку Гоури. Трещина никогда не была полностью заделана с использованием материалов, скорее она была скреплена психической энергией. С тех пор из-за особенностей свойств искривлённого Ша'эйль пространства кажется, что длинный зазубренный каньон проходит прямо сквозь Каэлор наружу в космический вакуум, не зависимо от того, с какой стороны вы на него смотрите. С тех пор как Гоури Сияющий основал Круглый Двор, Периметр Стикслин традиционно считается линией раздела между областями эльдар Нэвир и провинциальных великих домов, которые называются Внешними Домами. Одна легенда Ансгара гласит, что это случилось в результате неудачной, но преднамеренной попытки ясновидца избавить Каэлор от (военачальников) великих домов.

Призрачная кость -- Ша'эйльбр /Wraith bone - Sha'ielbhr/ - как и на множестве других искусственных миров, квинтэссенция призрачной кости взята из варпа и превращена в материальную

субстанцию группой призрачных кузнецов, которых называют костопевами. Этот материал является невероятно прочным и эластичным (и вследствие этого устойчив к воздействиям), он постоянно сохраняет контакт с варпом, который делает его абсолютно эффективным психическим проводником.

Призрачный Паук /Wraith Spider/ – см. «Ликосидай».

Проход Улы /Ula Pass/ – постоянный узкий коридор через Периметр Стикслин вдоль известной Линии Айннис. Он практически соответствует технологии Паутины, хотя и в значительно меньшем масштабе. Это один из наиболее хорошо укреплённых подходов к Сентриуму, и был местом последнего великого сражения Династических войн, в котором силы Ансгара были практически уничтожены при самоубийственной попытке Бедвира Ансгара переправиться по этому Проходу.

Местная легенда рассказывает, что Ула была магом из домена Ансгар, прошедшей обучение в Храме Пауков

Варпа. Говорится, что она потратила всю свою жизненную силу, чтобы предотвратить раскол Каэлора во время Войн кораблей, создав этот проход в качестве моста, соединяющего вместе две стороны с помощью чистой энергии её воли. Некоторые из рунных певцов предполагают, что таким образом она воплотилась в своё творение, и что её душа обеспечивает структурную целостность этого прохода.

Путевой камень -- Слёзы Иши /Waystone - theTearsofIsha/ - как и на всех искусственных мирах эльдар, каэлорцы вверяют свои души неприкосновенному путевому камню, чтобы сохранить свой бессмертных дух от лап Великого Врага Слаанеши в момент их смерти.

Конечно, в период раздора на Каэлоре, известном как Век Страдания, который предшествовал так называемому Блестящему Веку Гоури, в кругах эльдар Нэвир начали подвергать сомнению действенность этого обычая. Каэлорский Век Страдания был отмечен

беспрецедентным пренебрежением к традициям, мифам и легендам, что, возможно, объясняет, почему столь много великих мифических циклов на Каэлоре были забыты.

В типичной для большинства искусственных миров манере каэлорцы носят путевые камни на шее, на декоративных цепочках или вставляют в нагрудные пластины своих доспехов.

Путник /Wayfarer/ - кажется, у этого определения нет эквивалента ни на каком другом искусственном мире, которые я посетил. По-видимому, он относится к эльдарам, которые следуют обычному развитию Айнио, циклично двигаясь от одного данир к следующему на протяжении своей жизни.

Путь/the Path/ - см. «Айнио».

ПутьЭльдар/Eldar Path/ - см. «Айнио».

Риллиймann/Rillietann/ - см. «Арлекин».

Ритуал Тюйриан /Ritual of Tuireann/- церемония инициации при достижении зрелого возраста, которую

при Дворе Ясновидца на Каэлоре начала проводить Фидельм Тюйриан (также известная как Тюйриан Древняя). Фидельм была старым Арлекином, оставленной своей труппой на Каэлоре, когда искусственный мир спасался бегством от хаоса во время Великого Падения. Несмотря на глубокую старость, её манеры всегда оставались юными, и её имя стало использоваться в ироничном смысле, являясь символом того, что поведение эльдара зачастую не соответствует его возрасту.

Рунный певец/Rune-singer/ - см. «Эсдайнн».

Сапфирная Лощина /Sapphire Dell/ - круглая площадь совета в доменах Ансгар. Это круглое, металлически-синее углубление, располагается ниже уровня земли, что должно указывать на то, что сами советники всегда уровнем ниже тех, кем они руководят. Её структура должна отражать политические обязательства правящего Дома Ансгара.

Светлая фаза -- Лайтнис /Up-phase - Laetnys/ - см. также «Тёмная

фаза».

Селиддон Оссиан /Celyddon Ossian/ - глава Дома Оссиан, одного из великих домов Каэлора и член совета Олипсина. Он известен необычно тёмной кожей, золотистыми глазами и богатыми, эффектными одеждами.

Сентриум /Sentrium/ - название сектора в сердце Каэлора, где располагается Круглый Двор.

Силти /Scilti/ - старший кузен Найса Ансгара и Элы'Ашбэль. В Династических войнах он сражался рядом со своим дядей Бедвиром, и, не смотря на молодость, является опытным воином. Он обучался в Храме Пауков Варпа в домене Ансгар.

Синния Ютран (Провидица) /Cinnia Yuthran(Seer)/ - также известна как Майве Скрытой Радости – одна из старших провидиц в Доме Ютран. Она также является представителем этого дома при Дворе Ясновидца. Она – наследница функций и обязанностей Владычицы Айони и является наставницей Элы'Ашбэль.

Слаанеш -- Великий Враг -- Пожиратель Душ /Slaanesh- the Great Enemy- The Devourer of Souls/ - Подобно эльдарам с других искусственных миров, каэлорцы сохранили, как минимум, часть мифических циклов о Падении, в которых Слаанеш изображается рождённой от совокупной, неумеренной в жажде наслаждений энергии душ эльдар. Как и множество других эльдар с искусственных миров (за исключением см. Том.IX -- Блудный Сын: Хирангра), большинство каэлорцев (особенно в великих домах) рассматривают Слаанеш в качестве постоянно присутствующей угрозы и опасности. Они следуют Айнио, чтобы защититься от её лап.

Слир /Sleehr/ - технический термин, используемый провидцами и призрачными кузнецами для обозначения дисбаланса между материальной и нематериальной энергиями объекта. В обычном языке он стал насмешливым названием, которое указывает на развращённую, неуравновешенную, ущербную или неприятную персону,

например -- ребёнок-слир.

Стикс-ман /Styhx-tann/ - обидное прозвище, которое используют Нэвир по отношению к эльдарам с другой стороны Периметра Стикслин.

Тёмная фаза -- Даркнис /Down-phase - Dharknys/ - период темноты, который циклично повторяется для каждого сектора Каэлора, создавая искусственную ночь на огромном искусственном мире. Фактически, это -- естественное явление (или, по крайней мере, у каэлорцев нет технического понимания того, как и почему это происходит). Вполне убедительная теория предполагает, что есть что-то, из-за чего периодически происходят приливы и отливы в бесконечном цикле, которые становятся любопытным индикатором жизненного цикла искусственного мира. Даркнис регулярно сменяет период лайтнис (светлая фаза) повсюду, кроме пределов святыни Флюир-герна, где всегда светло.

Тьюрейр-йуг -- жирный ленивец /Tureir-iug- lumberingsloth/ - несколько

не справедливое название, данное веркэтам с Поприя, которые были одомашнены группой разведчиков с Каэлора несколько веков назад, а затем выращивались на фермах в ряде эко-куполов, которые разбросаны по всему искусственному миру. Несмотря на вытекающие из названия неповоротливость и презрение, Нэвир Каэлора, по-видимому, очень пристрастились к мясу этих животных, и их разведение практически монополизировал Дом Оссиан. Это странное отклонение от нормы на Каэлоре, где большинство эльдар, по-видимому, избегает есть мясо животных по причинам ритуальной чистоты.

Тьюри Ривалин /TuriRivalin/ - сын Орианы и Морфрэна, приходящийся, таким образом, внуком Ахирну Ривалину и Айдену Тейрту.

Тайро – слово, обозначающее ученика или воина, проходящего подготовку в Храме Аспекта. Оно указывает на статус лица, которое ещё не было посвящено в тайное учение храма, или того, кто ещё не достиг достаточного уровня

мастерства, чтобы называться Аспектным Воином.

Уйшнех Эйнион /UisnechAnyon/ - глава Дома Эйнион, одного из великих домов Каэлора, и один из выдающихся советников Олипсина.

Умбала /Umbhala/ - редкое дерево, встречается только в двух местах на Каэлоре, оба из них закрыты защитными эко-щитами. Одно находится в Сентриуме, а другое расположено в области Ансгар под защитой Храма Пауков Варпа. Они цветут раз в двести лет, и говорится, его цветы такой красоты, что просто глядя на них можно исцелиться от любой печали. Древесина этого дерева настолько прочна, что в каэлорском фольклоре она получила определение неразрушаемой. Практически же, она настолько редкая, что никогда не используется для строительства, хотя, как известно, Пауки Варпа делают из неё боевые посохи. Кроме того, ходят слухи, что кора умбалы обладает психо-активными свойствами, поэтому она иногда используется провидцами в виде

курений.

Фаэрул /Faerulh/ - легендарный ветерок, который, как говорят, исходит из самой души Каэлора. Как утверждается, эльдары, обладающие наиболее восприимчивыми разумами, способны слышать голоса древних предков, приносимые шепчущим ветром.

Флюир-герн /Fluir-haern/ - см. «Бесконечный Цикл».

Цегорах - Смеющийся Бог -- Великий Арлекин /Cegorach - LaughingGod- TheGreatHarlequin/ - Эльдары Каэлора помнят одну (спорную) версию истории о Цегорахе, относящуюся к эпохе Войны на Небесах, в которой Смеющийся Бог, по всей видимости, обманул звёздного бога Каэлиса Ра -- несущего смерть -- обратив его против собственной древней расы Юнгир (в более известной версии этого мифа на других искусственных мирах Каэлис Ра заменяется мифическим противником Цегораха, который известен как Потусторонний (Камус).

Эта версия хорошо согласуется с

пророчеством Арлекинов о Возвращении Камуса, в которой Потусторонний возвращается, чтобы отомстить детям Смеющегося Бога. Наиболее популярным мифом о Цегорахе на Каэлоре является то, что он избежал последствий Падения, даже не обращаясь к строгой жизни Айнио. Эсдайнн (рунные певцы) из Двора Ясновидца рассказывают о том, как насмешки и дерзкий нрав Великого Арлекина отдалили его от упадка, гедонизма и морального разложения, которые вызвали к жизни Слаанеш.

Тот факт, что Арлекины не носят путевых камней, не ускользнул от внимания эльдар Нэвир, которые, по-видимому, трактуют Песню о Цегорахе как аллегорию, которая допускает распущенный образ жизни до тех пор, пока он подвергается самоосмеянию. Во время так называемого Века Страдания, Цегорах, по-видимому, стал чем-то вроде символа для тех каэлорцев, которые стремились полностью отказаться от Айнио.

Чёрная библиотека

/BlackLibrary/ - как и на большинстве искусственных миров эльдар, каэлорцы хранят множество мифов и легенд о загадочной Чёрной библиотеке. Одна такая история говорит о том, как легендарный (и реальный) каэлорский следопыт Вруар Скрытый провёл тысячу лет в поисках библиотеки, поклявшись никогда не возвращаться на Каэлор, пока не отыщет её. В разных версиях рассказа предполагается, что он всё ещё рыщет в Паутине, преследуя свою цель, покинув своё общество в добровольном изгнании. Насколько известно, никто из Арлекинов никогда не встречал этого легендарного следопыта. Следует заметить, что каэлорское представление о Чёрной библиотеке (и Паутине) слегка отличается от общепринятых у эльдар, и может быть отчасти объяснено отсутствием надёжных или постоянных контактов с Арлекинами в течение последних нескольких эпох.

Ша'эйль /Sha'iel/ - энергия варпа.

Ша'эйльбр /Sha'ielbhr/ - см. «Призрачная кость».

Эвилин /Eveline/ - есть каэлорский миф, называемый Потерянная дочь, который сохраняется во многих Домах Провидцев, включая и Дом Ютран. Это вариация на тему классического мифического цикла Слёзы Иши. В этой версии Ише удаётся скрыть одну из самых любимых дочерей от Бога феникса, когда Азуриан изгнал детей Иши с небес. Этот миф рассказывает, как это дитя было воспитано в тайне Ишей, которая обучала её тайнам вселенной до тех пор, пока её могущество не стало настолько большим, что уже было невозможно хранить её втайне от Азуриана. Тогда Иша переместила свою эвилин вниз в мир смертных, поместив её среди изолированных и хорошо скрытых эльдар Каэлора, чтобы защитить от гнева Каина и подозрений Азуриана.

Утверждали, будто бессмертная душа эвилин с тех пор начала периодически возрождаться в телах смертных эльдар, всегда в виде прекрасной девочки с поразительными сапфировыми глазами. Легенда утверждает, что, по-

видимому, воплощение эвилин всегда остаётся ребёнком, поскольку дочь Иши сошла с небес, не достигнув полной зрелости. Это интересный и уникальный каэлорский миф.

Эйнгил (Экзарх) /Aingeal(Exarch)/ - бессменный Экзарх Храма Аспекта Пауков Варпа. Храм имеет родовую связь с Домом Ансгара, с тех пор как ряд храмов Аспекта располагаются в родных секторах Ансгара и, соответственно, получают поддержку из средств Ансгара. В этих храмах обучались многие из семьи Ансгар. Эйнгил -- наставница Найса Ансгара и Силти.

Экзарх /Exarch/ - хранитель Храма Аспекта. Как и на других искусственных мирах, на Каэлоре экзархи -- это те Воины Аспекта, души которых полностью поглотил их воинственный нрав, и которые не способны подавить свою любовь к сражению. Таким образом, они не способны сойти с Пути Воина, оставаясь вовлечёнными в этот аспект бытия до конца своих дней. Экзархи воплощают в себе качества, характерные для избранного

ими Аспекта, и именно они становятся лидерами и руководителями храма. Большинство никогда не снимает своих доспехов, и в легендах Каэлора часто упоминаются экзархи, которые настолько сроднились с сущностью психопластика своей брони, что буквально были поглощены им, оставив психическое эхо своих душ, чтобы направлять и содействовать следующему экзарху, который надевает этот доспех (на других искусственных мирах разделяют эти сказания, но скрытность Храмов Аспекта препятствует тому, чтобы проверить их).

Каэлорцы также рассказывают о необычном экзархе – так называемом Ликосидае или Призрачном Пауке. По-видимому, этот легендарный воин раз в несколько тысячелетий приносит на Каэлор мир и справедливость. Он появится из рядов Храма Пауков Варпа, но его могущество превзойдёт даже силу экзарха. В различных версиях предполагается, что он является своего рода Азуриа (или Лордом Фениксом), но с тех пор как

знания каэлорцев о происхождении этого Аспекта (см. «Воин Аспекта») утеряны, утверждают, что этот Призрачный Паук существует внутри души Пауков Варпа, и проявляется посредством своего рода духовного пробуждения, а не с помощью надевания найденного доспеха погибшего Лорда феникса, как это описывается для других главных Храмов Аспекта.

Пауки Варпа Каэлора верят, что получили своё название и силу от крошечных кристаллических существ, которые бродят по Паутине и по бесконечному циклу самого искусственного мира, очищая их от всей не-эльдарской духовной энергии. Таким образом, Призрачный Паук, как считается, является колоссальной силой очищения, возвращающейся на Каэлор в момент величайшего осквернения и упадка. Великий каэлорский призрачный кузнец Ваалут Серебрянный предлагал интересную интерпретацию этого мифа, утверждая, что Призрачный Паук является олицетворением призрачной кости. Они оба являются сущностями,

которые непосредственно являются материальной формой существования энергии ша'эйль, хотя один имеет органическую природу, а другой – минерал.

Эльдары Нэвир Каэлора считают экзархов, также как и Храмы Аспектов в целом, примитивными и вульгарными выражениями отвратительной стороны эльдарской души. Тем не менее, ни один каэлорец не может похвастаться отсутствием чувства страха и трепета при встрече с одним из них.

Экзодин Нова – Эльдарские Рыцари /Exodine Knovah - Eldar Knights/ - мифические благородные эльдары, которые увели первых экзодитов к спасению до Падения. Некоторые каэлорские учёные относят происхождение название Нэвир к этому слову.

Экстернис /Externis/ - эльдары не с Каэлора.

Эла'Ашбэль /Ela'Ashbel/ - сестра Найса Ансгара и дочь Бедвира (предположительно от другой, неизвестной матери – ходят слухи о его свидании с прекрасной Владычицей Айони). Дитя-

провидица невероятной силы. Она, по видимости, находится под опекой Синнии в Доме Провидцев Ютран. Она славится своими необычными и потрясающими сапфирно-синими глазами.

Эсдайнн - Маг, то же Рунный певец /Esdainn-Warlock, Rune-singer/ - говоря обычным языком Каэлора, это означает любого псайкера со склонностями (и обучением этим искусствам в Храме Аспекта) к войне и насилию. Эмоциональная окраска слова, по-видимому, весьма негативная. Любопытно, что каэлорцы, кажется, соединили этот термин с названием, данным сказителям историй или рунным певцам, в особенности с теми из них, которые имеют отношения к великим мифическим циклам, где содержатся рассказы о героизме, войне и сражениях.

Самым известным из них является молодой Диох Эпона, который, несмотря на свою молодость, уже является мастером своего дела. По-видимому, в каэлорской культуре, любой, посвятивший свой разум битве (даже историям о

сражениях), подвергается осуждению. Необычное отсутствие различий между реальным насилием и относящимся к насилию может давать пищу для дальнейших размышлений.

Юнгир /Yungir/ - раса, против которой вели войны Древние и эльдары. Согласно каэлорскому мифу, самый великий из Юнгир, Каэлис Ра -- приносящий смерть и тьму -- впервые был уничтожен в эпическом сражении Каэла Меншей Каином с помощью копья-молнии, которое изрешетило собственное тело юнгира ядовитыми серебряными частицами, навсегда изменив его внешний облик в подобие жнеца с косой, однако Каэлис Ра никогда не может умереть по-настоящему, поскольку он и есть воплощение смерти. Каэлорская версия мифического цикла Рождение Страха рассказывает, как воющая и яростная сущность Каэлиса Ра, исторгнутая из его физического тела смертельным ударом Каина, пронеслась по материуму и проникла в саму суть расы эльдар, заражая их всеобъемлющим страхом смерти. Для

некоторых это пагубное влияние стало
чем-то вроде слир.